

1-ый всероссийский
литературный журнал



Тюмень

СПЕЦВЫПУСК

Часть 2

**IV ВСЕРОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ФЕСТИВАЛЕЙ «ЛИФФТ-2019»,
посвященный Международному Году языков коренных народов
и 75-летию Тюменской области**

2019





**Тюменская область
основана в 1944 г.**



Маргарита
Аль



Екатерина
Володина

Главный редактор **Маргарита Аль**

Региональный редактор по Тюменской области **Екатерина Володина**

Связь с общественностью **Анвар Альмухаметов**

Макет **Виктор Гоппе**

Корректор **Наталья Шварц**

Фотограф **Ольга Урусова**

Компьютерный дизайн **Юлия Брыль**

В подготовке журнала участвовали **Марина Александрова, Анна Нестерова, Константин Алексеев**

Компьютерная вёрстка **Людмила Зяблова**

Журнал ЛиФФт Тюменская область 2019 (№4)

Приложение Первого Всероссийского литературного журнала ЛиФФт

Адрес редакции:

115487, Москва, пр-кт Андропова, 31/59

+7(926)524 56 62, e-mail: info@liff.ru

Тюменская область

тел.: +7 (982) 968 38 72, e-mail: liff-tyumen2019@yandex.ru

Учредитель: ООО ДООС

При поддержке Фонда содействия развитию культурных проектов народов Евразии «ЛиФФт»

Журнал издан при финансовой поддержке
Комитета по делам национальностей Тюменской области

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами. В журнале могут быть использованы материалы и фото, находящиеся в свободном доступе в интернете.

Подписано в печать 04.09.2019 г.

Печать по заказу
копировально-полиграфического центра «Эмвико»
Тюменская область, г. Тюмень, ул. Республики, 61
Тел.: 8 (3452) 500-750; 54-64-74

УДК 82

ББК 95

ISBN 978-5-6042198-6-7

© Редакция журнала «Первый Всероссийский
литературный журнал ЛиФФт»

© Редакция Регионального журнала «ЛиФФт»
Тюменской области

Содержание

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Главный редактор Маргарита Аль	4
Региональный редактор Екатерина Володина.....	5

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

участников IV Всероссийский Литературный Фестиваль Фестивалей « ЛиФФТ» - 2019	6
--	---

Регионы России

Адыгея.....	6
Республика Алтай.....	10
Республика Башкортостан.....	14
Кабардино-Балкарская Республика	30
Республика Крым.....	36
Республика Татарстан.....	40
Чувашская Республика.....	47
Красноярский край.....	52
Краснодарский край.....	58
Пермский край.....	64
Тюмень.....	72
Районы юга Тюменской области.....	86
ХМАО.....	108

Зарубежные участники

Азербайджан.....	126
Беларусь	140
Германия.....	146
Казахстан.....	150
Молдова.....	156
Украина.....	160

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА (Обзор событий Фестиваля «ЛиФФТ -2019»).....	168
---	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ.....	176
------------------	-----

КОЛОНКА КРИТИКА.....	188
----------------------	-----

Фотовернисаж IV Всероссийского Литературного Фестиваля Фестивалей ЛиФФТ - 2019	192
---	-----

ЛИтературный Фестиваль Фестивалей

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР МАРГАРИТА АЛЬ:

Дорогие Друзья!

Приветствую вас и поздравляю с выходом Тюменского регионального литературного журнала **ЛиФФТ!** Это большая победа. Тогда как масштабно закрываются литературные Журналы, мы наращиваем объёмы и тиражи. И нам есть о чем писать, есть причины для встреч и проведения фестивалей.

Хочется кричать и манифестировать на весь мир! У нас всё получилось!!! Будущее, загаданное и спланированное 4 года назад, превратилось в настоящее и перетекло в сосуд прошедшего. Это драгоценнейшее содержание нашего соучастия в событиях этих лет. Во что оно трансформируется в будущем? Об этом мы говорили в Тюмени и в Баку на конференциях, встречах с читателями и круглых столах, разглядывая это возможное будущее со всех сторон. Высокую оценку круглому столу «Образ будущего человека и человека будущего» дал Великий поэт Олжас Омарович Сулейменов. Это выдержка из интервью: «Тема Будущего звучала на всех площадках, и я подумал, что она своей актуальностью подходит для размышлений, скорее, президентов, парламентов, которые обязаны организовывать грядущее своих стран и народов, осознавая, что будущий человек создается уже сегодня. И еще раз с горечью подумал, почему этой темой не загрузили свои мозги наши руководители середины 80-х? Отмахнувшись от плановой экономики, они не смогли спланировать даже ближайшее будущее страны, и она его сразу лишилась».

Представители 52 стран мира уже прислали свои работы для создания Книги о создании образа будущего человека и человека будущего. Уже есть Заявки на следующий Фестиваль ЛиФФТ в Турции и заявки на Всероссийский фестиваль фестивалей ЛиФФТ в Москве от Писателей из разных стран мира. Нам удалось не только привлечь внимание к литературе, но и развернуть мир к организующей эти мероприятия стране, России.

Готовимся к Фестивалям ЛиФФТ-2020 года, в Москве и в Турции. В третьей декаде декабря Евразийский литературный Совет Ассамблеи народов Евразии собирается в Москве. В это же время мы проводим съезд региональных и евразийских редакторов Журнала ЛиФФ, пройдет заседание Комитета по литературе Ассамблеи народов России. Ну и нам лиффтийцам будет Пять лет!!! До встречи!



Редактор регионального журнала «ЛиФФТ» по Тюменской области Екатерина Володина:

Сердечно приветствую читателей, авторов и издателей литературного журнала «ЛиФФТ»!

Уважаемые читатели, перед вами вторая часть спецвыпуска регионального журнала «ЛиФФТ», посвященного Международному Году языков коренных народов и 75-летию Тюменской области. В этом выпуске мы продолжаем публиковать работы участников IV Всероссийского Литературного Фестиваля Фестивалей «ЛиФФТ-2019», а также участников Всероссийского литературного конкурса «ЛиФФТ-2019». Современный уровень развития литературного пространства требует интеграции всего имеющегося в мире интеллектуального потенциала и Фестиваль «ЛиФФТ» следует этой современной тенденции. В журнале под одной обложкой литераторы из отдаленных сельских районов, небольших городов, рядом известные столичные авторы, литераторы с мировым именем из стран Евразии. Журнал «ЛиФФТ» призван консолидировать усилия писателей со всего мира в решении важнейшей проблемы создания общего литературного пространства. Нашей целью является создание отвечающего мировым стандартам периодического литературного издания, в котором представлены результаты деятельности отечественных и зарубежных литераторов в области поэзии, прозы, драматургии, краеведения, истории, фольклора, философской и религиозной мысли, культуры и искусства разных народов.

ЛиФФТ продолжил своё движение! В октябре, в столице Азербайджана, в Центре Гейдара Алиева, состоялся IV Евразийский литературный фестиваль фестивалей «ЛиФФТ», который стал одним из ярких событий мировой литературной общественности. Имена бакинских гостей со всех континентов не менее интересны, чем гостей Тюмени: Олжас Сулейменов (Казахстан), Мартин Динков и Хамид Ларби (Франция), Фернандо Рендон (Колумбия), Мамта Сагар (Индия), Эдуардо Эспина (Уругвай), Бронислава Волкова (Чехия), Паоло Руффилли (Италия), Сретен Вуйович (Черногория), Тошико Хирата (Япония), Кожис Кростос (Греция), Мариже Лангелаар (Голландия), Хадаа Сендоо (Монголия), Кшиштоф Шатравски (Польша), Идо Нетаньяху (Израиль), Ракель Лансерос (Испания), Сильви Мари (Бельгия), Джамал Эдден Бенхайюн (Марокко), Айша Саид Аль Дармаки (Оман), Тургут Танийол (Турция), Сесеп Сямсул Хари (Индонезия).

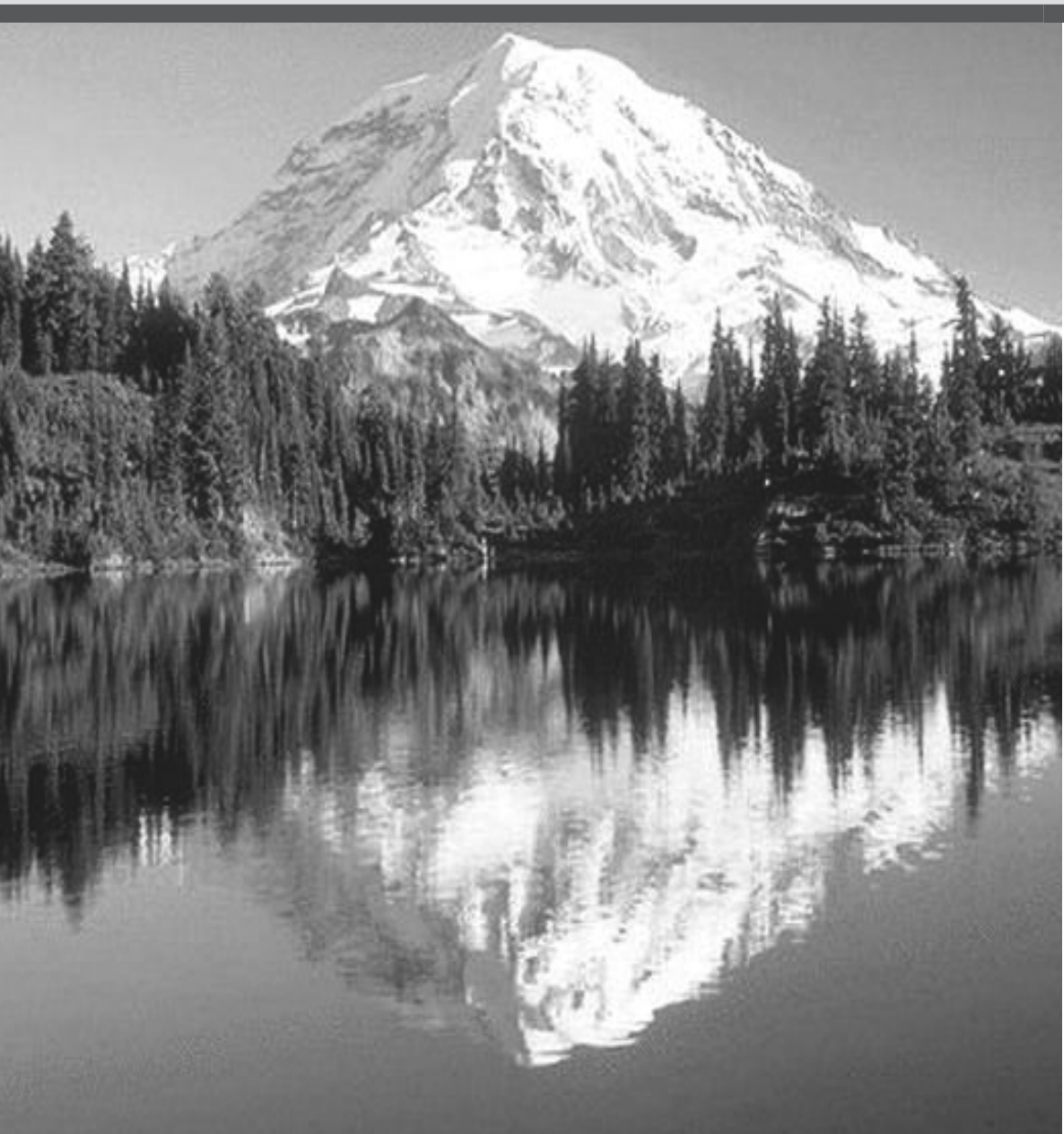
Огромное спасибо Баку за тёплый приём. Работа и общение были интересными и интенсивными.

Писатели создают, сохраняют, развивают, меняют этот мир к лучшему. Всемирно известный поэт Олжас Сулейменов отметил, что участие писателей 52 стран со всех 5 континентов настолько расширило литературные горизонты мероприятия, что фактически ЛиФФТ уже сегодня стал межконтинентальным, всемирным явлением в современной истории международного литературного процесса.

Хотелось бы выразить слова признательности в адрес Комитета по делам национальностей Тюменской области за обеспечение возможности выхода спецвыпуска регионального журнала «ЛиФФТ» в международном формате. Благодарю также всех членов редакционного совета журнала, его сотрудников за проделанную работу, а всем будущим авторам журнала желаю вдохновения и новых творческих успехов!

Приятного чтения, друзья!

Адыгея





ИНВЕР ШЕУДЖЕН

ЕСЛИ ТЫ РОЖДЕН МУЖЧИНОЙ...

Если пальцы изодраны в кровь,
Миг и, можешь ты в пропасть сорваться.
А до цели сто тысяч шагов,
Но не думал ты, даже, сдаваться...
Если шквалистый ветер в судьбе,
С ног сбивает, но манят вершины.
И не сдался ты в этой борьбе,
Потому что зовешься мужчиной.
Если чтишь, в уваженьи года,
Мудрость предков сокрыта в седилах...
У адыгов так было всегда,
Если хочешь ты зваться мужчиной
Манит сталью черкесский кинжал,
Память деда... Он звался Сосруко
И завет, если в драке упал,
Поднимайся без стога и звука.
Ветер треплет вершины у гор,
Величаво-грозны исполины.
Испокон здесь не слышали спор,
Прославляют ли род свой мужчины.

МОИ ИСТОКИ

«Уеду я в аул, к истокам,
Где бурная Лаба течет,
Меж гор скалистых, одиноко,
Меня дорога приведет.
Туда где горные вершины,
Как исполины, у ворот.
Где настоящие мужчины
Лоза янтарная цветет.
Туда где я мальчишкой босым,
По предрассветным хладным росам,
Водил на водопой коня,
Нетленна память, все храня...

МОЯ АДЫГЕЯ...

Небо на ладони... Шапки гор седы,
Вьется змейкой речка, чище нет воды..
Девушка с кувшином, черные глаза,
Гордые мужчины, янтарем лоза.
В яблонях долины. Хоженной тропой,
Кони, рассыпаясь, мчат на водопой..
Луговые травы, в росах поутру,
Здесь детей с рожденья учат лишь добру..
Вековые скалы памятью полны,
На стене кинжалы с давней той войны.
Испокон адыгский тут народ живет,
За столом лишь старший голос подает.
Кречет в поднебесье кружит. Взгляд востер.
Душу обжигает песня, как костер.
Танец – отражение жизни,
без прикрас,
Честь и уважение, так живет Кавказ.
Синеоко небо... Шапки гор седы,
А в реке хрустальной чище нет воды.
Девушка с кувшином и, как смоль, глаза.
В виноградных бусах тонкая лоза...

В осенний город окунешься с головой,
В просторы неба, шум дождя и звуки.
Быть несуразной, но такой родной,
Дышать, дышать, на зябнущие руки..
Не хочешь ли запутаться в словах?
Царапать пальцы, о мою щетину.
И признаваться мне, в своих грехах,
И быть моей... Хотя б наполовину...

Что такое успех?
Деньги, почести, слава?
Ты один среди тех,
Кто обласкан по праву.
Свет софитов... Молва
Будоражит сознание.
Под копирку слова,
Журналисты-пираньи.
Зов амбиций внутри,
Иль помазанник божий?
Миру клич, мол смотри,
На кого быть похожим.
Шел ты к цели давно,
Порождение химеры,
Жизнь как кадры кино,
Шутишь, грустен без меры.
Только это все тлен -
Деньги, слава, признание.
Где известности плен -
Там душа на закланье.
Жив родительский дом,
Мать, отец и лампада,
Как предтеча о том,
В чем для сердца отрада...
Утра солнечный лик,
Детский смех. Ты всевластен!
Вот нетленный твой миг,
Мера полная счастья!
Что такое успех?
Мудрость даст осознание.
Кто достиг этих вех,
Тот достоин признания...

Республика Алтай





ВАСИЛИЙ БЕЛЕКОВ

ЭР-БАЙС БЭЛЭК

Краткая аннотация стихотворения

Произведение состоит из 100 строк, 25 куплетов и 220 слов, начинающихся на букву «К», созданной по классической системе стихосложения тюркских народных сказаний, стихов и песней с семистопными строками и концевочной перекрёстной рифмой на алтайском государственном языке Республики Алтай. Подстрочный перевод выполнен автором в поэтической форме авангардного стиха. Посвящено удивительной поре кукушкиного кукования, когда просыпается Природа-Мать. Это составная часть поэмы о красоте Алтая во все времена года, которая состоит из более чем 200 строк на букву «К» и с 40-а с лишними строками на букву «J» алтайского алфавита. Она пишется с 2016 года.

Күнкүлдешкен күүктерлик

Күнкүлдешкен күүктерле
Кайнап келди көөрөмим,
Каандыкталган күндерле
Күүним көбүти, күзеелим.

Кенетийин кай-алкуум
Кандый коркыш көөрөди,
Көөкүм, көөрөм кожоным
Кызыл каным кайнатты.

Кежинеттий көөрөмим
Кунугышты коскорды,
Кыртыштулык кожоным
Кур-көксимди куйбуртты...

Күн көзиле көөкилеп,
Күкүгештер кожондойт;
Карлагаштар каайылап,
Кажаттарын куугылайт.

Когда кукуют кукушки

С песнями кукушек
Вдохновляюсь весной
В разноголосьи речушек
Наслаждаюсь любимой порой

Как всегда ниоткуда
Песнями льются стихи
Как в детстве с утра
Кровь закипает в груди

Неуправляемой силой
Заряжается всё вокруг
Песней птичьей
Уничтожается недуг вдруг

Солнца первыми лучами
Кукушки поют
Ласточки крыльями
Небо стригут

Кызыл-күрен кандыктар
Көстөримди көбкитлейт;
Күкүүктикте кушкаштар,
Кожон-коому көөжүтлейт.

Кабактары кызарып,
Күлүрежет күртүктер;
Курт-конгысты каскылап,
Көнкөрлөлөйт көрүктер.

Көк-тамандар, күнеттей,
Кемзингендү көргилейт;
Кеен кообылар, караантый,
Кайыллаган карарлайт.

Кайран кандык кызарып,
Кообыларда кызарат;
Күүле куштар күүнзешлеп,
Каруузышта күнзеелейт .

Камык куштар кожондо
Көөркийлерин көбкитлейт,
Көгөөрүшкен кырларда
Көгөлтүрим кеерилет.

Кемзингендү көрүшле
Күн-чечектер көргүлейт,
Күүнземелдү кайыла
Куйун куудым кычылайт.

Куйундылык койылып,
Кайаларды кемирет;
Кей-кеебизин кумунып,
Көлөткөзин кармадайт...

Коологон кожоным
Көк-айаста кайдыгат ,
Күнүркектү көөркийим
Кылыгында көмүлет.

Көөрөмжигим карайлайт,
Кай-кожоным көндүгет;
Көөркий көзи карарат,
Кейтүүжиге кычырат.

Куныкчылдык койылып,
Кеп-кийимин кийинет;
Кайран көөрөм карайлап,
Кылыктуны кайкадат.

Койоноктор кузуктап,
Карантылай көрүнлейт;
Кара-чайлар карсылдап,
Карамтыктап каайылайт.

Кандыка* красноцветье
Озаряют глаза
От куковании и разнопения
Открывает муза ворота

Тетеринными танцами
Утро начинается
Бровями красными
Бурундуки восхищаются

Подснежниками повсюду
Окроплены последние снега
Настроение в непогоду
Не портится никогда

Маральник чудными цветами
Украшает скалы дремные
Голубушки парами
Тревожат камни безмолвные

Вся птичья симфония
Воспевает любовь
Все песни таежные
Взмывают в неба глубь

Стародубки с огоньками
Несутся по лесам и полям
Горловое пение с шаманами
Летят к небесам

Вихри мысли любовные
Рушат глыбы зимней тоски
Горы вечно молодые
В акварели

Моя песня раздольная
Парит по синевам
Жена моя ревнивая
Ревнива к моим стихам

Моё стихосложение
Как сказание звучит
Глаза любовниц чёрные
Кого-то манят

И тоска, ты, унылая
Уплывай-ка прочь
Она как невеста юная
Ждёт когда наступит ночь

И вот зайчишки под кедрами
Орешков ищут тайком
На что глухари
Скрипят молчком

Куйундылык куйулып,
Келиндерди колтыктайт;
Кайран көөрөм карайлап,
Кылыктуны кайкадат.

Куныкчылдык койылып,
Кылыктуны киреелейт;
Кускын-карган каакшылап,
Каран-куру каргаанлайт.

Куулгазынду кеен кайым
Көк-айасты көөкүдет,
Каруузышту кимирттим
Кан-Алтайда каайылат.

Көк-тамандар, кыстардый,
Кемзингендү көргилейт;
Кайыр кырлар кылыштый,
Кынгырактый кынгырайт.

Көкө-Мөңкү Кадыннын
Кожон-кайын көөјидет,
Кажайышкан куулардын
Көк көлдөри килтирейт.

Кемзингендү көрүшле
Күн-чечектер көргүлейт,
Күүнземелдү кайыла
Куйун кудым кычылайт.

Куйундылык койылып,
Кайаларды кемирет;
Кей-кээбизин кумунып,
Көлөткөзин кармадайт...

Коологон кожомым
Көк-айаста кайдыгат,
Күнүркектү көөркийим
Көрүжерге кычырат.

Кай-кожомым кеендикте
Күлүмжилү каайыгын,
Котон-кыпчак канымды
Калаптыра кайнаткын.

Куулгазынду кеен кайым
Көөрөмөлди куйундалт,
Күзеелендү кожомым
Каарыгышты коомыдат!

Темень непроглядная
Холостушек дразнит
И сова глазастая
Кому-то хамит

Сколько можно
Смотреть этот не сон
Да и воронье тоже
Гаркают в унисон

Моё исповедь-сказание
Ты как таинство и мираж
Призрак вдохновения
На бомжа похож

Нет не было мглы
Это весны мимолётная ночь
Кукушкины слёзки
Изгоняют холод прочь

Святые вершины Белухи
В даль глядят за Катунью
Белых лебедей голубые озерки
Всегда блещут синью

Как девицы-красавицы
Венерины башмачки
Все они ревнивицы
Матери - Земли

Пора кукушкиных
Кукований
Разбудит нас всех
От сновидений

Песня моя в куковании
В синь небесную устремись
Любовь моя как в ясновидении
Поэзией обернись

Моё народное стихосложение
Улыбки вызывай
Поэтическое сказание
В жизни не унывай

Моя поэзия от
Космической дали
Стих мой – громоотвод
Губитель страстной печали!

*- Кандык сибирский (лат. *Erythrönium sibīricum* (Fisch. et C.A.Mey.) Krylov) – многолетнее травянистое растение, вид рода Кандык (*Erythronium*) семейства Лилейные (*Liliaceae*).

Республика Башкортостан





Лариса Абдуллина



Марсель Салимов

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА

Перевод с башкирского языка Мамеда Халилова

* * *

Я ждала тебя, к тебе тянулась, –
Где ты был?
На западе, востоке?
Как араб к подножию Каабы,
Шла к тебе, тоскуя о Пророке.

Словно Зулейха своим Юсуфом,
Я была тобою одержима.
И в мечтах надеялась я смутно,
Что тебе мое приснится имя.

О тебе одном мои желанья,
О тебе шепчу в молитве каждой,
И Всевышний – знаю! – не осудит,
Что грешу неуголенной жаждой.

Вдохновенные рождает речи
Твое сердце, полное жемчужин.
Вождь придет! О том молва пророчит,
Ведь такой, как ты, башкирам нужен!

Мудростью с Бендебике сравнимых
Дочерей все меньше год от года.
Все же ты надежда женщин многих –
Ты один у нашего народа...

О тебе я небеса молила, –
Семь морей ты перешел без брода,
Но не мне одной ты нужен, милый,
Ты – надежда моего народа!

* * *

Про грусть в моих глазах – не говори,
В себе лекарство утаив от муки;
Про стан поникший мне не говори –
Я снова жить учусь, с тобой в разлуке.
Я небо вижу, словно в первый раз,
Любуясь синевою его упругой.
На вечеринку будто собралась,
Опять накосники плету я туго.
Я снова разговаривать учусь,
По имени тебя не называя,
И не краснеть стыдливо – я учусь,
Тебя случайно где-нибудь встречая.
Всё шло как надо, было всё прямым –
Пыталась жить, тебя не видя рядом,
Но всё развеялось, как лёгкий дым,
Всего лишь под твоим скользящим взглядом.
Распался мир на тысячи частей, –
Осколки только брызнули наружу.
Из них я имя собираю твоё,
Расколотую собирая душу.
Ей узнавать не стоило тебя,
Наивно-чистой, словно ветер в поле,
А всё казалось песнею сперва, –
Как вдруг в неё вонзились иглы боли.

ЛЮБЛЮ

Очень странным оказалось это слово...
В каждой клеточке пульсирует оно,
Полыхает жарким пламенем во взоре,
Тяжким вздохом губы опалив давно.

Все туманности Вселенной в этом слове,
Но само же слово целиком во мне.
Слово страшное, святое слово это,
Что живёт в души безмерной глубине.

Мне не вымолвить его, мне не озвучить –
Я в публичные герои не гожусь.
Без него же пустота, – не быть, не выжить,
От себя и от всего освобожусь.

Из себя вытягиваю это слово,
Словно звеня чётков изнутри тяну,
Усмирить его хочу в самой основе,
Но сама у чувства я томлюсь в плену.

Очень странным оказалось это слово...
Может, милость божью в звуке уловлю, –
Разве можно выжить без святого слова?
Я люблю тебя. Люблю тебя. Люблю...

АХМАТОВА, АХМАДУЛИНА...

I
Томик твой,
Ахматова,
Сейчас,
К боли строк готовая заранее,
С полки я беру (в который раз!),
Когда жизнь
Качается на грани.

Жить в очередях...
И умереть,
И строкой пронзительной
Воскреснуть...
И стонать израненной,
Как петь,
И дыханье изводить на песню.

...Я
Стояла в тех очередях
И считала жалкие копейки.
Я с тобой,
Отбросив липкий страх,
Письмами
(В рубцах цензурных шрамов)
Прикрывала боль сиротских ран.

Псов свирепых помню до сих пор
И луну в квадрате клетки –
Тоже.
Где ценней тебя собака,

Ты – никто,
Где окурок ценится дороже.

Анна,
Ты – поэзии родник!

Что влечёт к тебе людские души,
Тянет в слово переплавить миг,
Что велит эпоху чутко слушать?
Сердцем времена соединив,
В «Реквием»
Вложила силу воли,
В вечность гордо выплеснув мотив
Сострадания,
Любви и боли.
Вечна тюркской крови страсть:
Жить и музыкой дышать не ново –
Площадям столиц знакома власть
Толпы зажигающего слова!

Беллы Ахмадулиной огонь
Очищал сердца своим порывом,
И
В ответ –
Многоголосый стон
Тишину дробил эмоций взрывом.
Не погас шестидесятых свет,
С площадей взметнувшийся
В высоты.
Чечь храня,
Сказав Иуде: «Нет!»,
Ты
Хрустальной прозвенела нотой.

И Серебряного века дверь
Ты ли закрывала
Напоследок?
И ценой чего,
Каких потерь,
В слове оставляют века слепок?
О таинстве дара
Моя речь.
Я –
По эту сторону портала.
Почитать Коран,
Свечу возжечь?
В память тех,
Кто сдёрнул покрывала
С сердца моего и глаз моих.
Но теперь –
Душа полна цветами!

Я над тьмою поднимаю стих,
Как над воинами света –
Знамя!

II
Зная просьб и подписей тщету,
Стыдно стихотворцам плакать хором.
Прочь
Уюта блеск и нищету!
Дорожу лишь Музы приговором!

Время чести вынесет народ,
Разлагает общество
Бесчестье,
Но служитель муз
Из рода в род
Быть с гонимыми обязан
Вместе.

Кто не знал
Тукая мерный слог
Иль Шейхзады
Язык певучий?
Каждый

Век собой украсить смог,
Обессмертив в слове миг текучий.
Нации моей душа и кровь
Благородны и чисты от века,
Так
Звездой Рами всходила новь,
Защищая званье
Человека.

Поэтессы!
Душ учителя!
Пели вы на языке берёз –
Песня липой шелестит вдали,
На окраинах
Моей земли.
Серьгами украшены,
Весной заневестились берёзы стройно.
Источают запах духмяной,
Всё в цветах,
Медовой липы кроны.

Если счастьем родина цветёт,
Невозможно разделить народы.
Край единый боль перенесёт,
Дружбой пересилив все невзгоды.
Войны,
Чистки
Вынесла страна.
И мой край опорой был при этом.
Ведь она поэзией сильна –
С Богом ли она,
Иль с партбилетом.

Родина моя!
Поющая земля!

Мы, Ахматовой забыв урок,
Бесприютней
Перелётной птицы –
Не живём,
А отбываем срок,
Дрожью рабской
Пачкая страницы.

Что сумеем
В слове мы сберечь,
Если песня
Не душою спета,
Ахмадулиной не видя речь
Даже на завалах Интернета?
Ритма её огненный набат,
Что доньине болью сердце ранит,
Всем певцам
Примером мог бы стать,
Когда Родина
Стоит на грани.

Нам судьбой отпущен малый срок,
Мы свидетели
Забвенья драмы –
Пусть стрела равнодушных строк
Прозвучит
Острее телеграммы!..

МАРСЕЛЬ САЛИМОВ

ТОВАРИЩУ МАЯКОВСКОМУ – ПОЭТУ И ПАМЯТНИКУ

Перевод Н. Пряслова

«Александр Сергеевич,
разрешите представиться...»

В. В. Маяковский

Владимир Владимирович,
разрешите представиться.
Надеюсь,
ничем я Вам не насолил.
Когда ещё
шанс мне такой предоставится —
Вам рассказать,
кто такой Мар. Салим?
Под именем этим —
 пусть не человечеству —
 но многим башкирам
 давно я знаком.
Полезную взбучку
на тюркском наречии
оно означает:
«ЗДОРОВЫЙ РАЗГРОМ».
Я славлю Аллаха,
забыв о раздорах,
за то,
 что есть силы
 бродить по Уфе,
за то,
 что сухим остаётся мой порох,
чтоб биться
 за истину
 в каждой строфе.
Иные,
в толпе меня видя идущего,
вылить злорадства готовы ушат.
Но люди простые
 с теплом и радушием
 руку при встрече
 пожать мне спешат.

А те,
кто сатирой моею отхлёстан
и месть мне таят
в глубине своих душ, —
грозят кулаком мне.
(А кто-то – и просто
старается грязью
обрызгать из луж!)

Но этот цинизм,
подловатый и выморочный,
уже не способен
меня удивить.

Чему удивляться,
Владимир Владимирович?
Мы знаем,
что значит —
САТИРИКОМ быть!

И ныне,
шагая по Коммунистической —
одной из красивейших улиц Уфы,
я в сквер Маяковского
двигаюсь мистически,
где в гуще зелени
замерли Вы.

Здесь каждое дерево
духом – советское,
вгрызлось корнями
в глубь прожитых лет.

Вы среди них —
как в любимой семье своей...
Дайте же руку пожать Вам, поэт!
Словно вулканом
душа моя выжжена,
сердце забыло
веселья струну.

Разве до смеха мне?!
Столько обиженных
просят помочь им,
куда ни взгляну.

Правда шатается.
Не удержать её
лишь на поэтах
да на мужиках,
если бразды
управленья державного

воры-чиновники
держат в руках.
Вон они —
встали,
законы цитируя,
словно шлагбаум,
закрыв все пути.
Чем с ними справиться?
Только сатирою!
Действенной смеха —
бича не найти.
Не трепеща,
что «замочат в сортире»,
зло расплозлось
от Москвы до Уфы.
Жаль,
«измельчал,
обеззубел сатирик», —
как справедливо
заметили Вы.
Жить,
конфликтую с чинами державными,
не по плечу
тем, кто слаб или юн.
Много ли шансов —
с ногами дрожащими
зло победить
в рукопашном бою?
Вот потому-то,
Владимир Владимирович,
чтоб к гонорарам тропу проторить,
многие бросили
фронт сатирический
и —
«ниже пояса» стали острить.
Так наступила
эпоха ХОХМАЧЕСТВА,
и у страны
будто «крышу снесло»:
честность,
наивность —
обсмеяны начисто,
но не затронуты —
наглость и зло.
Вы говорили когда-то,

что перья —
 надо затачивать остро,
 как штык.
Этот совет Ваш
 припомнил теперь я,
видя,
 как дух сатирический сник.
Но
 неужель
 нынче напрочь утрачено
свойство сатиры
 высмеивать власть
жуликов,
 взяточников,
 растратчиков —
всех,
 кто корыстно использует
 власть?...
Не отвечайте.
 Вы сделали символом
 славного строя,
 что в вечность ушёл.
Пусть никакой лишь
 валютною силою
 жизнь не сотрёт
 Вашу песнь «Хорошо!»
ВЕРЮ
 в запев этот оптимистический
 и,
 эту веру от всех не тая,
ТВЁРДО шагаю
 по Коммунистической,
вторя:
 – Читайте,
 завидуйте,
 я...

САТИРИК

Перевод М. Ямалова

«Я взмылен весь, но мира не отмыл...»

Габдулла Тукай

Я в юности,
как вилами,
преграды все сметал
и, наливаясь силами,
учился и мужал.
Заметив это,
к тридцати
мне вверили журнал.
– Редактор «Вил» —
высокий пост,
мудрее будь вдвойне! —
Коллеги, кто под шестьдесят,
напутствовали мне. —
Ты дерзок и небрежен,
подкальвать привык.
А надо – ох! – придерживать
язвительный язык.
Неровен час, и до беды
тебя он доведёт:
Начальство не одобрит вдруг
или не так поймёт...
Но я в советы не вникал,
соломок не стелил.
И в пух и прах через журнал
всё зло наотмашь бил.
Мишенью были бюрократ,
хапуга, рвач и хам,
кто у народа воровал
и жить мешал всем нам.
Чтоб зло под корень извести,
очистить общий дом,
я жизнь САТИРЕ посвятил
и не жалел о том.
Все жилы рвал...

Но вот беда —
 не стало меньше зла.
И дури много, как всегда,
 и пакость не ушла.
Наверно,
 для такой борьбы
 жизнь коротка была...
А для чего ж тогда писал,
 пороки бичевал?
 К чему азартно пестовал
 колючий свой журнал?
Как дальше быть?
 Такой вопрос совсем не прост,
 к тому же молодым.
А я, устав, как паровоз,
 от наставлений и от гроз,
и в шестьдесят —
 вот парадокс! —
 не уступаю им.
И шефы лет по тридцати
 мне пальчиком грозят.
И слышу вдруг знакомое,
 как много лет назад:
– Ты без оглядки говоришь,
 ты к дерзости привык.
Пора тебе попридержать
 язвительный язык!
Но я, махнув рукой, опять
 иду своим путём.
Мне жизнь уже не поменять,
 гори она огнём!
Когда бы я со слов чужих
 указы выполнял,
то сел бы на телегу их,
 их песням подпевал.
Своим бы слыл среди них всегда,
 твердя себе:
 «Нельзя...»
Но разве был бы я тогда
 САТИРИКОМ,
 друзья?!

Я ВИНОВАТ!

Перевод И. Тертычного

И что, и как... Про то никто не знает.
Какая-то сплошная маета.
НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, подлая, гуляет,
А справедливость в клетке заперта.

Кто понаглее, тот всю жирует
И в ус не дует... Вольное житьё!
А честный бедствует; он не ворует;
Он скромно дело делает своё.
Гляди: начальники да депутаты,
Друг друга обвиняя, дерзко лгут.
Тот сладко говорит, а этот – матом,
А приглядишься: тот и этот – плут.

И бизнесмены нынче не зевают,
У них одна мечта, одна цена:
Мешки, спеша, деньгами набивают;
Гори огнём, родимая страна!
А власть страны с экрана смотрит важно.

Она-то ни при чём, она честна.
Вот пенсии повысила уж дважды...
Пособия... Какого вам рожна?...
Те, кто рулил, в рулящих пальцем тычут:
Мол, довели до нищеты страну.
А им в ответ: «Ошибок ваших – тыща!
Признайте среди них хотя б одну!»

Такая чехарда!.. Никто не хочет
Признаться, что хоть в чём-то виноват.
И я встаю над болтовнёй порочной,
И поднимаю свой усталый взгляд,

И говорю: «Виновных не ищите!
Я виноват! Поверьте, только я!..
Свой голос «за» я отдавал, судите:
Не видел ни ЖУЛЬЯ и ни ВОРЬЯ!

Не я ль глухим годами притворялся?
Не я ль молчал не к месту, будто нем?...

Вот потому народ и настрадался,
Вот потому и приуныл совсем...»

Чтоб обмелело море общей лжи,
И вы ПОКАЙТЕСЬ, важные мужи!

ДУША ПЧЕЛЫ

Перевод С. Янаки

Весь мир пленил башкирский мёд.
Кто сладких уз не знает,
Тяжёлый пласт янтарных сот
На рынке покупая!
Вся грудь в медалях дальних стран
Сановного торговца.
А что пчеле? Ей – ТРУД с утра
И до захода солнца.

Ох, как старается она
Хозяину на славу!
И ты, БАШКИР, – твердит молва, —
Как ПЧЁЛКА для державы.

И ты, как тот проворный рой, —
Усердный, терпеливый...
Пусть ждёт кого-то пир – горой,
А ты в труде – СЧАСТЛИВЫЙ.

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ БАШКИР

Перевод Н. Переяслова

«...башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головой, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок».

А. С. Пушкин, «Капитанская дочка»

Великий Пушкин знал,
что значит – боль,
И рассказал открыто перед миром,
Как умирала крепостная голь
И вырезали языки башкирам.

Он сострадал им... Как не сострадать,
Когда в России в те лихие годы
Мог с языком и жизнь свою отдать
Любой из тех, кто захотел свободы...

Ну, а сегодня я листаю том
Великого поэта всенародно.
Мой край свободен, как родимый дом,
И мой язык бытует в нём свободно.

Есть Пушкинская улица в Уфе,
И Пушкину там памятник поставлен.
Есть дух свободы в пушкинской строфе —
В башкирских песнях этот дух прославлен.

Сегодня я – совсем не тот башкир,
Что ни запеть не мог, ни молвить зычно,
Что жил, сверкая рёбрами из дыр...
Сегодня я башкир – многоязычный!

Мой голос нынче в каждый дом проник,
Ему внимают в высших кабинетах —
То наш великий пушкинский язык
Мне открывает двери всей планеты.

Пусть видит ныне весь обширный мир —
И сельский житель, и народ столичный, —
Как безъязыкий пушкинский БАШКИР
Сегодня стал башкир —
МНОГОЯЗЫЧНЫЙ!

Кабардино-Балкарская Республика





МУРАДИН ОЛЬМЕЗОВ

* * *

Дождь проходит торопливый –
и уносит часть меня.
С ветки лист летит на землю –
и уносит часть меня.
Журавли вдали курлычут –
и уносят часть меня.

Каждый времени отрезок
забирает часть меня;
ветер, дерево ли, птица –
все уносит часть меня;
сны, вы тоже по крупицам
разбираете меня...

Но пока – я буду падать
вместе с каждую звездою!
И взмывать в нагое небо
вместе с каждой птицей буду!
Да – покуда не растаю
как туман, как сновиденье!

ЗАВИСТЬ

Камень
к дереву зависть питает,
потому что не может расти.

Ну а дерево
стать речкой хотело б:
та течет –
сколько ж видит она!

А вот речка
завидует ветру –
тот летает по воле своей,
не стесненный
границами русла.

ПОТЕРИ И ОБРЕТЕНИЯ

Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...

Но нашел,
как ни странно,
среди птиц.

ГНЕВ

Взглянув в огонь,
я дерево увидел,
которое приют
дарует птицам,
но осенью,
разгневавшись,
их гонит,
швыряя россыпь листьев
им вослед.

Взглянув на реку,
я вдруг дождь увидел,
который щедро
насыщает землю,
измученную засухой,
но в гневе
дома несчастных
может напрочь смыть.

Взглянув на камень,
я увидел искру.
Огонь ли в очаге
она сумеет
разжечь,
чтоб защитить меня от стужи?
Или – спалит жилище,
впавши в гнев?

УШЕДШИЙ В НЕБО

Вновь –
 черный день.
Опять погиб мой друг.
Еще один
 сорвался со скалы...
А он любил
взрывное слово
 «вдруг»,
всю жизнь любил он
острые углы!

Не надышавшись
 воздухом высот,
он, падая,
прощальный бросил взгляд
на мир внизу,
где нечисти – почет,
где каждый дышит
 затхлостью болот,
где страх в душе
 у каждого живет,
где думают лишь то,
что им велят.

А в мире скал –
 такая чистота!
Таким бесстрашьем
веет все вокруг!

Его всю жизнь
 влекла лишь высота,
таким он был,
ушедший в небо друг.

* * *

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая щедро радость материнства
и радуги цвета со звездным светом,
но точки не поставишь.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?

Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
смешать умея молнии стремление
с великолепной музыкой цветочной
на солнечных полянах.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая грустной старости морщины
с ночною тьмой, глухой, немой, холодной, –
к чему нам эти краски?

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним...

* * *

Красавица знакомая все чаще
пугается у зеркала: морщинки
в нем множатся, как трещинки в стекле,
ее туманя светоносный лик.

А дочь ее подросшая все чаще
у зеркала постаивает, видя,
как лунным светом груди набухают,
готовые подобьем белых роз
раскрыться.

Но вот бабушка и вовсе
пренебрегает зеркалом, в котором
ведется неотступно наблюденье
за всем, что происходит у них в доме.

Она-то знает: то – колдунья злая,
которая, заморозив однажды,
навек твоей душой завладевает,
а тело, словно старую собаку,
безжалостно прочь гонит со двора.

ТРОПИНКА НА НЕБО

Такой мороз,
что звезды коченеют.

Озябшие лучи ко мне стучатся
в окно, и я,
конечно, открываю.

Я говорю им:
«Милости прошу,
гостям издалека я рад,
входите,
скорее проходите к очагу».

Держу застолье с ними до рассвета –
мы пьем вино

и говорим о разном:
они ведут беседу по-балкарски,
я говорю
на звездном языке.

А на прощанье тайную тропинку
одна из них
на небо мне покажет
и пригласит захаживать к ней в гости,
в чем я,
пожалуй, ей не откажу.

ЗЕРКАЛО

Зеркало состарилось
и больше
не смеется звонко, как когда-то.
От него улыбки не дождешься –
глаз бездонных родники иссякли
и мутны от скорби и печали.
Кожа, прежде гладкая, в морщинах,
что твоя древесная кора.

Зеркало состарилось
и дремлет,
дремлет дни и ночи напролет.
А во сне, наверно, видит детство,
юности орлиный видит взлет.

Зеркало состарилось,
и что же?
Зубы поредели, а на пряди
изморозью пала седина.

Почему же зеркало, бедняга,
не себя жалеет,
а меня?

Республика Крым





КОНСТАНТИН СВИРИДОВ

Приятно улицей Приятной,
Людей приятных повстречать,
Приятно знать, что им приятно,
Отдать приятней, чем Отнять!

Аллах и Кришна, Будда и Иисусе,
Попробуй Провидение узри,
Всё это лишь ошибки в переводах
Разноплеменных жителей Земли!

Шесть гусей Омеги бухты
Мне рассвет преподнесли.
Вынырнул у пирса – «Ух ты»,
«Ра – Сияет» в пол-Земли.

Благодарю «Фиалковое Солнце»
За то, что, пробиваясь из-за туч,
Смеёшься радостно в моём оконце,
Любовью, направляя Жизни луч.
И для меня твоё сиянье – Вера,
Её в душе я бережно храню.
И в книге этой Мудрость – Королева.
Спаси, Господь! Потомкам подарю!

Жить не умею, но люблю!
Счастливым будь – живёшь лишь только раз
И точно знаешь – где тебя ждут.
И деньги не копи Ты про запас,
Они с тобою в Рай не уплывут!

Припев:

Петь не умею, но люблю,
Плясать не умею, но пляшу,
Как жить, не знаю – всех учу
Живу, пою, хочу.
А деньги потерять – ничто не потерять,
Здоровье потерять – то половина,
Потерянную честь не сможешь наверстать,
За сорок жизней даже очень длинных!

Припев.

Учись, и будет следующий миг
Наполнен смыслом, светом и добром,
И если людям помогать привык,
То полной чашей встретит каждый дом!

Припев:

Петь не умею, но люблю,
Плясать не умею, но пляшу,
Счастье ищу я и пою,
Люблю, ищу, спешу!
Петь научился и пою,
Плясать научился и пляшу,
Счастьем жить с вами дорожу,
Люблю, дышу, хочу!

ПЧЕЛКА И МУХА

Басня

Взгрустнулось от безделья жирной Мухе,
Потупив глазки с поволокой,
Решила диалог вести от скуки
С Пчёлочкой, что трудилась одиноко:
«Я, Муха царская, на золоте едала,
Живу Я во дворце, где пир горою
И дети царские – мои – уже роятся.
Ну, кто ж, убогая, сравнит тебя со Мною?»
И, прожужжав над грязною посудой,

Наелась влать и блюдо облизала,
По лысине Царя поползала паскудно
И яйца отложила в центре зала.
Придворных всех «вниманьем» одарила,
Жуж-ж-жала долго на ухо визирям!
Посла измазала и плюнула в кадило
Узорами, изгадив Герб Фамильный.
А наша Пчёлка целый день трудилась:
Цветочек – Здравствуй, Сладкий, Милый!!
Тычинки с нежностью собою опылила
И Мёдом с Роем щедро поделилась!
И Солнце засияло над долиной,
Дожди слепые радостно пролились,
Забутые сады, обласканные Пчёлкой,
Обильным урожаем поклонились!
А Пчёлке с Мухой некогда рядиться,
Вопрос – кто круче, вновь остался без ответа,
Не слышала Пчела, что говорили люди,
За Мёдом унеслась опять с рассветом...
Мораль сей басни однобока –
Поесть да гадить научился лежебока,
Я лишь добавил к этакой морали!
Трудолюбивых Пчёл и Мух
Среди людей видали!

Республика Татарстан





ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

Басни

КУРИЦА И ИНДЮК

У Курицы писать прорезался талант...
За строчкой строчку лапой выводила,
Прикончила бумагу, темы и чернила.
Решила скотный двор весь удивить,
Но вспомнила: работу прежде надо оценить...
На счастье, рядом жил ученый муж Индюк.
Он был магистром нескольких наук:
Животноводства, пчеловодства,
Короче, всяческого скотства.
Не смыслил только он в литературе,
Как результат — куриный труд в макулатуре...

И дело тут не в Цыпиных стихах,
А в том, кто их разносит в пух и прах!

СНЕЖНЫЙ КОМ

*Случилось так, что комочек снега
очутился на верхушке скалы...
Леонардо да Винчи*

Кляня в никчемности свою судьбу,
Лежал на горной круче снежный ком:
«Вот если б кто-нибудь попал в беду,
Я б тут же позаботился о нем,
Примчался бы на зов через ветра и скалы,
Так нет, — лежу без дела тут песчинкой малой!»
Как вдруг внизу он слабый слышит крик.
Герой наш оживился в тот же миг
И ринулся с горы, как оголтелый.
Опасности презрев, катилось тело.
А следом и собратья понеслись:

«И мы с тобой на помощь!» И уж вниз
Лавиной снежной рухнула подмога,
Похоронив благуя цель в себе:
Не слышен крик, исчезли лес, дорога...

Вот так и мы: хотим помочь в беде,
Не видим с высоты, чем оказать услугу,
И помощь, будто ком, сбивая, губит друга.

ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ

На вольном поле, возле быстрой речки,
Конь молодой гулял, позвякивал уздечкой.
Он стройный был, красивый и дородный.
По роду бедный, но породы благородной.

Вот как-то раз, травы объевшись на лужку,
Герой наш подобрался к большаку
И на глаза попался ишаку.
Ишак уж много лет, до крови сбив загривок,
Возил из города в село табак и мыло.
На кошек и собак поглядывал спесиво,
Копытом бил по мостовой неторопливо
И чаще налегал не на оглоблю, а на пиво.
Он шел, упершись лбом в дорогу,
Чтоб случаем не расшибить о камни ногу.
Вдруг, где-то сбоку, он услышал ржание,
Взглянул и увидал беспечное создание.
Не в силах обуздать приливы восхищения,
Восточные глаза раскрыв от изумления,
Ишак воскликнул: «Что за наваждение!
Ты чей, могучий, славный экземпляр?
Я в нашей местной фауне таких не видел сроду,
И от чего до сих ты прятал от народа
Величие свое, мощь, силу и породу?»
Конь аж на цыпочки привстал от этой лести,
Чтоб разглядеть, кому обязан он вниманием и честью.
«Смотри-ка, мерин быстро впал в азарт!
Вот это повезло! Вот это фарт!», —
Ему закралась мысль, что этого детину,
Коль постараться, можно превратить в рабочую скотину.
Ишак быстрехонько оставил свой товар
И рукавом занюхав перегар,
Чтоб с собеседником встать на один гектар,
Рекламный ролик закрутил про гонорар:
Что кроме денег, туалетов, дорогих сигар,
Его хозяин водит в бары
И отправляет отдыхать не в поле — на Канары.
И как бы, между прочим, под шумок
Расхваливать стал этот чудный уголок:

«Там птички райские. Не наши канарейки!
А поведенья легкого лошадки — три копейки.
И в зелени, представь, нехватки нет.
И что ни шаг: то ясли, то буфет!
Гулять и пить там можно вволю.
Вот это отпуск. Чистое раздолье!
Работу получить такую — божий дар,
И если наш дружок захочет,
Он непременно перед боссом похлопочет»
От слов таких у нашего коняжки
Два белоснежных выросли крыла и хлопали по ляжке,
От перспективы походить в упряжке.
На завтра поутру конь прискакал на скотный двор,
Где вынесли ему суровый приговор:
Возить муку со склада под забор.
Не разглядев обрушившейся доли,
Конь закивал: «Хоть к черту на рога, но не обратно в поле!»
Вот год прошел. Другой. Наш конь со счета сбился.
Он бедный потом и мочился, и слезился.
Но все не впрок.
Как не искал, — не мог найти он пятый уголок,
Чтоб смог передохнуть. И вот бедняга слез.
Его в конвульсиях забило, бросало в пот, трясло, знобило:
Короче, эта жизнь его убила.
Диагноз ясен всем. А коли так коня пустить на мыло...

Вы молоды, сильны, полны здоровья?
Паситесь на лугу!
Работа в хомуте приводит к малокровью
И гнет в дугу.

Чу! Стоп!
Работать все-таки придется,
Иначе критик в крике изойдется:
«Мол, эта молодежь!
Ни тпру, ни ну!
Неужто Ишаку гнуть спину одному?»

Мораль всегда найдешь в цитатных заготовках:
«Коль хочешь применить и навык, и сноровку —
Не раскрывай свой рот на хитрые уловки!»,
«Запомни, что бесплатный сыр бывает в мышеловке!»

МУХА И ПАУК

Увязла Муха в паутине, как в трясине.
Бедняжка бьется в ней который час, —
Уже нет силы.
И вдруг — Паук:
— Мадам, как рад я видеть Вас!
Прошу Вас разделить со мной беседу.

Пофилософствовать, коль Вы пришли к обеду.
Я тему обсудить готов любую.
Итак, о чем мы с Вами потолкуем?

— О, благодетель мой, спаси меня скорей!
Сжимают ноги-руки путы!
Не медлите, мой друг, ведь не пройдет минуты,
Как я умру! Дыханье все слабей...

— Ну, что ж!
...Дыханье — важный компонент любого тела!
Как жаль, что Вы, что ты
Им овладеть при жизни не сумела.
В дыханье важно что? Ритмичность!

Так действовать должна любая личность.
И надо прежде, чем запутаться в веревках,
Измерить жизненную емкость легких!
Паук, поднявши кверху перст,
Внушительно ей изливал свой текст.
Жаль, Муха не смогла в полемику вязаться,
Ей с жизнью суждено было расстаться...

Мораль до ужаса простая:
В беде не стоит уповать на красная!

ОРЕЛ И УЛИТКА

На крыше Мира, где гуляет ветер
И облака на скалах отдыхают,
Жил-был Орел.
Из гордости и чванства
Решил он к Богу выше всех подняться:
«Нет в этом мире средь зверей и птиц
Создания совершенней и прекрасней.
Всем обладаю я: умом и силой, летать умею,
зрение в порядке, —
Кому же, как не мне, жить так высоко».

Однажды утром встал он, как обычно,
И вдруг от неожиданности обмер,
И закричал, придя в негодование:
«Что вижу я! Презренная Улитка?

Тупица без хребта, слизняк холодный,
Умеющий лишь ползать под ногами,
Что делаешь ты здесь — на крыше Мира?
Как смела ты? Как ты сюда попала?»
Улитка очень скромно отвечала:
«Всю жизнь я вверх ползла
По кручам и по скалам —

Все долю, Богом данную, искала.
Дойду ль? Сама не знала.
И, кстати, вас я встретить, здесь не ожидала!»
Пусть при рождении летать Вы не умели,
Вползете высоко, когда стремитесь к цели,
Коль Бог терпением и смиреньем Вас разделит.

ПЕСКАРИНОЕ ИСКУШЕНИЕ

Не стоит поддаваться искушенью
И плыть за кем-то, даже по теченью...
Путина началась едва,
Как к стае пескарей наведалась плотва.
Вся стильная: и ирокез вдоль спинки,
Наколки, пирсинг... Не плотва — картинка!
У пескарей, что помоложе,
От удивленья вытянулись рожи.
Ни разу здесь, в провинциальной тине,
Такого чуда не было доньше.
Плотва, облокотившись на камыш,

Зевнув, произнесла: «Какая тишь!
Какой отстой!
Да, это не стремнина,
Где ежечасно изменяется картина!
У нас там желтые пески и теплоходы,
И музыка, и вкус изыска и свободы...
И как вы здесь живете, господа!
У вас трясиной отдает вода!»
И стайка пескарей, наслушавшись рассказа,
Махнули плавниками и исчезли разом.
В жизнь мегаполиса-реки
Нырнули с головой мальки.
Никто обратно не приплыл в пенаты.
Красивое житье грозит всегда расплатой.
Одни окончили свой путь печально,
Не увернувшись от налета чаек...
Другие, близко подобравшись к теплоходу,
Мазут хлебнули. Кто-то в сточных водах
Отбросил ласты, то есть плавники.
Не обошли и прочие силки:
То сеть рыбацкая, то рядовой крючок,
То винт, то шторм, то хищниц косячок...

Вот и выходит — жизнь крутая
Покруче будет, чем о ней мы представляем!

Чувашская Республика





Марина Карягина



Елена Светлая

МАРИНА КАРЯГИНА

Палиндромы с подстрочниками

* * *

Каşё çак тер тёк – терт ёкёрё:
Кётрет!
Кётрет каşё çак!
Вечер до того хорош –
все невзгоды готовы заплакать: волшебнo!
Это вечер чудес!

* * *

Харама мар пурәнәсу:
Пама, пама пуçәнәр,
Упрама марах!
Чтобы не прожить впустую,
Начинайте давать,
Не хранить!

* * *

Çиснәшән – сиç,
Сиснәшән – сис!
Пысәккә сыпана пысәккә сыптар,
Юраттар, ыраттар.
Уçә Сас-и уçar,
Уçәлса утар,
Юратар, ыратар!
Ыратнәшән тар, юратнәшән!

Йӱха татнӱшӱн тата хӱйнӱшӱн – тар!
 (юратнӱшӱн – тар:
 Ыратар, ыратар...)
 Юрату – аслӱ сурасу-и?
 САСӱ сураттар, ыраттар!
 Юрат пысӱккӱ сыпана,
 Пысӱккӱ сып...
 Сиснӱшӱн – сис,
 сиснӱшӱн – сис!..
 Во имя того, что сияли – сияй!
 Во имя того, что чувствовали – чувствуй!
 Привыкшему к большим глоткам – давай побольше,
 Влюбляя, причиняй боль.
 Открыть бы гласный Звук,
 Подышать свежим воздухом,
 Любить, ощущать боль!
 За эту боль и любовь – беги!
 Беги за то, что род не продолжили,
 За дерзость!
 (За то, что любим – бежим друг от друга
 Болеть, болеть любовью...)
 Любовь – великая гармония?
 Изнуряя болью, дай выносить Звук!
 Люби того, кто привык к большим глоткам,
 Хлебай побольше...
 Во имя того, что мы чувствовали – чувствуй!
 Во имя того, что мы сияли – сияй!

* * *

Тарать ут:
 Тастан усӱ сунат
 сат! тутарать...
 Убегает конь.
 Раскрытые крылья
 Хлопают невзначай...

* * *

Тарӱхтарать: йӱх халсӱр.
 Ыр ӱслах хӱй –
 Тарать, хӱрять...
 Грущу: слабеет мой род.
 Умны его дети,
 Да пугливы: разбегаются...

* * *

Тытар шăпăра:
Сиппи — çапă.
Шан ăрăва –
Сапър юрат.
Сахал парăну –
çунър апла!
Хастар юрăпа
Савър ăна!
Шăпа сиппи сарăп:
Ăшра тыт.
Берём метлу:
Сила – в прутьях.
Верь в свой народ –
Тихо его люби.
Преданности мало –
Гори!
С удалой песней
люби его!
Расстелю нити судьбы:
Держи в мыслях.

* * *

Мала, тымар!
Ынатлам малтан,
Ырам – ыталам!
Корни, в будущее!
Сначала буду лелеять,
Устану – обниму.

* * *

Ирĕк сăвă.
Сатра пăхан:
Вăрă тĕвĕлевĕ – хĕвелĕ вĕт!
ăрăвна хăпартас, ăвăс!
Кĕр-и?..
Свободный стих.
В саду увидишь:
В зародыше семени – солнце её!
Поднимай свой род, дерево!
Уже осень?..

ЕЛЕНА СВЕТЛАЯ

Чувашия, как многолика ты...
Трудолюбива, искренна, красива!
И все твои прекрасные черты
Народ твой отразил в поэзии правдиво!
Под утренние трели соловья
Слова ложатся на бумагу - песней,
Журчание святого родника
Подобно музыке, которой нет чудесней!
Родной наш край по праву можно
Жемчужиной Поволжья называть!
В своих делах, словах и сердце
Чувашию мы будем прославлять!

Слова и мысли... постановка фраз...
Ты подбираешь нужную тональность
И думаешь: «А где она – реальность,
Что может быть со мной на этот раз?!»

А разум говорит тебе: «Постой!
И посмотри на то, что близко, рядом!»
Так мысль одна сменяется другой...
И душу омывают слёзы градом.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Какое счастье быть собой,
Когда в душе твоей покой!
Когда ты с разумом в согласье,
Когда друзья с тобой
И в радость и в ненастье,
Когда ты любишь и любим,
Живешь с семьей, а не один,
Когда ты знаешь в жизни цель
И к ней идти тебе не лень,
Когда ты видишь плюс во всем
И дорожишь прожитым днем,
Когда на склоне своих лет
Потомкам сможешь дать совет...
Ах! Если б, каждый думал так,
То не было бы в мире передраг!

БАСНЯ «ПУГОВКА»

На маленьком прилавке магазина
Лежала Пуговка, она была красива!

И мимо проходящие девицы твердили вслух:
- Как хороша вещица!
Какая форма, цвет, какой дизайн!
А перламутра в ней хоть отбавляй!

Просили продавца дать Пуговку им в руки,
Прикладывали к ней и блузочки, и брюки,
Крутили бедную и так её, и сяк...
Но снова возвращали на прилавок,
Решив, что слишком яркая она.

А Пуговка мечтой своей жила...
Хотела украшеньем стать она
Роскошного наряда дамы светской,
Тогда и жизнь её была бы интересной.

Недолго Пуговка ждала:
В воскресный день её купила модница одна.

Пришла домой, на платье бальное пришла,
А вечером на званый ужин поспешила.
На протяжении всего банкета
Кокетка слушала в свой адрес комплименты.
Ей очень нравились подобные моменты!

А Пуговка, счастливая, блистала
И все слова в свой адрес принимала.
Казалось ей, что лишь она всему виной
И прелесть только в ней одной.

Теченье моды очень скоротечно,
И счастье Пуговки, увы, не вечно!
В ломбард хозяйка платье отдала,
Про Пуговку красивую не вспомнила она.

Висело долго платье в магазине:
И мерили его, и напрокат просили...
Так время шло и Пуговка старела,
До красоты, которой не было и дела.

Весь вид у платья вызывал лишь жалость,
А Пуговка на нём едва держалась.
И думала она: «Какая жалость,
Что бесполезно жизнь моя промчалась...».

Как только мысль её такая посетила -
Вдруг нить оборвалась,
И Пуговка по платью вниз скатилась.

На счастье, Пуговку увидела девчушка.
Взяла её себе и принесла домой, к игрушкам.
А мама девочки заметила находку,
Пришла сразу носик медвежонку,

Медведь любимой был игрушкой
И очень нравился девчушке!
Частьёно с ним она играла,
В блестящий носик целовала!

И Пуговка все больше понимала,
Что значит - быть по-настоящему счастливой:
Отнюдь, неважно быть для этого красивой,
Важнее - чувствовать себя необходимой!

Красноярский край





ВЛАДИМИР РАК

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ – ВАСЯ-ДУРАЧОК

Вася-дурачок, был человеком известным в своей округе, да, что там известным, Вася был популярным человеком. Личностью он был, что называется серой, но не в том плане, что он был человеком заурядным, нет, Вася имел действительно серую внешность. Представьте себе, человека неопределённых лет, с большой серой от седины и грязи бородой и такими же серыми патлами на голове. Одет Вася был тоже во всё серое, он носил давно не стиранные одежды, а босые ноги его были большими и грязными. Ему можно было дать и сорок лет, и шестьдесят, а истинный его возраст не знал никто. Я наблюдал этого человека лет пять и за всё это время, Вася ничуть не изменился. Первый раз я увидел этого странного человека, когда учился ещё в четвёртом классе; следовательно, было мне в ту пору одиннадцать лет, а на дворе стоял 1961 год. Вася появлялся в Покровке всегда неожиданно, он заходил на окраину деревни и постепенно шествовал к её центру. Вася шёл и покрикивал – «Извёстка, кому извёстки!», за собой он тащил гружёную тележку, на четырёх колёсиках от детского велосипеда. Деревенские женщины, как-то привечали Василия – извёсть нужна была всем. Так-то извёстка продавалась в районном центре, но за ней нужно было ехать, а тут, пожалуйста, с доставкой на дом, да и цена была ниже, чем в сельпо-вском магазине. Вася продвигался со своим экипажем по центральной улице, женщины с соседних улиц и переулков подходили к нему со смешками и прибаутками. Для них это был хороший повод, повеселится и покрасоваться перед односельчанами и друг перед другом. Для такого дела, как покупка извести у заезжего торговца, женщины даже принаряжались. Постепенно около Василия собиралась очередь из женщин, которые не только хотели купить товар, но и те, кто уже отоварился, тоже не спешили покинуть бойкое место. Такое собрание деревенских женщин в одном месте, настраивало их на весёлый лад. Женщины знали Васю давно, и шуточки, которые деревенские молодки отпускали в сторону торговца, тоже повторялись из раза в раз, за исключением некоторых вариаций. На этот раз, с Василием шуточный разговор начала Давыдчиха, женщина лет тридцати – бойкая насмеш-

ница. Она задала Васе вопрос:

– А, почё Васька, ты нос воротитишь от нашей Руфы? Ведь в прошлый свой приезд ты обещал, перед всем честным народом на ней жениться. Или запамятовал?

Конечно, в этом месте вздрагивал весёлый и незлобивый смех. Руфа – колхозная доярка была немой и как все немые люди была очень сильной, и отличалась завидным здоровьем. Руфа от рождения была глухонемой. Она жила в небольшой мазанке на окраине деревни, со своей престарелой матерью. Её мамаша, не брала во внимание свой почтенный возраст и частенько поколачивала свою дебелую дочь. Не смотря на то, что Руфа была немой весь деревенский народ, как-то понимал её мычание, да и она хорошо читала по губам то, что говорили ей собеседники. Вот и на это раз, она поняла, что речь велась о ней, более того, она поняла, что бабы её шуточно сватают за Васю. Руфа состроила комичную мину, как будто съела, что-то очень кислое, а потом звонко, что-то прокартавила, а затем покрутила пальцем у своего виска и показала рукой на Васю. Мало того, она повернулась в сторону продавца широким крупом, задрала верхнюю юбку и похлопала себя ладонью по исподней юбке, которая прикрывала её широкий зад. После Руфинова представления, по толпе покупательниц прокатился такой дружный хохот, как будто цирк приехал на гастроли. После этого весёлое настроение не покидало толпу женщин в продолжение всей торговли. Когда веселье было готово уже затихнуть, какая ни будь из женщин говорила:

– Что, Василий, съел?!

А другая женщина добавляла, как масла в огонь подливала:

– Ты думал Руфа у нас девка простая, нет паря, она у нас с доски почёта не слезает, а ты думал, как?

Пока продавец проходил улицу, известь, как правило, была у него вся продана. Вася-дурачок уходил восвояси, а пустая тележка тарахтела позади него с весёлым скрипом, как будто была рада тому, что избавилась от поклажи. Меня, как-то всегда интриговало слово «дурачок», которое почему-то все деревенские добавляли к его имени. Свою торговлю Вася вёл весело, отпуская шуточки, то по отношению к одной покупательнице, то по отношению к другой. Нужно отметить, что, не смотря на свой не опрятный вид, зубы у продавца были белые и ровные, а улыбка его была по-детски наивной и привлекательной. Как-то на дурачка Вася был похож только внешне, а я уже в свои одиннадцать лет прекрасно понимал, что отличительной чертой всякого дурака должна быть его голова. По моему твёрдому убеждению, с головой у Василия было всё в порядке.

Жил Вася-дурачок в рабочем посёлке Пикетное, здесь находился сельсовет – средоточие Советской власти для шести деревень. Так же, в этом поселении, средних размеров, была расположена школа-десятилетка и железнодорожный вокзал. По центру посёлка проходила железная дорога со стрелками и парой запасных путей. На этих путях часто стояли товарные составы, пропускающие скорые пассажирские поезда, которые со свистом проносились по Пикетному. Этот рабочий посёлок, благодаря вокзалу и

школе, был, как бы центром для пяти деревень расположившихся веером на расстоянии пяти-шести километрах от Пикетного. Во всех этих деревнях были только начальные школы на четыре класса, а когда дети переходили в пятый класс, их уже возили в пикетинскую школу на грузовой автомашине, кузов которой был оборудован тентом. Правда перевозка автомашиной начиналась только в октябре, с наступлением холодов, а весь сентябрь дети добирались до школы на велосипедах, или на попутках. Железнодорожным вокзалом пользовались тоже жители всех пяти деревень. Здесь утром и вечером останавливалась электричка, до ближайшего города было всего 72 километра и колхозники частенько ездили на городской рынок, продать излишки своего домашнего производства – сало, мясо, яйца и прочие продукты. Ну, а о сельском совете и говорить нечего; здесь происходила регистрация всех младенцев округа, а так же всех женихов с невестами. Свидетельства о смерти, родственникам тоже выдавали здесь.

Наступил день первого сентября и я, как, и все ученики-старшеклассники поехал на своём велосипеде в Пикетинскую школу. В честь первого дня начала учёбы в школе состоялась торжественную линейку, а потом покатались учебные дни похожие один на другой. Как-то в один из тёплых и прозрачных осенних дней, я катил на своём велике по Пикетному. Уроки в школе закончились, я спокойно ехал домой после уроков. Вдруг моё внимание привлёк странный агрегат, стоящий у обочины дороги, которая шла вдоль улицы. Объект показался мне настолько интересным, что я остановился и начал рассматривать это сооружение. В это время мимо меня проходил мой одноклассник Саша Кучман, он тоже возвращался с занятий домой. Я задал ему вопрос:

– Саня это, что такое непонятное стоит посреди улицы?

Сашка объяснил мне, что это печка для обжига извести. Я не поверил, и удивлённо сказал ему:

– Это же просто большая и корявая печка, неужели в таком простом сооружении можно делать известь?

На, что Саня сказал мне насмешливо:

– Эх ты деревня, всё Пикетное знает эту печку, а ты не знаешь. Ладно, так и быть расскажу тебе тёмному. Вон видишь, за печкой стоит хибарка, в ней живёт Вася-дурачок.

– Васю я знаю, он у нас в деревне часто известью торгует. Он, что сам её делает? – Спросил я удивлённо, а Саня продолжал:

– Ты хоть знаешь, что вся железная дорога засыпана щебнем? Так вот, Вася каждое утро ходит на железную дорогу и выбирает из этого щебня мраморные камни. Конечно, такие камни в щебёнке лежат не навалом, но попадают. За час Васька набирает половину своего мешка, а потом несёт его домой. Вечером у него другая работа, когда уже начинает темнеть, он опять идёт на железную дорогу. Там на запасных путях в это время, как раз отстаивается товарный состав с углём, это он пропускает скорый поезд – Москва-Пекин. Этим Василий и пользуется – он скидывает из вагона на землю уголёк, примерно половину мешка, затем он собирает этот уголь

и несёт его домой. Так за неделю Вася набирает столько угля и мраморного щебня, что ему этого хватает, что бы нажечь извести для продажи на целую деревню. Мой отец говорит, что Вася никакой не дурачок, а обычный симулянт.

Что обозначает слово «симулянт» я не знал, поэтому спросил у Сашки, что оно значит, и Саня ответил мне:

– Ну, это вроде он не настоящий дурак, а только придурок, то есть, он прикидывается дураком.

– А зачем это ему, ведь дураком быть стыдно? – спросил я.

На это вопрос Санька не имел ответа и неопределённо пожал плечами. А я теперь, проезжая мимо Васиного дома обращал на него особенно пристальное внимание, я ждал – когда же Василий начнёт делать известь. Наверное, прошла неделя после моего разговора с Санькой Кучманом. И вот, проезжая в очередной раз мимо Васиного известкового агрегата, я увидел, что труба его дымится. Конечно, я остановился около этого печного сооружения и начал его с интересом рассматривать, мне было любопытно, как же Василий с помощью угля и камней, хоть и мраморных, сделает известь. Не успел я простоять несколько минут у этого дымящегося аппарата, как из своей хибарки вышел Вася и направился, ко мне. Я насторожился, всё-таки Василия сопровождала слава дурачка, поэтому мало ли чего. Но, Василий подошёл, ко мне и мягко улыбнувшись, спросил:

– Что, молодой человек, интересно стало, что я здесь делаю?

Робость моя, как-то сама собой прошла, я тоже улыбнулся в ответ на Васину улыбку и стоял несколько мгновений в замешательстве. Одно дело говорить о человеке за глаза, его действительно, хоть и горшком можно назвать, но совсем другое дело обратиться к этому же человеку напрямую. Несмотря на то, что в нашей деревне и стар и млад, называли этого мужчину просто Вася, у меня язык не повернулся, обратиться к нему так. Замешательство моё прошло, и я обратился к нему так, как привык обращаться в деревне ко всем взрослым мужикам. Я произнёс:

– Да, дядя Вася, мне очень интересно, как это у Вас получится известка из обычных камней, просто волшебство какое-то.

Василий начал мне подробно рассказывать о своём производстве:

– Вот слушай малец; изначально я накладываю в печь дрова с растопкой, а затем всё это поджигаю. Когда дрова хорошенько разгорятся, я засыпаю их углём, а когда и уголь жарко разгорится, я на него снова насыпаю пару ведер угля. Потом, когда печь хорошенько разогреется, я поверх горячего угля насыпаю мраморных камней-щебёнки. Вот и весь процесс, потом я на половину прикрываю у печи поддувало и оставляю всю эту закладку на всю ночь. Вот завтра будешь ехать в школу поутру, мы и посмотрим, что у нас в печи получится. Заезжай, я тебя дождусь утром, коль тебе интересно. Наутро, я выехал из дома на полчаса раньше обычного, с тем, что бы увидеть конечный процесс изготовления извести. Василий уже стоял у печи, и похоже, действительно ждал меня. Рядом с ним стояло ведро, на четверть заполненное водой, печь была ещё горячей, но дым из печи уже не шёл.

Василий взял большие кузнечные клещи и достал с их помощью пять горячих камней из остывающей топки, а после этого бросил эти белые камни в ведро с водой. Вода забулдила, как кипяток, а с её поверхности начал подниматься белый и тёплый пар. Процесс кипения длился минут десять, а затем вода превратилась в сметанообразный кисель, а камни в воде растворились полностью. Василий посмотрел на меня весело и сказал:

– Ну, что малец, понравилось тебе изготовление извести? Может ну её эту школу, пойдём лучше со мной торговать извёсткой?

Я понял, что дядя Вася шутил про школу, и ответил так, как того требовал комический жанр:

– А может быть я с тележкой поеду, а Вы за меня в школу, двойки получать?

Оба посмеялись, а потом я поехал в школу на занятия.

За учёбой я на некоторое время забыл о Василии и его производстве. Сентябрь уже подходил к концу. В этот день я катил в школу на своём велосипеде, и настроение у меня было, какое-то радостное. Бывают, наверное, у всех такие дни, когда казалось бы, ничего такого особенного не произошло у человека, а он просто радуется безо всякой причины. Поля по обеим сторонам дороги были уже вспаханы и исходили сизым маревом. Слабый ветерок проносил мимо меня длинные и лёгкие паутинки, а лес, в который занырнула дорога был по-осеннему разноцветным и звонким. Проезжая сквозь этот лес, мне всегда хотелось громко крикнуть и услышать в ответ звонкое эхо – но, кричать было, как-то неловко и я ехал дальше. Закончились поля, закончился лес, я въехал в село Пикетное и, как всегда проезжал мимо Васиной хибарки. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что из его двора мне машет рукой моя землячка Руфа. Рядом с ней на верёвке висело свежепостираное бельё.

Давно прошли времена купцов, уличных торговцев и коробейников, но у Васи-дурочка, торговля процветала. Хотя по большому счёту он был не торговцем, а производителем своего собственного товара, которым успешно торговал. Это было в те времена, когда до перестройки оставалось ещё 30 лет. То, что до мозгов Васи-дурочка дошло уже тогда, в шестидесятые годы, высоколобые мужи из правительства поняли только много лет спустя. Да и поняли ли они всё до конца?

Рассказ этот написан, может десяток другой людей его даже прочитают, а я до сих пор сожалею о том дне, когда я в далёком детстве катил на своём велике сквозь лес и не крикнул громко, что бы услышать эхо. И чего я тогда постеснялся?

Краснодарский край





АЛЕКСАНДР ЖУРАВСКИЙ

ГОЛОС РИФМ

Листьями надежд устелите плёс.
Мистикой одежд намолите слёз.
Лицами озёр смойте облака.
Кликами, - укор скройте на века.
Ягодой лесной окропите брег.
Пагодою снов укротите грех.
Веткою сухой распугайте глушь.
Меткою-крюкой высекайте чушь.
Кукушинный век отсчитает миг.
За вершинный бег, тающий ледник,
Перейдут слова в радостный мотив.
Предадут, едва фразы не разбив.
Пчёлы соберут дикий мёд лесов.
В сёла отойдут блики голосов.
Засыпает тишь, воцарилась блажь.
Баю-бай, малыш... Утомился страж.

ГОЛОС НЕНАВИСТИ

Смените ненависть на фрак,
пускай мундир в шкафу пылится.
Окоп - на откупной кабак,
Газырь - на розочку в петлице.
Смените штык на гриф гитар, -
Не пуль шальных, а шалых песен.
Не в караул, а на бульвар
Живым вернитесь в город Эссен.
Уж многие сменили крест,

Нательный крест - на деревянный.
И невозможен переезд
Тех, кто в могиле безымянной.
Смените время на часах,
Войну смените на безмолвие.
И чтоб не порохом пропах
Кулак солдат у изголовья.
Ах, что ж так тянет воевать?
Ведь повод, в сущности, найдётся:
Преуспевать и убивать,
Как будто умирать неймётся.
Смените мне планету «Смерть»,
Что от разрывов разорвётся,
Я за душой буду лететь,
Что с войн забытых не вернется.
Ах, эти мальчики в цветах,
Шли не в атаку, а на небо.
Возможно, верили в Христа,
Но только ОН меж ними не был.
Смените ненависть на фрак,
а слезы вдов - на крик младенцев.
Смените кровь на белый флаг -
на родовое полотенце.

ГОЛОС АНГЕЛА

*«Разрешите представиться: Ангел. Полетели, я вас провожу.
Я готов познакомить вас с Главным. Я давненько за вами хожу»*

А ко мне приходит Ангел.
Мы сидим у парапета,
И глазами провожаем
Это солнечное лето.
Он мне говорит про маму,
Деда, бабу и Серёгу.
Я с него века сдуваю
На бегущую дорогу.
Он мне сказы да поверья,
Про земной характер Бога...
Я ему ласкаю перья
И беру себе немного.

Не краду,- он разрешает,
Чтобы рисовать бумагу.
Он псалмами отвечает,
Я - стихами Пастернака.
Мы сидим, обнявши небо,
Посреди сердечной смуты.
Я вверху ни разу не был,
Он не падал вниз как будто.
Полоскалась ночь в озёрах,
Звёзды сыпались в ладони.
Отражался свет во взорах
И петух зарю трезвонил.
«Мне пора»,- сказал мой Ангел,-
«Мне до смерти не дожить.
Мне собрать велели ягель,
Любит Бог чай варить.»
Мы обнялись и расстались,
Лишь пушинка на щеке.
Ангел мой летел за стаей,
Тихо тая вдалеке.
А в душе любовь такая...
Радость, Божья благодать.
Рядом Ангел ваш летает.
Нужно верить и встречать.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Когда манит поэзии перо
И мысли устремляются в дорогу.
Когда еще совсем не расцвело,
А слово неустанно рвётся к Богу.
Когда слеза на паперти души, -
Касается неведомого края.
Промолвят свыше, пламенно: «Пиши,
Даруя рифмы, буквы слагая»
Тогда твой дух, божественным влеком,
Ликует и выводит чудо - строки.
Будто открыв тюремные остроги,
На волю выпускает батраков.
Доселе щебетание дивных «птиц»,
Не заполняло ветхие страницы,

Но хочется и плакать, и молиться.
И устремляясь ввысь, - прикинуть ниц.
И восклицать рождаемому слову:
«О, как ты велика, родная речь!»
Дающая и силу, и основу,
Способная воззрением облечь
Иконами увешенные стены,
Намолена молитвой дивных слов.
И от того так строки драгоценны,
что в каждом слогe теплится любовь.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ ПАРИСА

Я не боюсь погибнуть от огня,
Я не боюсь твоих печальных песен.
Но я боюсь, любуюсь и любя,
Осознавать, что я тебе не интересен.
Я по твоей руке могу читать
И воду пить с лица
без жажды слова,
Любить тебя с безумием глупца,
Но ты на эти чувства не готова.
Я не боюсь земное потерять,
Стать ангелом, чтоб за твоей спиною
Не дать тебе упасть и поддержать,
И подыграть душевною струною.
Я трепещу без твоего тепла,
Словно свеча под ветром лихолетья,
Как раненая птица в два крыла,
Как опадающие без воды соцветия.
Прошу: промолви, вздохом протяни
Святую нить любовного настроения,
Пусть не тонут наши корабли
И не падёт возлюбленная Троя.

ОТРАДА

Не исчезай, души моей отрада!
Не пропадай, тепло ушедших дней, -
Минувшее поблекнувшего сада
Неугасимой юности моей.
Не исчезай, туманом испаряясь,
Моя любовь, в осеннем полусне.
Оставь мне трав дурманящую пряность
И гнезда жаворонков на стерне.
Не расщепляй засохшую рябину
Забывших чувств и ягод на крови.
Она, как я, еще не долюбила,
А может быть, усохла от любви.
Не умирай, утраченное время.
Не собирай опавшие цветы.
Чтобы душа под ангельские трели,
Вернулась вновь с небесной высоты.



Пермский край





Елена Коньшина



Василий Кольчурин

ЕЛЕНА КОНЬШИНА

Переводы с коми-пермяцкого языка на русский язык автора

МАМӨЛӨН МОЛИТВА

Мамөлөн молитва мекөт туйын,
Пашмөм кымөрөкөн вылын уйё,
Лэбзьё ыббез весьтөт көрымкайён.
Асывся туманён вывлань кайё.

Мамөлөн шыннёв олан бордалё –
Сысянь, ачым ог, а лов –лэбалё,
Вына шонді кыз – сьёлөмөс шонтё.
Мый оланам эм, быд лунё донта.

Мамлись сьыланкыв оланам кыла,
Көдö зыбка бокин гусьён сьывліс.
Учөт сойбс комын көр гыччөтіс,
Горзись пибс сьыланкыв пальөтіс.

Чужан кадсянь маммез мян лолын,
Оштыны оланись нійё полам.
Олөны ась дыр – сё Енлісь корам.
Мунё мам оланись – вын сэк орё.

МАМИНА МОЛИТВА

С маминой молитвою я иду в дорогу.
Знаю, что хранимая Ангелами, Богом.
Мамина молитва нежно душу греет,
И от этого, что есть, я люблю сильнее.

Песню материнскую я в дороге слышу,
Песню колыбельную, что качает душу,
Ту, в которой ласково о «полянах» пела,
Детям верность к Родине передать сумела.

От рожденья с нами в нашей жизни мамы,
Сердце безутешно, коль уходят рано.
Чтобы жили долго, просим мы у Бога,
Чтобы была ровной у судьбы дорога.

ЧЕЛЯДЬ КАДЛӨН ДУК

Челядь кадö дуксö кольöм пытшукланö.
Тöдвылын – кушиннэз, озъягöда видз.
Кыдз Лолог визывтö му вылын оланö.
Пытшукланись чайсянь лолö вылын мич.

Челядь кадö дуксö кольöма дзоридзö,
Басöк сьлөн нимыс, гажа – чачасин.
Сы отсötөн ыбсö тöдвылын сё видза,
Кöда вылын вöвны вын некöр эз чин.

Челядь кадö дуксö кольöм көс турунö,
Тöдвылын – турунись лэбöма зород.
Дуккез сьöртi гажөн челядь кадам муна.
Жаль – важын ни абу челядькадся горт.

ЗАПАХ ДЕТСТВА

Запах детства в любимой душице –
После чая приятно уснуть,
В земляничной поляне, что снится,
К ней в июле протоптан был путь.

В полевых васильках запах детства,
Из цветков заплетали венки,
Воедино сплелось моё сердце –
«Васильковы» объяття крепки.

Запах детства в траве, что скосили.
Ароматом дурманит копна.
Детства запахи – в них моя сила,
Ими жизнь и сегодня полна.

МЕНАМ САД

Тыр садита пуэз аслам садö.
Тулысянь сёр арöдз зэр ась вадö,
Шондi ась улоккесö малалö,
Чочком пассез тöлыс ась пасьталö.

Тыр садита пуэз аслам садö.
Бытьö перыт вöв, гөнитö кадыс.
Лолö зубыт кыввезсянь герьялö.
Садö үмöль отирсянь саялö.

Тыр садиті пуэз аслам садö.
Ны дынö гөститны вовла радön.
Садö сё том нывка кыз, шыннälö,
Дзор юрсиöс уввезнас малалö.

МОЙ САД

Я деревья в саду посажу,
Дождь весной для них попрошу,
Летом солнышко пусть их ласкает,
В шубы зимушка пусть одевает.

Я деревья в саду посажу,
От беды убережь попрошу.
Быстротечное время летит –
Сад дарами меня веселит.

Посадила деревья в саду.
К ним я с радостью в гости хожу.
Словно девушка, сад мой цветёт
И уставшей мне силы даёт.

ПАРМАЛÖ

Тэнат шыннёлыт, мамлön кыз, шоныт.
Пиканись да пистикись горт менам дона.

Гördззöмась ыббезыт веж горадуллезись,
Асывань рытöдз ыбшаррезыс дзульзьöны.

Шондi малалö кузь лун рожабаннэзтö,
Гуммез тыр öкта, мед орсны пöляннэзön.

Ветла морошкала Гайнаись нюррезö,
Гортöс ме ассим гажöта кывбуррезön.

Род менам Пармаö лэдзöма вужжесö,
Внуккез и правнуккез татön ась чужöны.

ПАРМЕ

Я люблю тебя, милая Родина,
Из пиканов и пистиков край.
Из купальниц вся солнечных соткана,
Ты и впредь, словно солнце, сияй.
Своим дедам и прадедам верная,
Здесь и внукам, и правнукам жить.
Славься, Парма, стихами воспетая,
Лишь тебя буду вечно любить.

ЧАПКӨМ ДЕРЕВНЯЭЭ

Гажтөм өшыннэза чапкөм деревняэз,
Сотчөм масиссез дзик, күсөм оланаось.
Лымыс нырыштөма важмөм ни крышаэз.
Өннэ оліссезлө абу коланаось.

Гажтөм өшыннэза чапкөм деревняэз,
Керку ыбөссэзыс ванйөв тай осьтаось.
Көсйисө отирыс пыр кежө вернөйөн
Кольччыны, только олананыс повзьёмась.

Өні ті өткаось, гажтөм өшынаось,
Локтатө вөттэзын одзза оліссезлө,
Кытөн вились тійө бытьтө кызды вынаось,
Кытөн бордалат оланын поліссезөс.

ЗАБРОШЕННЫЕ ДЕРЕВНИ

Пустые деревни с забытыми окнами,
Свечки как будто вчера догоревшие,
С крышами старыми, снегом придавлены,
Жителей раньше теплом своим гревшие.

Пустые деревни с забытыми окнами,
Сломаны двери и настезь открытые,
Люди хотели навеки быть верными,
Только увы, - вы теперь все забытые.

Вы одинокие, с грустными окнами,
В снах лишь приходите – милые, добрые
Из разнотравья душистого сотканы,
В снах вы, как прежде, живые и бодрые.

ӨТІКЫС – МЕ

Зэрө өтөрын.
Кымөрсянь ва воттез
Усьоны му вылө
Өтікыс – ме.
Чочком бабыввез-
Кокнит лымчиррез
Өтікыс – ме.
Чегөмөсь йыэз –

Бордтõм дудіэз,
Ва кузя уйõны,
Õтiкыс – ме.
Вылын енõжын
Кõдзыввез коласын
Кõркõ, думайта,
Лоа и ме.

ОДНА ИЗ НИХ – Я

Дождик на улице,
С неба – дождевики
Землю питают.
Одна из них – я.
Бабочки белые
С неба – снежинки,
В воздухе кружат.
Одна из них – я.
Птицы бескрылые –
Треснуты льдинки,
Плывут по воде.
Одна из них – я.
Ночью на небе
Звёзды мерцают
Буду когда – то
Одна из них – я.

ВАСИЛИЙ КОЛЬЧУРИН

ПАРАНЬКА

Любовь Петровну в последнее время душевная боль навещала часто. Что ее ожидает впереди? Какие еще сюрпризы приготовила для нее судьба? Эти и другие вопросы не покидали ее, потому как прекрасно понимала, что дело идет к старости. К тому же жизнь распорядилась так, что протекала она у нее в одиночестве. Кто виноват, что так получилось? Возможно, что-то не сладилось с первой любовью, а может быть, она и не посетила ее. Как говорится, кому что предназначено, он то и черпнет.

А печалится, думается, не было оснований. Каждый оставит эту грешную землю. Что и произошло с Любовью Петровной. Проводили ее в последний путь не хуже других, слава Богу, помощников не пришлось искать, так как знакомые и соседи относились к ней с большим уважением и теплотой.

Это о многом говорит.

Но больше всего беспокоило ее не собственные неудачи, сколько дальнейшая судьба другого существа—Параньки. Скоротечное время прибавляло не только ей годы, но и состарилась ее кошечка, которую обожала без ума. Паранька же украшала хозяйкину жизнь и придавала силы последние десять лет. Да и неважно сейчас, что ей было уже не до мышей.

И снова перед глазами всплывали картины, связанные еще с молодым котенком, который притащил Петровне сосед. Долго голову ломала женщина, какое придумать бы имя новому члену семьи. И вскоре оно само обозначилось. Да и сосед величал уже котенка этим именем. Будь по вашему—Парасковья, так Парасковья. А пока, несмысленную можно называть ласково и просто—Паранька.

Незаметно летели годы. Любовь Петровна уже не представляла свою жизнь без кошечки. Как и, наверное, она без хозяйки. Поэтому разве женщина могла обделить ее чем-то? Одним словом, лакомила, баловала чего только душа желала. А как же иначе, живая душа ведь, хотя и лишена речи. Вот только что с ней будет, опередив хозяйке покинуть раньше этот мир? Впрочем, сейчас уже нет смысла размышлять об этом. А может быть, это к лучшему?

Что творилось сейчас в душе Параньки—одному Богу ведомо. Осталась она одна – одинёшенька, не дано ей встретиться снова с хозяйкой. В течение двух дней она дико орала-ревела, лишая себя разных кушаний, крутилась около хозяйкиной кровати, несколько раз покидала дом, но возвращалась снова и снова. Искала словно кого-то или чего-то.

Но вдруг в последнюю ночь перед похоронами она исчезла. Судачили люди: в таком случае домашние животные покидают жилище. Навсегда. Но как они ошибались!

В день похорон, не ожидая возвращения Параньки, она появилась в дверях. Простояв на одном месте не шелохнувшись, не замечая посторонних людей, она тихонько направилась в гостиную, жалобно мяукая, расположилась под табуретом, на котором лежал гроб. Казалось, хотела вымолвить, чтоб не разлучали ее с хозяйкой. А в дальнейшем, будто после тяжелой работы, опустила голову.

Никто больше не обратил на нее внимания, словно забыли, словно не было в доме Параньки. Да и не до нее сейчас. Попрощавшись, когда дело дошло до выноса тела, она опять бросилась на глаза. А когда ее хотели, было убрать из-под ног, уложить на любимую постель, убедились, что Паранька была уже мертва.

КАЖЕТСЯ, ДОРАБОТАЛАСЬ

Четыре десятка отдала Клара Макаровна родной школе. Всегда считала, что выбрала для себя самую гуманную профессию на свете. Наверное, она права, потому как по-матерински любила детей, чем и отвечали её ученики. Но в последние годы казалось, что всё трудней ей было выполнять свои

обязанности. Тем более, голова не так уже соображала. Но пожилая женщина успокаивала себя тем, что это обычный профессиональный недуг. К тому же, человек ведь не молодеет. А как-то даже осенила её мысль об оставлении учительской деятельности.

Но время летело и, что ни говори, нужно было в очередной раз проходить не очень приятную процедуру—медкомиссию.

Который день подряд Клара Макаровна семеняла по кабинетам лечебного заведения. А как-то, сдав с утра анализы, решила посетить ещё и офтальмолога. Как заметила, медсестра ей сильно пришлось по душе: и бойкая, и приятная, и доброжелательная. А чего стоили карие глаза! Наверное, подумала посетительница, в молодости она была такой же привлекательной.

А когда ей удалось попасть и к терапевту, даже немного растерялась. За столом её встречала та же медсестра, что и у офтальмолога. И вправду она: та же улыбка, та же доброжелательность, те же карие глаза.

Вечером, возвращаясь мыслями в уходящий день, Клара Макаровна почему-то решила, что может не стоит уж ей возвращаться в школу. И действительно, разве видела она раньше, чтобы один и тот же человек мог общаться с ней в разных кабинетах? И чтобы как-то проверить себя еще разок, решила на очередную поездку до больницы. Как решила— так и сделала.

На этот раз старая учительница не нуждалась в талонах на прием к врачу. Цель она преследовала совсем иную. В первую очередь женщина заглянула в кабинет офтальмолога, затем—терапевта. Да, никаких сомнений не было. И тут, и там сидела одна и та же медсестра.

- Всё, доработалась, кажется, - осенила её мысль.- Довела себя старая вехотка.

А вскоре, собравшись, твердо решила: нечего, мол, пугать людей и позорить себя. Завтра же она встретится с директором школы и напишет заявление об увольнении. Хватит, мол, с неё, слава Богу отдала родной школе целых четыре десятка.

Директор школы, услышав странный рассказ коллеги, чуть было не свалилась со стула. И вправду, такое плела перепуганная Клара Макаровна, что не могло не вызвать удивление и неудержимый смех. А старой учительнице было не до шуток. Она и вправду уже запланировала свои дальнейшие шаги: первым делом займется уборкой овощей, а затем—обязательное посещение психиатра. Кто знает, возможно, она действительно нуждается в лечении. Голова ведь— это не то место, на котором сидишь. И не секрет, что при такой сумасшедшей повседневной жизни мы забываем порой о собственном здоровье. И на тебе—не очень приятный исход. Конечно, врагу не пожелаешь такой участи.

Трудно сказать, оставила ли родную школу Клара Макаровна или продолжает свою трудовую деятельность. А куда директор школы не сообщила ей еще о том, что у офтальмолога и терапевта сидит не одна и та же медсестра, а просто очаровательные сёстры-близняшки.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТЮМЕНЬ





Марат Хасанов
Тюмень



Светлана Хохлова
Тюмень



Владимир Герасимов
Тюмень

МАРАТ ХАСАНОВ

ПОСВЯЩЕНИЕ ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

Кто мы в этом мире?.. Лишь маленькая песчинка, которую кидает из стороны в сторону, или звено всемирной цепи?

Вспоминая свои юные студенческие годы, хочется согреться тем ощущением свободы, большой надежды и прекрасного будущего вновь и вновь. Наша «alma mater» была новой точкой отсчёта на очередном этапе жизни. Всё было открыто молодому взору – новые лица, образы, места и Она...

Тюмень приняла не сразу, можно сказать, постепенно, как бы проверяя по каким-то неясным мне критериям.

Этот город, ставший мне ойкуменой, открывался по кусочкам, частичкам, крупинкам, и каждое новое открытие было удивительным. Старинные улочки Тюмени тянули меня к себе, обнажая моему взору свою богатую историю... Стремительно расширяя область познания, я проникался тобой, моя Тюмень, и ты открывала мне свои секреты, позволяя полюбить себя.

Как странно и смешно, казалось бы, писать о городе, населённом пункте, как о девушке. Но разве это не в человеческой природе присваивать любимым местам, среде обитания приятные образы?

Но, тем не менее, время шло, и вместе с профессиональной основой будущей профессии развивался симбиоз города и меня. Расширилось сознание, вплоть до того, что расстояния воспринимались совсем иначе, чем до жизни здесь. Оно и не удивительно, ведь большую часть жизнь я провёл в маленьком северном городке где-то в Западной Сибири.

Время неумолимо подвело черту нашего обучения, и наша «alma mater» отдала свои последние дары, выпуская в большую взрослую жизнь. К сожалению, по долгу своей первой работы нам пришлось расстаться с Ней... И вот, стоя на перроне железнодорожного вокзала, под покровом ночи, я подходил к своему вагону, бросая прощальный взгляд на город.

На улице шёл дождь – может, совпадение, а может, Тюмень не хотела меня отпускать от себя...

Уже в пути, пересекая незримую границу города, я видел, как моргающим светом ночных окон Тюмень как бы подмигивала мне. Пришло осознание того, что, однажды приняв в себя этот город, душа уже не отпустит его.

Уже освоившись на работе, опять же, где-то в Западной Сибири, я время от времени приезжал сюда. Я видел лица горожан, и в них что-то было, чего не было у меня. Это чувство принадлежности, общности с Ней, с Тюменью. Родители, друзья, коллеги и знакомые совсем не понимали моей мании, переубеждать было бесполезно.

Много воды утекло с тех пор, а мечта жить здесь не отпускала... И вот однажды приехав в свой любимый город, стараниями судьбы я встретил Её, свою будущую жену... Я помню взгляд её карих глаз, скромность и очаровательность – жизнь разделилась на До и После Неё. Горсад в тот вечер манил блеском мокрой плитки, мы гуляли, разговаривали, смеялись. Потом свадьба, слёзы родителей, переезд в Тюмень...

Уже сейчас, окунувшись в семейную жизнь, мы всё ещё не потеряли интереса к любимому городу, несмотря на обыденность рутины. И каждый новый день, проезжая по твоим улицам, Тюмень, я слегка улыбаюсь, ведь здесь я нашёл Счастье.

Приняв тебя однажды, Тюмень уже не отпустит...

ЮНЫЙ КОМАНДИР

Бой уже полчаса как отгремел, а пыль ещё не осела на землю. Подбитые «тигры», словно шашки, были раскиданы по полю тут и там. Дым артиллерийского орудия исходил из накаленного дула.

Обходя позиции линии обороны, высшее офицерское начальство обратило своё внимание на юношу лет, эдак, девятнадцати с погонами старшего лейтенанта. Молодой человек, несмотря на свою молодость, был уже наполовину седым, а в его ярких зеленых глазах отнюдь не было задора и огонька, присущих молодому поколению... И, к удивлению сослуживцев, в эти юные годы на его, как выяснилось, крепкие плечи взвалилось командование целой артиллерийской батареей.

Подойдя всей делегацией к нему, старший из них, генерал-майор Воеводов Владимир Семёнович, спросил его:

-Ты как, сынок? Как тебя звать-то?

Юноша вытянулся в полный рост, несмотря на усталость, на ходу поправляя форму, и приложил правую руку к виску.

Звонко рассекая воздух, словно пулемет «максим», юноша доложил по форме:

-Разрешите доложить, товарищ генерал-майор! Старший лейтенант Соколов, рубеж держим!

-Молодцом боец! А где ж твой командир-то? – спросил Владимир Семёнович, глядя на отдыхавших у орудий батарейцев и, видимо, не веря в его

назначение.

Парень немного сник и погрузился, но, собравшись с духом, ответил:

-Погиб он, товарищ генерал-майор... Я теперь командир батареи...

Воеводо́в замолчал, вспоминая, как недавно удивлялся, подписывая приказ о назначении молодого бойца и приговаривая себе под нос: «Героем будет парень!» Так оно и вышло...

СВЕТЛАНА ХОХЛОВА

ДРУЖБА ЗАБОТОЙ ДА ПОДМОГОЙ КРЕПКА

Где-то в тайге, посреди болота, которое окружал мелкий лес, жил-был лягушонок по имени Квакуша. Он жил отдельно от всего лягушачьего семейства, так как не хотел делиться ни с кем пойманными комарами и мошками, которые летали в изобилии вокруг него. Напрыгавшись и наевшись до отвала, Квакуша с большим удовольствием зарывался в мох и в блаженстве замирал.

Однажды летом случились жаркие дни.

Раскалённое солнце светило несколько дней подряд. Казалось, что оно хочет уничтожить всё живое на земле своим ярким беспощадным светом. Короткие июньские ночи не давали отдыха ни земле, ни воде. Вода в болоте прогрелась до такой степени, что головастики беспрестанно сновали туда-сюда. Их в это время года появилось бесчисленное множество. Они мешали Квакуше ждать ночной прохлады.

Прошло ещё несколько дней. Болото совсем обмелело. По вечерам Квакуша жалобно квакал, запрокинув голову к небу. Он просил у неба дождя. До неба было далеко и высоко. Наверяд ли его одинокое горькое кваканье было услышано небом. Солнце продолжало палить своими жаркими лучами, и небо оставалось безоблачным.

Жалобные крики Квакуши услышало лягушиное семейство, которое проживало в соседнем болоте, и семья решила его навестить.

Под вечер лягушки собрались все вместе и, пробравшись через мелкий лес, очутились на болоте, где проживал наш бедный Квакуша. Посоветовавшись между собой, они решили помочь ему вызвать дождик. Вы бы знали, какой звучал лягушачий хор в этот вечер! Казалось, что все лягушки таёжного края начали свои кваканья в одно и то же время.

И небо их услышало...

Тучи ползли по небу к болоту, ворча и ругаясь на весь белый свет. Они были недовольны тем, что их потревожили. Чем больше их собиралось, тем громче они выражали своё недовольство. Неизвестно откуда налетел прохладный ветерок. Он хотел успокоить тучи, но получилось только хуже.

Тучи загромыхали и начали метать повсюду огненные стрелы, и пошёл проливной дождь...

Болото, из которого раздавалось кваканье лягушек, быстро наполнялось дождевой водой. Вся природа ожила, умывшись тёплым летним дождём. Радости лягушек не было предела.

С тех пор они дружат между собой, и если когда-нибудь раздастся кваканье одной, то в скором времени можно услышать целый лягушачий хор. Ведь не зря говорят: «Дружба заботой да подмогой крепка».

СВОЙ УГОЛОК – СВОЙ ПРОСТОР

Лето в северном краю выдалось на удивление продолжительным. Обилие вкусных комаров и мошек вечером и ночью доставляло удовольствие нашему Квакуше. Постепенно ему наскучило ловить их и он вспомнил слова жабы тёти Джубы, с которой он познакомился недавно: «Скучен день до вечера, коли делать нечего». Теперь его мучил вопрос: чем ему заниматься днём? Но на ум ничего не приходило, и он продолжал прятаться от палящих лучей солнца во влажном мху.

Неожиданно среди знойного дня раздалось призывное кваканье: это звали соседи в гости. Забыв о мучившем его вопросе, нахлобучив на голову лепесток цветка калужницы болотной, перепрыгивая с кочки на кочку, Квакуша отправился в гости к своим друзьям. Его подруга Болотная Жижя, разогревшись под солнцем и тяжело вздыхая, говорила: «Пуф! Пуф!» Затем она долго ещё ворчала ему

вслед, недовольная тем, что лягушонок решил покинуть её общество.

Квакуша совсем не заметил её недовольства. Он был рад тому, что сегодня его день будет полон развлечений. И развлечения не заставили себя долго ждать...

Добравшись до мелколесья, лягушонок услышал необыкновенно-нежные для него звуки. Это свиристель тоненьким голоском распевала: «Свирири-свирири».

В восторге, с широко раскрытым ртом, Квакуша слушал эту волшебную песню и не заметил, как что-то большое, лохматое приближалось к нему сзади. Зато первой что-то заметила птичка, которая старательно пела где-то среди молодых берёзок и осинок. Она вспорхнула и улетела прочь в зеленеющий вдали кедровник.

Громогласное «Гав!», как показалось Квакуше, заполнило всё окружающее пространство. У лягушонка со страху дух захватило. Лепесток калужницы сполз с его головы по спине на мох и лежал там ярким жёлтым пятном.

Перед Квакушей промелькнула вся его короткая лягушачья жизнь, с которой он мысленно прощался. Ведь не зря говорят, что у страха глаза велики.

- Фу, Верный, нельзя!

Тяжело ступая в громадных сапожищах, к лягушонку приближался человек.

- Это что ты там, Верный, нашёл?

Человек наклонился и осторожно взял лягушонка. Он положил его себе в раскрытую ладонь.

- Э, да ты совсем ещё маленький!

- Нельзя, Верный, обижать малюток,- продолжил он, обращаясь к чудищу.

Дядя Володя, так звали этого большого человека, работал лесничим и делал обход своих владений, а большое лохматое чудище – это, как вы уже догадались, его любимая собака по кличке Верный.

После слов дяди Володи Верный, виновато повивляв хвостом, умчался вперёд к опушке перелеска, резвясь и радуясь свободе, так как был спущен с поводка.

- Давай-ка, малыш, быстро домой!- скомандовал егерь Квакуше, опустив его на мох, поближе к воде, и пошёл дальше, пробираясь сквозь камыш.

Наш лягушонок долго не мог прийти в себя. До того его чудище лохматое напугало, что решил он свой путь не продолжать, а вернуться в своё родное болото, где его ждала подруга Болотная Жижка, где ему жилось сытно и привольно. Квакуша решил, что на сегодняшний день приключений хватит. Как говорится, свой уголок – свой простор.

ГОЛОД НЕ ТЁТКА, ПИРОЖКА НЕ ПОДНЕСЁТ

Всему рано или поздно приходит конец. Каким бы тёплым не было лето в наших историях, но и оно постепенно подходило к завершению. Август месяц заступил на смену июлю. Дни становились короче, ночи длиннее и прохладнее. Всё чаще ночами Квакуша зарывался в мох, и ему не хотелось выбираться оттуда и заниматься охотой на комаров. Да и комары, и мошки, стали по ночам исчезать куда-то. Лягушонку приходилось их ловить в дневное время.

«Голод не тётка, пирожка не поднесёт»,- так говорила старая жаба, жившая в кочкарнике на другом краю болота, когда Квакуша приходил к ней в гости. Она доставала свои съестные припасы и угощая его, начинала учить уму-разуму.

Тётя Джуба, а именно так звали старую жабу, рассказывала Квакуше о том, кого нужно остерегаться на болоте, как не умереть с голоду и пережить холодное время года.

Иногда их разговоры подслушивал молодой тритон углозуб. Его тоже интересовали нравоучения тёти Джубы. Постепенно осмелев, он присоединился к компании.

Дружба с тётей Джубой и Тритошей - так звали молодого тритона - для Квакуши была познавательна. Да и для Тритоши общение с новыми друзьями привнесло в его жизнь много новых и интересных моментов. В летние дни он наведывался в гости к друзьям и внимательно выслушивал советы жабы, с увлечением играл с лягушонком в «салочки» и плавал с ним «наперегонки».

С наступлением холодов Тритоша собирался зимовать в пустом берёзовом пне под опавшей листвой. Тётя Джуба решила провести свою зимнюю спячку на окраине болота под старой корягой в заброшенной норе водяной крысы.

Как говорится: «Береги нос в большой мороз».

- А где буду зимовать я? - задал сам себе вопрос Квакуша и пошёл выбирать место для своей зимовки.

ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ

ГОРЬКИЙ РАССВЕТ...

Памяти тружеников тыла

В это февральское ядрёно-морозное утро, не смотря на то, что бригадир вчера отпустил её отсубботничать, после недельной работы в деляне, Анна поднялась по обыкновению рано. В избёнке было уже стыло. Топить печь в полную силу, как в довоенные времена, она не стала с середины января, опасаясь, что до весны дров не хватит. Так, поддерживала сносную температуру на ночь, немного» прилетивала», как говорила её свекровь. А днем у свекрови то готовка, то стирка, да и домашние целый день в движении и температура в домишке держалась. А февраль завернул, вторую неделю держит, не отпускает. И Рождество и Крещение минули, ан нет, давит мороз, крепко давит. И в делянах бабенкам никак без костров нельзя, просто погибьель: ни отогреться, ни кипятком нутро согреть. А робить надо. Срочный заказ поступил. Готовят и в морозы лес для крепежа на шахты угольные. Вот птички лесные и те перебрались ближе к жилью. Везде, где можно обустраиваются около людей, пропитание добывают в старой соломе, что ещё осталась на навесах да сараюшках.

Сунув босые ноги в допотопную, будто оспой изъеденную обувь из старых обрезанных валенок, накинув на плечи стёганую душегрейку Анна, осторожно ступая, прошла к печи. Взяв на выступе коробок со спичками, подошла к небольшому столу, что притулился у окошка. На столик из окна еще подал лунный свет. Осторожно сняв стекло с керосиновой лампы, запалила фитиль. Настроила пламя на самую малость, водрузила закопчённое стекло на место. Немного постояла, смотря в окно. Там царствовало безмолвие, и висела морозная синева. Подойдя к печи, открыла дверцу. Дрова

уже были по-хозяйски уложены в утробе печи, приготовлены береста и лучины. С вечера свекровь позаботилась, подготовила к растопке печь.

Растопив печь, Анна присела на небольшую скамеечку, что сделал за долго до войны ей муж, для того, чтобы было удобно доить их красавицу — кормилицу Берёзку. Нет теперь той бурёнку, пала от бескормицы в прошлую зиму. И где теперь ее Макар, где, на каких фронтах воюет? Нет от него, вот почитай, уже третий месяц известий. Живет семья в неведении. А на деревню идут и идут похоронки. На отцов и мужей, на братьев и сыновей. Сиротеют детки, вой бабий стоит над деревней. Сердце замирает от чужого горя. Живёт Анна и ее домашние надеждой. Живут, думая о Макаре и днем и ночью.

На печи под шубёнкой снова сильно закашлял старший сынишка. В начале февраля серьёзно простыл на рыбалке. Парнишке тринадцать по осени исполнилось. Школа семилетка только в соседнем селе, не захотел Федька ходить туда на учебу, заявив, что после победы доучится непременно. Остался помогать матери в деревне. С виду - то парень ладный, крепкий. На работах уже втянулся. Вот и стал в колхозе работать, помогать взрослым. А как лёд «встал», отрядили его и ещё двух хлопцев в артель рыбацкую, на ловлю карася для нужд фронта да для госпиталя, что на станции железнодорожной. Карась-то в здешних озерах знатный. И не крупный, стандартный «желтячок», как его с любовью называли местные жители. Но вкус у него особый, отменный. Хорош их толстячок и в ухе и жарехе. И как говорят врачи и персонал в госпитале, бойцы на поправку идут быстрее от ухи из него, как от снадобья полезительного.

Конечно, артель — громко сказано. Три старика, да три парнишки, вот и все работники. Но дело делали большое и важное. И мальчишки этим очень гордились. План добычи выполняли справно, поставки и в госпиталь, в сельпо не срывали. Иногда Федя и домой приносил килограмм — другой бракованной рыбёшки. Кладовщик давал работникам с разрешения председателя сельпо.

Вот в такие дни радости-то было дома. Свекровь варила знатную уху с сушеным укропчиком. Дурманивший аромат её плавал по всему дому. Глаза у младшеньких блестели от предвкушения сытной еды. Недоедали, сильно недоедали ребятишки. На уху знатную, уху — кормилицу, всегда зазывали и старушек — соседок, что тоже жили впроголодь в это тяжелое время. Ничего не выбрасывала свекровь при разделке драгоценного карася. Рыбью чешую томила в чугуне в печи, и получалось что-то вроде студня. Она его выносила на улицу, замораживала и потом добавляла в разные болтушки. Всё не пустую воду ложками по тарелке гонять. Вот так и сидела Анна, пригревшись у открытой печи, глядела в раздумьях на огонь. Федька снова закашлял. Прикрыв дверцу печи, в которой весело плясали языки огня, она поднялась на скамью, прислушалась к дыханию сына. Вчера она на ночь приготовила ему отвары из трав, и сегодня он спал лучше, чем прошлые

ночи, не так и кашель» бил «его ночью. Анна заглянула и на полати, где спали в обнимку младшие — дочурка и сын. Лунный свет из небольших окон падал на пол, и всё Анне в домике сверху казалось каким-то необыкновенным. Сполохи огня от печи добавляли ощущение сказочности.

В доме стало теплеть, вкусно пахивало дымком. Анна тихонько прошла за шторку в закуток за печью. Там, на топчане было законное место её свекрови Авдотьи Петровны. Вчера, после помывки младших ребят, она помыла в лохани и свекровь, вымыла ей голову щелоком. И сейчас, изработавшаяся за свою долгую жизнь, старая женщина ещё спала. Анна осмотрелась, приподняла осторожно крышку бачка — воды было достаточно. А вот дров сухих осталось только на одну закладку. Нужно ещё донести. Топить надо сегодня побольше, все дома, да и мороз, похоже, не сбавит. Облачившись в старый полушубок, сунув босые ноги в валенки, Анна с неохотой вышла в сенцы. Немного постояв, открыла скрипучую дверь на улицу. Шагнув на мороз, остановилась. На дворе во всю уже зарилось. По дорожке, что прочистила несколько дней назад, Анна вышла за калитку. На небе, прямо над лесом, словно зацепившись за деревья, висел рогатый ущербный месяц. Ярким блеском в морозной синеве ещё пульсировали звёзды. Над многими домишками в студеное небо поднимались змейками тощие дымки. В некоторых домах подслеповато светились окна.

— Просыпается, родная! Просыпается, трудяга! - с теплотой подумала женщина. Уже собираясь заходить на двор, она обратила внимание на то, что у Лукерья, старушки, жившей от Муравьёвых наискосок, не топится печь и окно не светится.

-А ведь и вчера тоже не видно было у неё дыма на крышей ,- подумала про себя Анна.

-Надо бы заглянуть сегодня к старушке обязательно. А с утра пусть свекровь непременно навестит подружку, да унесет что-нибудь из съестного. Одна ведь совсем осталась Лукерья. Муж-то Никанор Матвеевич перед самой войной умер, надорвавшись по тяжелым работам, да и ранения в гражданскую сказались. И сыночки её погибли. Матвей — на финских фронтах, кадровым военным был. А Петька, младшенький, тоже после службы остался на западе служить дальше, женился, на курсах отучился. В первые дни и погиб где-то под Брестом. Худо живётся Лукерье одной. О снохах и внуках нечего не знает. Одни где-то в Белоруссии, другие под Ленинградом. Под немцем одним словом. Живы ли, что с ними, не знает старушка. Одна неизвестность. А так вдвойне тяжелее.

Правда, духом Лукерья не падает. Всегда на народе старается быть, к теплу людскому тянется. Вот и сейчас уже второй месяц вместе с бабами да девчонками артельно лепит для фронта пельмени сибирские. Там и душой отходит, да и глядишь в обществе и бульончик какой- горяченький из отходов попьёт. Дома то совсем худо, нет практически ничего. Что было, уже в основном подъела. А скудные остатки растягивает до весны. Правда, сосед

ки кто чем помогают понемногу.

Набрав под навесом, крытым ещё до войны ржаной соломой, охапку сухих дров, Анна заспешила в домишко. Мороз стал уже своими холодными ручищами забираться и под полушубок. Осторожно открыла дверь в дом. На нее сразу пахнуло теплом и родными устоявшимися запахами. Стараясь не греметь, сложила дрова у печи.

-Да ты, Анюта, шуми. Шуми. Не бойся. Я уже не сплю. И так, чего Бога гневить, понежилась, как королева после твоей помывки.

-Ну и хорошо! Ты, мамань, полежи ещё. Я сегодня дома. Справлюсь сама. Вот сейчас приставлю вареву, приготовлю всё, тогда и ребятишек поднимать будем.

-Да, маманя. Что-то у твоей подруги Лукерьи свет в окне не теплится, и вечером и сейчас печь не топится. Не было отродясь такого. Бабка завсегда рано поднималась.

-Прихворнула баушка поди, — тихо поведала свекрови Анна.

-Так и немудрено! Нам теперь уже, золотко, одна дорога. Годков то уже что мне, что ей прилично, пора к старикам своим подсобираться, — тихо в своём углу проговорила Авдотья Петровна.

-Но, Анюта, в таку стужу не хочу. Народ намерзнется, измучается. А вот как листва опадет, журавушки полетят, ветерок теплый листвой золотой мести будет, гнус проклятуший успокоится, вот тогда я с превеликим удовольствием, — не то всерьёз, не то в шутку, весело продолжила свекровь.

-А до подруги дойду, прямо с утраца и дойду, — через некоторое время раздался из-за занавески снова её тихий голос.

-Я скоро управлюсь. Поделится, унесешь подружке горяченького, — тоже негромко ответила свекрови Анна.

-Хорошо, дочка, хорошо, — приглушенно донеслось из закутка.

Время утреннее в делах да заботах побежало быстро. Вот и на стол подавать пора, ребятишек поднимать надо. И свекровь вся в делах, хлопочет в кути, чай морковный с травами готовит. Заглянула и в чугунок, где аппетитно булькало какое — то мясо, но ничего у Анны не спросила. А сегодня у них пир, настоящий пир. Ещё на неделе Анна получила на трудодни две буханки замороженного хлеба с добавленным в него картофелем, припрятала его до выходных в кладовой, в бочке. И сейчас хлеб отходил в тепле и уже расточал свой неповторимый запах. А ещё было вареву с мясом. Дня два назад Анна под навесом обнаружила замерзшую сороку, там же ощипала её, потом опалила в стареньком ведерке над пучком ржаной соломы. И вот сейчас на плите в чугунке томится эта божественная похлёбка — картофельный суп с горсточкой толчёной жареной пшеницы, что получила свекровь за работу, когда осенью по хатам сушили и жарили пшеницу для фронта.

Ребят дважды приглашать к столу не надо. Младшие на полатях уже давно о чём-то шушукались. Их головы то вместе, то порознь появлялись из придавленной, но родной темноты на свет. Федька на печи тоже отдёр

нул занавеску, значить не спал. За стол уселись дружно, были и детские эмоциональные возгласы. На вопрос, откуда в доме мясо, Анна коротко поведала о куропатке, которую, якобы, придавило в деяне лесиной, и которую она нашла.

Больше вопросов не поступало. Все молча с большим аппетитом принялись за наваристую похлёбку.

Первым, чуть стесняясь, добавки попросил Федя.

— Это хорошо. На поправку пошёл парень. Молодой организм обязательно поборот болезнь. Поддержать только надо мальчишку, покормить бы получше, да нечем — подумала про себя Анна, наливая от души похлебку в тарелку сына. Младшие тоже попросили добавки. С аппетитом ела сегодня и свекровь. После того, как за столом закончили с похлёбкой, Анна поставила всем морковно-травяной чай и положила каждому по хорошему куску сушеных на листьях лопуха лесных ягод. Немного и этой радости было в доме, два года подряд лето не радовало деревню. Дожди, сырость и прохлада с самой весны, так что не удалось впрок заготовить ни ягод, ни грибов.

Чай пили не торопясь, как пили семейно до войны после трудовой недели, да после баньки. Вели неспешный разговор. Младших прежде всего интересовал вопрос, когда прекратятся морозы? Уж так им хотелось в школу, по учительнице стосковались да и друзей неделю не видели.

— Да и я, мама, наверное, дня через два — три на работу пойду, — тихо сказал Федор.

— Что- ты, сынок, какая работа! Да и не рыбачит сейчас бригада твоя. Все фители, что с осени деды ставили, они снимали. А сейчас, сам видишь то морозы, то снега начались. Да и лошадемок решили немного подкормить, на овсы, да сенцо доброе поставили, — горячо стала говорить Анна. Слово сын прямо сейчас засобирался в артель .

— Да и Степанович ваш сказал, чтобы неделю ты ещё отлеживался. А ежели всё ладно пойдёт, можешь к деду Игнату в помощники пойти. Они сейчас все там снасти чинят, фитили новые садят, сети вяжут. Сказал, что большая работа пойдёт у вас через недели две — три, когда карась собьётся в ямы и задыхаться начнет, воздуху ему не будет хватать. Вот по таким ямам и работать будете.

— А сейчас лечись, сынок. Взвар поболее пей, вон на печи опять для тебя из трав прет.

— А про улицу, ты паря, пока забудь , - тихо сказала бабушка, вытирая пот с лица. Поберечься, внучок, надо. Поберечься. Один ты у нас мужичок покудова в доме. Наломашься ещё на работах то, вся жизнь впереди.

— А я, Аннушка, пожалуй пойду, проведаю подругу-то, — тихо обратилась она к снохе. Что-то беспокойно мне девонька, ох, беспокойно.

— Да, дойдите, маманя. Я тоже подойду в скорости. Я вот тут собрала для соседки горяченького в горшке, да хлеба немного и ягодок сушеных ле

пешку. Побалуется чайком когда. Пусть потчуетса соседушка. Горяченькое сразу с хлебушком заставь поесть, когда она хлебушек то видела последний раз.

-Хорошо, милая. Обязательно заставлю, заботушка ты наша, — тихо отозвалась свекровь и торопливо вышла за порог, впустив в домишко клубы свежего воздуха.

Анна принялась убирать со стола, сносить посуду в куть за занавеску. Там на плите уже подошла вода, и она принялась мыть посуду.

Федя, на топчане, расположившись поближе к окну, стал читать детям сказки. Они доверчиво прильнули к старшему брату и внимательно слушали его. Подбросив в печь еще немного дров, Анна засобиралась к Лукерье. Сказав ребятам, что скоро вернется, она заспешила к соседке.

Подойдя к соседней избёнке, (у которой с прошлой зимы не было ни ворот, ни калитки, все пришлось пустить под топор и в печь) Анна осмотрелась и не увидела никаких следов к заброшенному сарайчику, где у Лукерьи находился запас дров на зиму. Анна зашла в сенцы, сердце беспокойно заколотилось в груди. Открыв обитую материалом от старой шинели дверь, женщина оторопела и застыла на пороге. Во главе небольшого стола, что находился недалеко от печи и стоял у топчана, сидела её седая простоволосая свекровь. Ее платок лежал рядом. На столе стоял горшок с горячей похлёбкой и от него к потолку избенки исходил пар. А на топчане лежала уже остывшая мертвая Лукерья. Анна молча тяжело опустилась здесь же у порога на самодельную табуретку. Так они и сидели две женщины, уже повидавшие в этой жизни и радость и смерть, сидели и думали каждая о своём. А над горшком с едой всё ещё продолжал витеевато-фигуристо клубиться пар. И Анне вдруг показалось, что не пар это поднимается над столом, а душа труженицы Лукерьи покидает ее тело навсегда.

Хоронили Лукерью через два дня. Мороз пошёл на спад. Могилку для старушки так до конца и не осилили. Не смогли деды взять ее на всю полагающую глубину, так земля-магушка промерзла. Помянуть новопреставленную собрались в прокуренной натопленной конторке колхоза. Принесли кто что мог, правление выделило часть продуктов. За сдвинутыми тремя столами сидели молча. В этой тишине неожиданно громко, срывающе, зазвучал простуженный голос председателя Алексея Петровича Листова, пришедшего после финской кампании без левой руки. Он знал, что такое горе. В прошлом ноябре здесь же схоронил жену свою, умершую внезапно. В начале года пришла похоронка на сына старшего. И сейчас он видел, как тяжело жить женщинам, что продолжали получать на родных похоронки и здесь хоронить земляков. Он со скорбью в голосе заговорил:

Земляки мои дорогие! А ведь мало кто сейчас помнит, как и откуда появилась у нас Лукерья. А я вот точно помню, хоть и пацаном был, не то в восемнадцатом году, не то годом позже они с Никанором появились у нас в деревне. Старики вот помнят, отступали тогда через наши лесные края

белогвардейцы, на Иртыш к Омску пятились, там тогда Колчак восседал. И вот в одном из отрядов красных бойцов, что их преследовали, были Никанор и Луша. В самом расцвете сил были они тогда. Подранили сильно Никанора где-то поблизости, и осталась Лукерья - пулеметчица здесь выхаживать мужа. Долго болел тогда красноармеец, но с помощью бабок местных, сообща справились с болезнью, подняли Никанора на ноги. Так и остались они у нас, как оказалось, навсегда остались. Лукерья потом съездила на родину куда-то под Тюмень, привезла хлопцев своих. И зажили они, жизнь новую строить здесь вместе с нами начали.

- Вы помните, и трактористкой первой она была, бригаду тракторную возглавляла. И лес корчевала, и дояркой была, даже клуб рубила вместе с мужиками. Все колхозные работы прошла. Но нигде и ни за кого не пряталась, везде передом шла и за собой вела. Геройская женщина, настоящая пулеметчица. И до последу такой была. Пока не приболела серьезно к старости.

-А веселой какой была, как плясала. А пела как! Заслушаешься. Вот и сейчас, когда вы, бабоньки, уже два месяца лепите наши знаменитые сибирские пельмени для фронта, да поёте иной раз, голос её слышно, он выделяется завсегда. А ежели одна поёт, и я где-то поблизости, обязательно остановлюсь и её слушаю. И поверьте, душой отдыхаю. Вот такой светлой была наша Лукерья Назаровна.

-Давайте помянем ее, товарищи, мои дорогие земляки. Пусть земля ей будет пухом, а память о ней будет долгой и светлой. И пусть соединится она быстрее со своим Никанором Матвеевичем и ребятами своими, воинами славными.

После слов председателя все какое-то время молчали, неторопливо закусывали. Потом заговорили и бабы и старики. Говорили искренне, от души, женщины со слезами на глазах. Говорили о Лукерье не как о покойной, а как о живой. В самом конце поминок снова заговорил председатель.

-Моя это вина, бабоньки — гражданочки и деды наши уважаемые. Моя вина, что мрут с голоду старики наши. Да, плохо мы живем, впроголодь. И лета второй год не видим. Сена заготовить не можем в достатке для животноводства, а для себя прокорму.

-Буду завтра настойчиво выбивать разрешения района на восстановление пайковых норм для неработающих стариков, у кого родные на фронте, али погибшие есть. Да и из своих колхозных скудных запасов поделимся. Война - то поворот уже взяла, пора и нам в тылу послабление дать.

-Потеплеет, рыбой артель займется, оставлять себе будем поболее, тоже об этом говорить буду. В лес надо наладить пару человек, дичинки попромышлять. Надо, бабоньки, выживать до весны. Надо работать. Победа то не за горами. Вон, фрица наши во всю к границе гонят. Сорок третий год на дворе.

И председатель надолго замолчал, попросил деда Игната, что сидел с

ним рядом, свернуть самокрутку, жадно закурил. За столом стали говорить о делах текущих, о вестях с фронта, о наблевшем. Всем хотелось выговориться. Так редко собирались теперь вместе. Потом снова раздался голос председателя, и как всем показалось, был он значительно увереннее и даже каким-то торжественным.

-Что касается нашей Лукерьи. Обещаю вам дорогие земляки, что будем с партийной властью писать ходатайство в райком, исполком, чтобы нашей женской тракторной бригаде, которую когда-то создала и возглавляла она, было присвоено имя Лукерьи Назаровны Граниной.

Слова председателя были встречены возгласами одобрения и единодушия. Стали расходиться. У всех дела, жизнь продолжается. И никто не отменял ту работу, что делали здесь, в далекой сибирской деревне ради будущей общей победы эти женщины и старики.

Весной, перед самым выходом в поле, в деревню приехал секретарь райкома Ваганов. Собрали народ прямо на улице у магазина. Торжественность этому сбору придавали ученики школы с букетиками весенних полевых цветов и с горном. Секретарь райкома торжественно огласил решение о присвоении женской тракторной бригаде колхоза « Новое время» имени Лукерьи Назаровны Граниной, простой женщины труженицы с непростой судьбой.

ВЛАДИМИР НАХРАТОВ

МЫ ПОМНИМ...

Скажите, где вы были, пустозвоны,
Когда Мамае кони вздымали пыль,
Когда орды несметные колонны
Орошали кровью степной ковыль.
Не воевали вы на поле Куликовом,
Когда сбылась победная виктория,
Где с басурманами в бою суровом
Родилась на Руси военная история.
Не гибли вы на Бородинском поле,
Где смерть за Родину — нам благо,
Где ладный гренадер не ведал боли,
Была врага кавалергардская отвага.
Для нас вы: неприкаянное племя,
А для Отечества тираны и мучители.
Не приняло, отвергло вас то время,
Обманчивы вы и расточительны.
Что вы воздали русскому народу?
Втолковываете нам, как верно жить.
Вы, которые без племени и роду,



Презите приемными отцами быть.
Вам, видно, наше прошлое противно,
Коль унижаете и цените нас в грош.
К границе нашей тянетесь активно,
Не думая о том, что от меча умрешь.
Что ж, упивайтесь жадной мезтью,
Приправленной стыдливой лезтью.

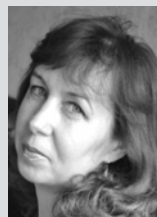
Ялutorовский район



Надежда
Кудинова



Ольга
Губина



Марина
Маркова

НАДЕЖДА КУДИНОВА

КАК БУДТО БОЖЕСТВА ВИДЕНЬЕ

Сздам я радужный узор,
Вплету кистей жемчужных нити.
К душе мне ближе лад мажор,
Минор здесь даже не ищите.
Здесь красок ярких манит цвет,
Ажурных кладезей сплетенье.
Узор тот излучает свет,
Как будто Божества виденье.
У птиц здесь лёгкое крыло,
Они летят бесшумной стаей.
И счастья в сердце замерло,
В душе зерном произрастая.
Здесь волшебство лесных чудес,
Простор полей и звёзд сиянье.
Чарует красота небес
Великолепностью сознание.
О, как узор прекрасен мой!
Он притягателен и ярк!
Всплеснёт заманчивой волной.
Всё это вам, друзья, в подарок!

ТОТ ВОСТОРГ, ЧТО БАЛЬЗАМОМ НА ДУШУ

Брошу взгляд в необъятную даль –
В ней великий простор утопает,
Пробуждая на сердце, печаль,
На восторженных струнах играет.
И откуда ж начало берёт,
Тот восторг — что бальзамом на душу?



Тамара
Вахрушева



Дмитрий
Селин



Лариса
Карелина



Елизавета
Меркушина



Наталья
Бородкина

Отчего ж, словно птицы полёт,
Плавность крыльев ничем не нарушив?...
Может, счастье крадется тайком,
По боясь испугать вдруг мгновенье?
Может, рядом ли, в месте таком,
Где порой наступает забвенье?
Повинуясь мечте, и, стремглав,
Совершив долгожданный полёт,
Веря в чудо, миг важный поймав,
В каждом сердце пусть счастье живёт!

ВСЕ ЛИЧНОСТИ ВКУПЕ

Взрастила Россия Великих людей,
И к творчеству оных ведут все дороги.
Здесь Лермонтов, Пушкин, Есенин Сергей –
Талант сей дарован отныне не многим.
У всех на устах их звучат имена –
Цветаева, Блок и Ахматова Анна.
Какой же богатой ты стала, Страна!
Все личности вкупе – небесная манна!
Читаем и помним об их мастерстве –
Толстой и Некрасов, Жуковский Василий.
Пусть летом, зимой, при осенней листве
Живут их творенья для нашей России!

РАЗЛИЛАСЬ ВЕСНА КАПЕЛЬЮ

Разлилась весна капелью
По оврагам и лесам,
Птицы меряются трелью,
Щебеча то тут, то там.
Залихватский звон пернатых
Льётся звучною волной.
Скоро тень сугробов мятых

Смоет новою весной.
Заиграет зелень краской –
Сочной, свежей, молодой,
Снова лес – волшебной сказкой,
Манит чудной бахромой.
Рад народ весне-веснушке,
Он оттаял, забодрел,
Оголил свои макушки,
Лёгкий свой наряд надел.
Вновь весна нам улыбнулась,
Одарив своим теплом.
Ведь она от сна очнулась,
Заглянула в каждый дом.
Постучалась осторожно,
Подослав свою капель.
«Нам принять тебя не сложно,
В гости залетай, апрель!».

ОЛЬГА ГУБИНА

РУСЬ

Русь моя былинная
В кипени берёзовой.
В колокольных звонах,
Шелесте лесов.
Нет тебя милее,
Нет тебя пригожее,
В деревеньках – бусинах,
В оправе городов.
С песнями напевными,
С Пушкиным, Тургеневым,
Горьким и Есениным
Ты впитала в кровь
К Родине единственной,
Нам судьбой отмерена,
В души заронённая
Светлая любовь.
Росами жемчужными
Все поляны вышиты,
Чистотою светится
Кипень облаков.
Милая сторонушка,
Сердце бьётся трепетно
От приволья нашего,

Пенья соловьёв.
Все мы братья – русичи,
Роду мы славянского,
Чтим свою историю,
Корни бережём.
О своей стороншке,
О России – матушке
Песни задушевные
Из сердец прольём.
А она, родимая,
С каждым днём красивее,
Силой напоённая,
Смотрит из окон.
Нет тебя желаннее,
Нет тебя пригожее,
Жаворонком плещется
Колокольный звон.
Русь моя державная,
К цели устремлённая,
В современном ритме
Крупных городов.
Нет тебя прекраснее,
Нет тебя любимее
Ты сияешь сказкою.
Песнею без слов.

ДЕТЯМ

Я вас люблю, как может мать любить,
Не разделив любовь на половинки.
Без вас мне не дышать, не жить,
Вы – капельки мои, мои кровинки.
Всем поровну, не больше и не меньше,
Любви, заботы, нежности раздам.
Среди живущих в этом мире женщин
Я самая счастливая из мам.
Дарю стихи, и пусть они согреют,
Когда прохладу чувствуют сердца.
Лишь только сердце матери умеет
Страдать, любить и верить до конца.

МАРИНА МАРКОВА

МЫСЛИ ВСЛУХ

За счет кого-то никогда я не жила
И помощи, склонившись, не просила.
И жалость лицемерная мне тоже не нужна –
Лишь на себя надеюсь, сколько хватит силы.
Я не могу принять людей таких,
Которые, собой любуясь,
От матерей, отцов, детей своих
С холодным сердцем пишут отказную.
Мне не дано понять того,
Кто сам, прожив никак,
Пытается судить другого.
Кто злость свою, собрав в кулак,
Бьет беззащитного, родного.
Я не могу терпеть, когда мне лгут,
Не зная истины, сюжеты искажают.
Не нравится, когда с усердьем пальцы гнут,
Кого-то из себя изображая.
Скажите люди, что же нужно вам,
Чтоб злость и ненависть в душе угасли,
Чтоб в сердце поселилась доброта?
Тогда и небо станет ясным...

ЧАСТИЦА ДОБРОТЫ

Видимо, распорядилась так судьба-
Нам идти тернистою дорогою.
Группа инвалидности для нас -
Это испытание, посланное Богом.
Нам бывало даже пережить
Боль, обиду, разочарование,
От людей с жестоким сердцем получить
Равнодушие, безразличие и непонимание...
Но, поверь, не стоит тратить время
На того, кто-то, что мы, не испытал.
Кто не знает жизни цену, кто на все святое наплевал.
В этом мире каждый миг нам дорог,
И добрые дела не оставляйте на потом.

Главное - остаться настоящим человеком!
Чтоб не оказаться за бортом.
Надо в этой жизни всем ветрам, невзгодам и ненастьям
Научиться противостоять!
Каждый человек достоин счастья!
Главное, надежду не терять.
Да, порой судьба бывает к нам сурова...
Пусть сегодня сбудутся желанья и мечты!
Чтоб зажечь огонь надежды в сердце у другого –
Храни в своей душе частицу доброты!

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ НИКОГДА О ВЕТЕРАНАХ!

Мы много видим фильмов о войне,
Читаем книги, узнаем в газетах...
Но есть такие люди на земле,
Кто на себе все испытал
И наяву увидел это...
Минуло семь десятков лет уж с той поры,
А в душах их незаживающие раны.
Великая Победа нелегко далась,
Но за ценой не постояли наши ветераны!
Живет у нас в «Рассвете» человек один,
С «Катюшей» своей не расставаясь,
Пройдя сквозь всю войну,
С Победой штурмовал Берлин!
Гвардеец Гарманов - почет ему и благодарность!
За мужество, за доблесть и за честь,
За то, что не для всех из них, весна настала в 45-м,
За то, что Родина жива и есть,
Земной поклон освободителям-солдатам!
Давайте победителей беречь,
Ведь их совсем осталось мало.
Пусть будет больше теплых встреч!
Не забывайте никогда о ветеранах!

ТАМАРА ВАХРУШЕВА

ДРУЖОК

Люба уложила детей на высокую с пикированными спинками кровать. Её четырёхлетняя дочка и трёхлетний сын, утонув в пуховой перине, сладко спали. На улице с вечера дул сильный ветер, и пошёл крупными хлопьями снег. Село, протянувшееся в одну улицу вдоль реки Чапаевка, мирно спало. Люба окинула избу счастливым взглядом и задумалась о том, как два года назад ушла с маленькими детьми от мужа в родительский дом, где ей были не очень рады.

В доме у родителей Любе с детьми приходилось ютиться в маленькой комнатушке, не смея лишний раз выглянуть. Она устроилась работать на маслозавод, но денег катастрофически не хватало, и для дополнительного заработка ей приходилось каждый день в пять утра топить печь в маленькой школе.

В это лето колхозная артель и три родных брата поставили Любе дом. В новой избе не было ни одной перегородки, посередине стояла голландка, круглая печь, обтянутая жестяным кожухом. В правом углу избы висела икона, а за печкой стоял буфет со скудной кухонной утварью. Ещё из мебели в комнате был круглый стол, накрытый бархатной скатертью, а на полу в простенке, куда Люба мечтала поставить диван, лежал новенький матрас, накрытый простынёй.

Тихо тикали ходики, навевая дремоту. Ночь пролетела как одна минута. В избе было прохладно, но, несмотря на это, детей пришлось переложить на матрас, чтобы они не упали с кровати на пол. Ну, вот и пять утра, пора бежать в школу, топить печь, чтобы успеть к восьми утра увести детей в сад и бежать на завод. Люба перекрестила детей и, кутаясь в белый овчинный тулупчик и шаль, вышла из дома. До школы было минут двадцать ходьбы. Ветер в это утро выл как бешеный, а колючий снег бил в лицо. Казалось, небо и земля слились в одно целое. Люба на минуту остановилась, но решила всё-таки идти дальше.

– Главное, перейти по мостику через овраг, – думала про себя Люба.

Поднявшись на пригорок, она подумала: «Ещё не много, и в школе», – а пурга всё никак не унималась. Тяжело дыша от усталости, Люба остановилась и окликнула сторожевую собаку Дружка. Дружок был огромным чёрным псом с медвежьей головой и огромными лапами, неизвестной породы. Два года назад его подбросили на школьный двор цыгане. Обычно Дружок с восторженным лаем, виляя хвостиком, набрасывался на Любу, стараясь лизнуть ей лицо. Но на этот раз Дружок не отзывался. Идти становилось всё труднее, порывистый ветер сбивал с ног. Казалось, будто отовсюду собрались все вьюги и метели. Люба шла, стараясь на ощупь найти забор, но его всё не было и ей становилось страшно. Дальше за школой была бескрай-

няя степь. Время шло, и она уже не понимала куда идти. Тяжелая мокрая от налипшего снега шаль сбилась за воротник, волосы трепал холодный ветер, а полные снега валенки уже не грели, а были тяжелы как оковы. Сил у Любы больше не было, и она упала лицом в снег. И вдруг среди разгулявшейся стихии она услышала завывание одинокого волка, страх и ужас пробежал по всему телу.

– Всё, это конец, – подумала она. Подняв к небу взгляд, Люба взмолила бога о помощи, не ради себя, а ради детей. Все её мысли были с детьми, она с ужасом думала о том, как они одни проснутся в холодной избе, о том, как в первые дни никто не заметит её пропажи, и все будут думать, что дети просто заболели. Слезы застлала газа, она уже не чувствовала своих окоченевших рук и ног, жуткое завывание становилось всё ближе. Вдруг где то в стороне залаяли собаки. Всё понятно, село было далеко позади. Лай собак придал ей сил, она поднялась и пошла на этот лай. Ветер ревел как раненый зверь, поднимая клубы снега, и метался по степи, как будто искал свою жертву. Небеса словно разверзлись, показывая свою силу и власть над слабым человеком. Крупными хлопьями падал снег, заметая всё вокруг.

– Замёрзнуть в степи это не самое страшное, – подумала Люба.

Она жутко боялась, что на неё нападут волки, ведь они рвут свою добычу живьём и не оставляют после себя следов, и вряд ли её когда-то найдут. Она шла, утопая в снегу, едва передвигая ноги. Вдруг Люба упала навзничь и будто провалилась, ей стало хорошо и спокойно. Она очнулась от тёплого, прерывистого дыхания, несколько горячих капель упали ей на лицо. Она почувствовала сверлящий взгляд зверя, ужас сковал ей тело. Не смея открыть глаза, она взмылила бога послать ей быструю смерть.

Ветер ревел и метался, ликуя и беснуясь. И вдруг среди этого безумия кто-то жалобно заскулил, ступил тяжелыми лохматыми лапами на грудь и, уткнувшись лохматой мордой начал лизать ей лицо шероховатым языком. Сердце Любы на мгновение остановилось, а тело будто ошпарили кипятком.

Она тихо прошептала: «Дружок».

Собака радостно взвизгнула и забегала вокруг неё. Люба с трудом поднялась и, периодически падая, пошла за собакой. И вот в очередной раз, упав, когда подняться уже не было сил, она упёрлась локтем во что-то твёрдое. Из последних сил она начала разгребать снег и поняла, что это была труба, значит она на крыше. Осторожно нащупав край крыши она спустилась вниз и, разгребая сугробы, нашла дверь. С большим усилием она потянула за дверь, пытаясь протиснуться внутрь. Когда она попала внутрь, её резко обдуло тёплым воздухом. Это была ещё с вечера натопленная баня.

Люба упала без чувств на полок и впала в забытьё. Ей казалось, что она бредёт по раскалённой пустыне, а её ноги и руки обжигает горячий песок. Она пыталась открыть глаза, но её веки были тяжелыми будто налитыми

свинцом. Вдруг ей показалось, что она полетела в чёрную бездну, на дне которой было прохладно, в груди всё колотилось, и ей захотелось пить. Она с трудом открыла глаза, и первое что она увидела, был белый потолок и стены. –

– Ну, вот и оклемалась, ноги, и руки целы, а остальное вылечим, ласково сказала фельдшер Нина Петровна.

Дружок, всё это время лежавший возле палаты, бесцеремонно ворвался и на правах спасителя усердно начал лизать руки и лицо Любы.

СЕЛИН ДМИТРИЙ

Твоя любовь ко мне остыла,
Моя к тебе трепещет безустанно.
Не важно, что тогда ты говорила,
Что равнодушна, от меня устала.

В мой сон, приходишь словно фея,
Сны вычеркнуть и удалить нельзя.
Мой аленький цветочек, цветик – семи цветик,
Влюблён в тебя отныне, навсегда!

Я предал вас, я предал истину.
Моя игра без ваших правил.
Не важен мне никто из вас,
Свободу сам себе я подарил.

Живу теперь, как птица вольная.
Суровая реальность зашифрована.
Моя любовь, моя душа,
Теперь отдельно от меня.

Теперь один я окончательно,
В моих руках все жизни преданных.
Я вам создам здесь мир – игру,
Все будет так, как я скажу...

Это жизнь, и мы не в сказке.
Этот мир, где все под властью.
Нашел себя и снял все маски.
Вселенная за гранью сказки...

ЛАРИСА КАРЕЛИНА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Серый уральский гранит
Память столетий хранит.
Мастера сильной рукою,
Волей могучей, талантом
Русское племя атлантов
В камне встаёт предо мною.

Мамонтов – города сын,
Меценат и творец-исполин,
Многое сделать он смог,
Смотрит, задумчив и строг.
Светлая музыка льётся –
Слава ему воздаётся.

Дымом объаты поля,
Стонет от горя земля.
Кони уносятся вскачь...
Слышится матери плач...
Сердце тоской неизбывною полнится.
Помнится всё это, помнится!

Пращуров подвиги славные,
Скорби Божественной миг,
Ангела светлого лик,
Счастья земного сияние,
Жизни, любви упование –
Мастер всечасно творит,
Сердцем с людьми говорит...

ЕЁ ОСОБЫЙ МИР

Наивной прелестью мила,
Всегда приветлива, добра.
Но есть в ней свой, особый мир,
Ему не нужен светский пир.
Он скрыт молитвами от всех.
И он не требует утех.
Ей чужды страсти. И успех
Не вскружит голову. О тех,
Кто на страданья обречён,
Она молиться станет
Сам Ангел с нею обручён.
Господь её любить не перестанет.

ЕЛИЗАВЕТА МЕРКУШИНА

Эссе

«ОКОЛЬЦОВАННЫЙ» БАСКЕТБОЛОМ

Владиславу Чикишеву, чемпиону мира по армрестлингу, кандидату в мастера спорта России по баскетболу на колясках (спорт лиц СПОДА), ведущему игроку баскетбольной команды «Шанс», спортсмену-инструктору Центра спортивной подготовки и проведения спортивных мероприятий очень повезло, в его жизни есть любовь – спорт и любимая женщина. Первая делает его сильным и мужественным, вторая – счастливым.

В спорте наш герой не так давно, с 2013 года, но за этот короткий срок уже успел покорить ни один Эверест. Его руки признаны самыми сильными в мире в весовой категории до 75 килограммов. Сам о себе спортсмен говорит: «Моя левая рука заточена под армрестлинг, а правая – под баскетбол. Поэтому обе руки для меня важны, они всегда должны быть в форме, натренированы на успех».

В большой спорт Владислав попал случайно. Был обычным парнем, красивым, здоровым. Жил обычной жизнью, как большинство молодежи того поколения. Жил и не думал, что все может измениться в одночасье. С Владом произошел несчастный случай (строил дом и упал с большой высоты), и он оказался прикован к инвалидной коляске. Этот судьбоносный момент не только изменил самого Влада, он совершил естественный отбор: одни люди, которыми дорожил, которым верил, как себе, ушли из его жизни навсегда, другие в нее пришли и до сих пор рядом.

Травму спины получил десять лет назад. Долго не мог выйти из дома, думал, как он будет идти по улице такой, на... коляске, все же будут обращать внимание. Не мог себя пересилить. Тогда как раз стали набирать популярность социальные сети, различные сайты, общение в чатах. И как-то Владу написал один молодой парнишка, сказал, что тоже инвалид-колясочник, ведет активный образ жизни. «Инвалид, колясочник, ведет активную жизнь...» Влад не мог в это поверить, для него это было чудом. Новым знакомым оказался тюменский пара-спортсмен, баскетболист Никита Меркушин. Он рассказал про баскетбол на колясках, что есть в Тюмени такой вид «особого» спорта, секция, пригласил на тренировку. Этот парень вселил в него надежду, и Влад Чикишев ему поверил. Так в его жизни появился баскетбол на колясках.

Потом судьба свела Владислава с еще одним пара-спортсменом, тренером Анатолием Шушариным, благодаря которому попал в мир силачей – армрестлеров.

Изначально спорт был для парня на коляске Влада Чикишева просто увлечением, мотивацией выйти из дома, сейчас им уже движет профессиональный интерес. В планах – достижение новых целей, тренерство, хотелось

бы в будущем работать с юными спортсменами, растить чемпионов.

Если «особый» баскетбол Владиславу Чикишеву открыл его товарищ по команде «Шанс», то победам в армрестлинге он обязан, конечно же, Анатолию Шушарину, своему тренеру и наставнику, мастеру спорта, чемпиону России, Европы и Мира.

На тот момент Анатолий тренировал не только спортсменов с нарушением опорно-двигательного аппарата, но и с нарушениями слуха, зрения. Сам же занимался армрестлингом уже пятнадцать лет. Он сразу заметил Влада, разглядел в нем будущего чемпиона.

Что сейчас Владу ближе, баскетбол или армспорт? Ведь и там, и там у него есть успехи.

Спортсмен признался, что хочется личного спортивного роста, достижений, результатов, поэтому старается участвовать с поддержкой тренера в чемпионатах Европы, Мира. Армрестлинг – это не олимпийский вид спорта, спортсмены в нем не имеют поддержки от вышестоящих, а оплачивать поездки в Венгрию, Польшу – дорогое удовольствие. Баскетбол входит в олимпийскую программу, здесь открывается больше возможностей себя реализовать, но, опять же, в составе команды. Свою команду «Шанс» Влад оставлять не планирует, хочет поиграть в полном составе на международных турнирах, уверен, что это реально, нужно просто стремиться.

Что касается армрестлинга, то в этом виде спорта задействовано все. Ошибочно полагать, что это только работа рук. Говоря словами своего тренера, Влад считает, что армрестлинг – это спорт для думающих, ведь силу рук нужно уметь правильно направлять. Так что бицепсы здесь – не самый главный инструмент, вот развитый связочный аппарат, крепкие сухожилия, кости и мозг – это да. А еще нужно чувствовать соперника.

В спорте чемпиону армрестлинга и баскетбола на колясках (в составе команды «Шанс») Владиславу Чикишеву нет равных. Сумел покорить паралимпиец и женское сердце, своей прекрасной спутницы жизни Светланы. Жена – его главная муза, опора и поддержка, которая и вдохновляет умеет, и расслабляться своему кумиру не дает. Это ей, своей любимой женщине, он посвящает все свои победы, кубки и медали. Вот и сегодня, в эту самую минуту откровения, Света рядом с мужем.

Они знают друг друга уже пятнадцать лет. Познакомились, когда Влад еще был здоровым. Он работал в одном из магазинов Тюмени, куда однажды заглянула молодая красивая девушка. Их глаза встретились, пробежала искра. Оставаться равнодушным Владислав не мог – завязалось знакомство. А потом судьба разлучила их на целых девять лет. Встретились снова, когда Влад был уже в коляске. Свету это не испугало, не оттолкнуло. 8 августа 2014 года молодые поженились.

«Это было снисхождение с небес, – шутит Влад, – я её увидел, подмигнул, и все, она уже была на крючке». - Как золотая рыбка, которая исполняет все желания? – спрашиваю у моего героя?

«Нет, как трудовой карп, а что, хорошая такая рыба, ценная». Вот так –

коротко и ясно.

Это с первого взгляда Влад кажется серьезным и неприступным, а пообщавшись с ним, узнаешь поближе и понимаешь, в душе он ещё юный мальчишка, веселый и позитивный, с чувством юмора, душа компании. Это и подкупает.

Трудовой год Владислава Чикишева расписан по дням. Чемпионат России по баскетболу на колясках в Московской области, Кубок Санкт-Петербурга по баскетболу на колясках, турнир в Тюмени, затем снова чемпионат России. А между тем – тренировки и подготовка к соревнованиям по армрестлингу – Екатеринбург, Сочи, Болгария, Турция. Тренер и наставник Анатолий Шушарин ему говорит: «Давай, Влад, держи курс только вперед, к победам, на тебя все соперники равняются. А тебе равняться не на кого – ты чемпион Мира». И с этим уже не поспоришь.



НАТАЛЬЯ БОРОДКИНА

ВРЕМЯ – ВОР

Незаметно на мягких лапах
Подкрадётся, чтоб всё отнять.
Бесполезно просить и плакать.
Время – тать.
Как песок из часов песочных
Проникает, текуч и скор,
Не боится запоров прочных
Время – вор.
Не спасут от него заборы.
Стены крепкие не спасут.
Как палач, на расправу скорый,
Время – суд.
На весах у слепой Фемиды
Оправдания – не предлог.
Всемогущ. Вездесущ. Невидим.
Время – Бог.

ТЫ?

Что же поделаешь тут...
Цокот бегущих минут
Резв.
Ты, и как будто не ты, –
Скован в тисках немоты,
Трезв.
Выбрит, надушен и свеж.
Шляпа, кашне цвета беж
В тон.
Это такая игра?
Нынче опять, как вчера?
Стон...
Вставит будильник словцо,
Бросит мне прямо в лицо:
«Дзень!»
Снова застывший вопрос:
Ты ж это всё не всерьёз?
Сгинь!

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Всё меньше, меньше общих тем.
Прохлада в чувствах. Раздражение.
Недоумение, а затем –
Апофеоз – неуважение.

Смятение. Внутренний разлад.
Предощущение утраты.
И не поймёшь, кто виноват.
Свершилось. Точка невозврата.

НОЧЬ УБЫВАЮЩЕЙ ЛУНЫ

Ночь нежится, как устрица в вине,
Пронзают воздух шорохи и звуки,
Как будто осторожно по струне.
Скользит смычок в томлении и муке.

И дивная подлунная страна,
Едва дыша, мелодии внимает.
И смотрит ущерблённая луна
На мир, как будто что-то понимает.

И заливает странный лунный свет
Все уголки таинственного сада.
Нет мыслей. И желаний тоже нет.
Нет ничего... И ничего не надо.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Мне осталось лишь слушать, как твои отдаются шаги
Чётким, пляшущим эхом за высокой чугунной оградой
Как затравленный зверь от себя и от мира беги.
Ни любви, ни людей, ни меня тебе, видно, не надо.
Погрузись безысходно в это царство покоя и пыли
Среди старых зеркал и отёкших, оплавленных свеч,
Где не ждали тебя, где тебя никогда не любили,
Где всё – тлен, где всё – хлам, что не стоит хранить и беречь.
Среди ветхих вещей и тебе дорогих безделушек
Луч случайный пролёт между шторок задёрнутых свет.
И на странный твой мир, полный пыльных, потёртых подушек
Будет грустно смотреть с обветшалой стены мой портрет.

СОВРЕМЕННЫЙ БАЛ

Мелькнули, словно тень, минувшие столетия.
И как бы мир живых страстей их не алкал,
Не оживёт их пыл, их пламенные сплетни
За мрачной пустотой магических зеркал.

Не сдавит кринолин в тисках живую душу.
Не скатится слеза на бархатный манжет.
Фальшивый бриллиант, лучом терзая уши,
Увы, не оживит манерный менуэт.

Мелькнёт среди живых оптическим обманом,
Повеяв холодком, таинственная тень,
И, проходя сквозь свет, развеется туманом,
Едва прильнёт к ноге подвальная ступень.

Глубоким декольте и кружева шуршаньем
Не возвратит в наш век изысканных манер.
Не взглянет уж с таким невинным обожаньем
На визави свою надменный кавалер.

Не зазвелят слугой начищенные шпоры,
И не подаст манто услужливый лакей.
Иные времена... Иные разговоры...
И вместо «Да» звучит нелепое «O, key!»

ТАТЬЯНА КОВАЛЕНКО

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

*Посвящается моему отцу
Прохору Ивановичу Райкову*

По всей стране и стон,
и плач –
Пришёл на Русь
фашист-палач.
И на защиту встал народ.
И мой отец, как патриот,
Оставив дочку и жену
Ушёл на страшную войну.
Был призван он
в стрелковый полк.
Как сибиряк,
знал в этом толк.
Солдат не много воевал,
Он после боя в плен попал.
Фашист ко Ржеву подступил,
Жестокий бой
последний был.
Стрельба и взрывы без конца,
И пуля ранила отца.
Сначала друг его тащил,
Но бросил, убегая в тыл.
Отец мой с раненой ногой
Три ночи полз
К своим, домой.
А днём лежал,
как будто спит,



Чтоб немцы думали – убит.
Но вдруг заметили его,
И отнесли отца в село.
А в штабе офицер пытал.
Потом в концлагерь
он попал.
Работать в шахты
их гоняли,
Больные там
не выживали.
Бесчеловечность, голод, смерть...
Все ужасы пришлось терпеть,
Себя надеждой согревая.
И через год отец бежал.
Поймали, били, истязали,
И вновь мучительно пытали.
Господь же сил
отцу давал
И веру в то,
что кто-то ждал.
Четыре года он в плену,
Четыре года, как в аду.
Надежда теплилась одна,
Что скоро кончится война.
Фашистов в мае победили,
И пленных всех
освободили.
Отец был
без вести пропавший,
Лишь мама верила: живой!
Пришел седой,
худой, уставший,
Вернулся он к семье,
домой.

Кондинский район

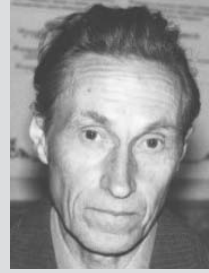
ЮРИЙ БОГДАНОВ

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Гордитесь, что родом с Арбата,
Что Родина ваша – Москва.
А я деревенский, ребята,
Где вместо асфальта – трава.
Река и тайга вековая,
Здесь жили мой дед и отец,
И мама моя молодая,
А вот он и я – сорванец.
Деревню порушило время,
Ни писем, ни добрых вестей...
Слагается в сердце поэма
О Родине милой моей.
И пусть на деревню нет моды,
И в душах царит забытьё,
Я помню сквозь вёрсты и годы
Прекрасное имя её.

БЕРЁЗА

Люблю берёзу я за настроение –
За шорох листьев в духоту и зной,
За золотое осенью свечение
И серебро в ветвях её зимой.
Когда иду я летним утром рощей,
Блестит берёза каплями росы.
Все чувства с ней естественней и проще –
Среди зелёной праведной красы.
Я здесь не гость, и даже не прохожий,
Поэтому воскликну горячо:
«Люблю всем сердцем милую берёзу
За песни соловьиные её!».



ВЕСЕННИЙ КРЫМ

Над чёрным морем реют флаги,
Расцветка разная у всех.
Зовут в Россию эти стяги
И свято веруют в успех.
А Севастополь весь в сиянье,
Он двадцать лет Россию ждал.
И день пришёл, как осознание,
Он праздником народов стал.
Весенний Крым наряжен, ярок,
И от цветов, и от знамён.
Улыбки радости недаром
У всех людей со всех сторон.
И крепки братские объятия –
У нас теперь судьба одна.
В России мы навеки братья –
Одна семья – одна страна.

НА ТЕПЛОХОДЕ

Идёт по реке теплоход,
В салоне беспечный народ.
Глядит, как играет река,
Как в небе плывут облака.
Кругом необъятная ширь,
Вдали золотой монастырь,
И город, и берег крутой,
И волны бегут за кормой.
Под музыку плавно идёт
По тихой реке теплоход.
Счастливый и радостный день,
И летняя сказка – Тюмень.



Альбина
Кузьмина



Игорь
Кириллов

АЛЬБИНА КУЗЬМИНА

ЖИВИЦА

Увидев дедушку Ефима в приемной родильного дома, Екатерина удивленно вскинула брови:

– Дедушка Ефим? Здравсьте! А вы тут к кому?

Дед не мешкая проронил в ответ:

– Здравствуй, Катерина! Тебя вот дожидаюсь! Я тут по пути, мешок муки в столовую завез, да весточку тебе от родни надобно. Тимофей просил передать, что к обеду за тобой прибудет.

– Спасибо, мне уже вчера сказали. Так я хоть сейчас готова! Возьмешь с собой, дедушка?

– Какая скорая! А твой-то не осерчает? Мне не торопно, разве что, до развилки могу довезти, а там мне на другую сторону.

– Ну что ты, дедушка, мы Тимошу как раз в пути встретим. Спасибо, что не отказал.

Екатерина обрадовалась, заторопилась в дорогу. Предупредила медсестру. Выслушивая советы да наказы по воспитанию ребенка, принялась одевать малютку.

Осторожно спустилась она с крылечка старого роддома: «Как бы не поскользнуться», – глянув на скользкие ступеньки, ухватилась за перила.

– И куда торопятся молодые? Нет, чтоб мужа обождать, – суетились вокруг нянечки.

Дед Ефим подогнал сани почти к самому крыльцу, усадил Екатерину на мягкую солому, а медсестрички вручили молодой матери малышку.

– Поаккуратнее вези, дед Ефим, не растряси! – заговорили наперебой.

– День-то добрый, вон какая теплынь, доедем! – сказал он, указывая на небо.

– Берегите себя! Молодцом держались. Приезжайте еще! – обращаясь к Екатерине, полушутя намекнули медработники.

Екатерина поблагодарила всех. Дед взял в руки вожжи, подхлестнул коня.

Довольная, она смотрела по сторонам, прижимая драгоценный сверток к груди, чему-то улыбалась. Глубоко вдохнула свежий весенний воздух:

– Хорошо-то как!

– Кажись, жаворонок весну благословил, – высказал предположение



Лидия
Журавлева



Михаил
Николаев



Марина
Александрова

дед Ефим.

– Весна–то нынче, какая ранняя! Отродясь не видывал, чтобы в эту пору снег в деревне почти стаял.

Перед выездом за околицу дед остановил коня, подправил хомут, подтянул супонь.

– Здорово, Пелагея! – сказал проходившей мимо одинокой старушке.

– Здравствуй, здравствуй Ефимыч! Далеко ль, собрался? С кем это ты? – спросила она.

– Сама погляди, – ответил тот.

Старушка подошла ближе:

– С первенцем тебя, милая! Сохрани, вас Господь!

– Доброго здоровья! – откликнулась на приветствие Екатерина. Кивнула головой – спасибо, мол. А в душе удивилась: как определила, что первенец? Мудрен старый человек – что колодезь тебе, сколько ни черпай, всегда полон!

– Тимошку Викулова ты, Пелагея, помнишь, как нянчила в саду?

– Как не помнить.

– Дак, дочь у него народилась. А это жена его Катерина из Елизаровки.

– Вон што! Ну, поздравляю вас. А где сам-то?

– Навстречу едет.

– Привет ему от меня, и родителям тоже. Они хорошо меня знают. Доброго пути! – обменялись они любезностями.

– Бывай, Пелагея! – простился дед.

Дорога за деревней началась с колеи, местами была неровной, уже порывшей. Кое-где снег в сугробах слежался и превратился в ледяную корку.

Вороной бежал трусцой. «Ну, лешак!» – понукал его изредка дед. Екатерина поглядела на окрестный лес, заснеженную речку. Достала из кармана пальто зеркальце. Поправила завиток на лбу.

– Как там в деревне-то, дедушка?

– А што ей сделается? Как была, так и есть, ничего нового не появилось.

Окромя того разве, что вы прибыль в деревню везете – молодежи прибавление. Тимофей только о том и говорит, что дочь родилась! – объявил дед.

– Нам еще до молодежи ой, как далеко, – улыбнулась Екатерина.

Яркое солнце слепит глаза. Легкий морозец еще держится, но к полудню уже все раскиснет. Весна вступилась за свои права. Рассылает зима ей свои последние жалобы – вдруг сжалится, уступит место, да не тут-то было... Ах, как замечательно, что вырвалась Екатерина, наконец-то из помещения, хотя Тимофей не одобрит ее самовольство, но она разъярит ему – он поймет. Еще будучи в роддоме Екатерина задумала в лесу побывать, бабушки

ны заветы исполнить.

Мысли перенесли ее в деревню. Представила, какие пожелания, восторги услышит. Но взглянуть на дочку не разрешит: слезят еще. Успеется, придет день.

А вот Тимофею своему все-все расскажет. И как думала, что умрет со страху, коли не сможет родить... И как врачиха чуть было тряпкой не отвозила ее за то, что мыть полы в больнице принялась: всего-навсего помочь хотела... А уж как первый раз дочку кормить принесли, и она – спит. Тут-то сколько слез пролила, а то! Как без материнского молока? Не городская кукла небось... А медсестра еще смеется. Потом уж объяснила, что носик крошке чуток зажать надо, вот она и схватит грудь. Да, малое дитячко жалко, не приведи Господи...

М-м, а как схватила мамкину соску потом – полилось молоко в ротик, так сердце и зашло! Будто внутри перевернулось что-то. Не показалось – почувствовала, будто родная кровь к дочурке притекает. И от этого разливается по всему телу тепло. Правду говорят, как только прикоснется ребенок к матери, отведаст материнского молока, с той поры материнское сердце сроднится навечно, и никаким бедам-напастям не разлучить дитя с матерью. Не передать словами, какое оказывается, это счастье – иметь детей! Создала же природа! – вспоминала Екатерина сладостные мгновения.

– Ласточка ты моя, счастье наше! – глянула в сверток. Поспеть бы только раньше мужа. Люблю неожиданно появляться, везде первой быть, будет ему сюрприз, – подумала.

– Дедушка Ефим! Видишь вон тот взгорочек? Тут и высади нас. Мы сойдем, а ты поезжай себе, – попросила Екатерина.

– Што ты удумала Катерина? Мне за вас ответ держать!

– Да вы не переживайте, ничего с нами не случится! Мы тут дождемся своего папку, до лесочка прогуляемся. Вы ж знаете, дедушка, это наша гривка. Я только взгляну, да подышу свежим воздухом...

– Разве вас молодых поймешь, что у вас на уме? – сердился дед. – А ну, как он запоздает, что потом?!

– Езжайте. Тимоша ни на минуту не задержится – его слово верное.

– Ну и лихая Тимофею молодуха досталась!

– Верно говорю, мы здесь его подождем, – уговаривала Екатерина деда.

– Э-э, нет! Мне жизнь моя не мила станет. Знаю я Тимку-сорванца, спросится потом с меня. Как хотите, а покуда он не появится – с места не сдвинусь! Идите, прогуляйтесь, раз хочется, а я покараулю. А не появится, так доведу.

На том и порешили.

Екатерина окинула взглядом дорогу, с какой стороны бы лучше зайти, оглянулась на деда, и уверенно зашагала по весеннему насту. Шла, прижимая руками свое сокровище. Шла и радовалась. Изредка посматривала на сонную малышку сквозь белое кружевное полотно. На душе было легко и радостно. Она снова встретится с любимыми березками.

Небо над зеленым краешком леса манит своей голубизной. «Сегодня у природы тоже праздник. Как у меня в душе. Непременно должна показать своей крошке этот запovedный уголок» – шагая к лесу, мечтала Екатерина.

...Давно не любовалась лесной красотой. Давно не видела чуда природы. Осторожно вошла в лес, взошла на пригорок. В лесу таинственно и загадоч

но. Снег на солнце почти стаял, только в глубине леса, в тенистом бору его много. Хвойные деревья зелены, кроны верхушек и хвойные лапы освободились от снега, распушились, блестят на солнце.

Вокруг тишина. И вдруг откуда-то раздался переключки щебечущих птиц. Зачирикали, заворковали, запели свои песни на разные голоса: кто кого переключит. Воздух ароматен: напоен запахом хвои. Весь мир вокруг кажется райским. Бабушка любит говорить: «Лес, он силы придает и душу врачует».

Да, в лесу побываешь – словно силы глоток хлебнешь. А весенние денечки – что в лесу цветочки. Коротки да яркие, успевай запоминать...

Екатерина прошла чуть подальше. Ой, погляньте только! Вон их сколько, желтых огоньков! Прячутся, а головки к солнышку тянут. По подгорочку, из-под елок да березок едва выглядывают. Еще снег лежит, а они тут как тут. И вправду говорят: у марта-капельника апрельские проталины.

«Как удивительно вокруг! Отсюда наши свидания начинались», – от избытка радости засмеялась Екатерина, целуя крошку. Здесь пришло к ней светлое чувство первой любви. С раннего детства она знает это место, еще маленькой сюда приводил ее отец собирать грибы. Жаль, не дожили родители, чтобы внучку свою увидеть. А бабушку она бережет... Екатерина припомнила, как собирала однажды березовый сок в лесу. Бабушка попросила, когда заболела...

...Екатерина улыбнулась: в памяти перед ней возник Тимофей. Вот он, сильный, широкоплечий, на лыжах, с ружьем за плечами, несет ее на руках. Беспомощную, уставшую, зареванную, и всю дорогу до самого дому извиняется. А она все грозит, все ругает: это же надо, какой ротозей, изверг настоящий, по расставил капканы у самой дороги, никому не пройди, ни зверю, ни человеку. Ох и напугалась она, когда в капкан вместо зверя попала. А раздвинуть, убрать – силы не хватило. Хорошо, что в этот день ей именно он, Тимоша встретился, случайно оказавшись в этих местах. А то бы осталась без ноги, и так, сколько проболела потом. Правда, этим «ротозеем» и был сам Тимофей: после признался. Она всего-то шаг в сторону сделала, чтоб елку обойти напрямик, и зацепила. Так закричала с испуга и от боли, что, наверное, всех в лесу переполошила да перепугала, и банку с соком березовым пролила... – что называется, принесла гостинца бабушке.

Потом Тимоша чуть ли не каждый день сок из леса приносил. Вот и прозвал ее Живицей, мол, сок-то благодатный, быстро на ноги поднимет. А потом и настоящей серы приносил, с ёлки, с сосны насобирает живицы, накипятит, и потчует. Вкусная! Жуешь жвачку – одно удовольствие. Говорят, раньше целые заготовительные организации этим занимались, а мы – только так, баловство одно! С того времени знакомство с Тимошей вошло в её жизнь счастливым озарением.

Помнится, как помогал мне в лесу: зарубки сделает на березах, баночки подставит, и уходит в лес поохотится, петли попроверяет, а я жду, когда они березовым соком наполнятся. Однажды, как снег на голову: возьми да скажи: пошла бы замуж за меня? Рассердилась я: посмеяться надумал? Он:

«Все что скажешь, для тебя исполню!» Тогда я ни с того, ни с сего, возьми да крикни: «Мост через речку построишь, тогда и выйду!»

Он сначала оторопел: – Какой мост? «А вон – через ручей!» Через тот

ручей и впрямь, ходить опасно: вода ключевая холодная, и в грязи утопнуть можно... Ничего тогда он не ответил. Ушел – и все. Вот ругала себя, думала – не увидимся больше. Потом, глазам своим не поверила: самый настоящий мостик появился! Перекинул он через ручей два кряжистых дерева, прибил к ним жердочки, а с одной стороны и поручни сделал. Теперь все кто в лес идет, не нарадуются, ему спасибо говорят. А место это нашим любимым стало. Всего здесь полно: и ягод, и грибов, и трав целебных...

– Вот подрастешь дочка, с собой брать будем, – выдохнула она.

Верит, верит Екатерина в бабушкины приметы: Первой бываешь – желания сбываешь! А как же! Вот она в тот раз загадала: встретится на пути добрый молодец, исполнит желание её, – быть ему женихом! Ещё как сбылось! Вскоре после этого случая свадьбу с Тимошей сыграли, а теперь вот дочурка появилась на свет. Пусть будет янтарной живицей со светлой и чистой душой.

– Надо желанье загадать, – заторопилась Екатерина.

Вот они, милые березки. «Поприветствуем их, – обратилась к малышке. – Видишь, как набираются силы, хотят напоить нас с тобою соком». Екатерина нашла на березе старый надрез, отковырнула бересту. Медленно наполняя лунку, появилась капля. Одна, другая... По древесной жиле нехотя потек прохладный сок. Подставила губы, вкусила живительные капли – благодатный.

«Вот и ты будешь у меня живинойкой, здоровенькой и красивой. Как эта березка, стройной», – подумала о дочке.

Передохнула на пне у оврага, посмотрела: спит малышка. Сладостен свежий воздух. Глянула на притихший лес. Отметила пенё – вроде, пичужка... Приподнялась, взглянула под ноги, удивилась: живая вода журчит, спешит, к ручью пробивается. Из-под талой земли трава едва зеленеет. Тоже тянется к солнцу. Не зря говорят, заливается весна прозрачными слезами.

В природе – как в жизни – все бывает... Они с Тимошей сохранили свое счастье. Пронесли свою первую, светлую любовь через все испытания. Оттого она только крепче стала. Счастье-то всегда силы прибавляет, пусть и дочке улыбнется судьба.

Шла назад Екатерина горделиво, возвышенно. Выполнила бабушкин наказ: всегда бывать там, где светлые воспоминания душу греют. То ли от пьянящего воздуха, то ли от избытка чувств, слегка закружилась голова. Она заторопилась.

Издали увидела повозку деда Ефима: – Ну и дедушка, не уехал, таки!

Из-за поворота показалась лошадь. Она узнала Гнедого: «А вон, и папка наш едет!» – махнула рукой с пригорка. В разукрашенной кошеве, погоняя лошадь, стоял Тимофей. Она видела, как поравнявшись с дедом, Тимофей глянул в сторону, куда дед указал. Крикнул: «тпру», бросил вожжи и побежал навстречу Екатерине.

– Дорогие вы мои, милые... Ну, здравствуйте, родные! – крепко обнял

жену. – А ну, держись за меня!

Не успела Екатерина и слова вымолвить, как он подхватил её на руки. Только и успела ойкнуть: «Сумасшедший, уронишь нас, отпусти!».

Тимофей шагнул два шага и, наст не выдержав, провалился под ним.

– Дойдем! Мне ли вас на руках не носить! – упрямо шагал вперед. Весь раскрасневшийся, со взъерошенными волосами, наконец, выпустил из цепких рук на дорогу. Провел своей шершавой ладонью по щеке жены, глянул влюбленными глазами. Притянул её руки, держащие малышку, поднес к губам, согрел своим дыханием. Тихо шепнул: «Спасибо, Катенька! Спасибо, родная!».

Она смотрела на него, вся сияя: – Любишься! Осторожно передала Тимофею на руки сверток. Приоткрыла уголок белоснежного покрывальца. Он несколько оторопел от неожиданного, но, увидев в кружевном полотне детское личико, воскликнул: «Моя золотая!».

– Вот – перед вами Ан-ге-ли-на Тимофеевна! – выговорила по слогам Екатерина. Означает «Вестница».

– Ух ты! Ангелочек, значит. Анге-е-лочка – дочка! – выдохнул он. – Звучит! Такая Вестница ко времени! Ну, и умница ты у меня. Что ни придумаешь, все складно, – засмеялся Тимофей.

С этим и прибыли в дом.

– Ангелочка привезли! – поклонились родителям Екатерина и Тимофей. Зашумела родня, приветствуют молодых: «Добрую весть привезли. Можно и крестины устраивать!».

С тех пор так и растет Ангелочек в ласках и заботах родных. Быстро растет, как березка к солнцу тянется. А первые слова говорить станет – словно ручеек журчит, что к родимой речке бежит, торопится. И в глазах подснежники отражаются.

Переглядываются меж собой молодые, заулыбаются.

Кому, как не им, знать, что Ангелинка из весны-красны соком любимых берёз напоена.

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ

ТЕТКА ТАНЯ

Снова пятница, и снова тетка Таня

Баню топит, сына в гости ждёт.

Топит духовитыми дровами,

Жар ядрёный стелется, течёт.

Греется вода в железном баке,

Венечек берёзовый влечёт...

Вот уже четыре года с гаком

Сын маманьке весточку не шлёт.
То, что не звонит, не пишет – ладно.
Передал бы с кем-нибудь привет.
Тетка Таня стойко ищет правду.
Каждый месяц ходит в сельсовет.
А над ней уже вовсю смеются,
Кличут ненормальной за глаза.
Вот ещё один запрос вернулся
Да в конверте лёг за образа.
Лёг-лежит спокойненько, не дышит.
В нём всё омертвляющий ответ:
Пишут – сына нет среди погибших
И в госпиталях парнишки нет.
Осень ли пожалует с грибами,
По реке прокатит ледоход –
Тётка Таня стойко топит баню.
Свято верит в то, что сын придёт.

ТИШИНА

Беспросветная старость
Стучится в окошко.
Дети были.
Обоих сожрала война.
Что осталось?
Собака да старая кошка.
Да сиротская пенсия
И...тишина.
В тишине ордена серебром отливают,
Возле печки затихли сухие дрова.
Очень редко бывает – её навещают.
И подарки подарят
Затем – тишина.
Тишину не взорвёт
Детский радостный лепет.
Нет таких, кто бы бабушкой
Мог бы назвать.
У неё никого нет
На всем белом свете.
Нелегко с этим жить, тяжело умирать.
Просыпается ночью,
Не спит до рассвета.

А с рассветом не знает, чем руки занять.
Всё стоит у калитки,
Молча просит совета.
Но никто не спешит
Ни помочь, ни понять.
И таких как она очень много в России.
Безутешных, увы, престарелых сирот.
Не помогут слова
И законы бессильны.
А беда притаилась у наших ворот.

В ГОСТИ К ВНУКАМ...

Едет бабка в гости к внука,
А у бабки сумка с луком
Килограммов восемь-семь,
Так, чтобы хватило всем.
Что ещё? Ведро картошки,
Огурцов совсем немножко
Да ядрёный чесночок –
Ничего себе пучок.
Поднялась она с рассветом,
Рано день приходит летом.
К остановке побрела.
На себе весь груз несла.
Долго добиралась Фёкла,
Обессиленна и взмокла.
Уф, пришла, конец пути.
Радостно звонок свистит.
Бабушку встречают внуки,
К ней протягивают руки,
Но к гостинцам холодны,
Им такие не нужны.
Эх, они бы были рады
Мармеладу с шоколадом,
Только где их Фекле взять?
Не на что их покупать.
Пенсии-то не хватает,
Кто же этого не знает?
Остаётся огород –
Вот он кое-что даёт.
Только юному народу

Дела нет до огорода,
До его даров земных.
Он обходится без них.
Загрустила бабка Фёкла,
У неё щека промокла.
Шепчет ей её слеза –
Зря растила, зря везла.

ДОНБАСС. НА ЛИНИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Давным-давно ушли все поезда.
Безжизненными стали полустанки.
И некогда богатый край подранком
Ползёт из ниоткуда в никуда.
Стоят с пустыми окнами дома,
Закрыты магазины и базары.
Дым, артобстрелы, сильные пожары
Здесь ежедневно сводят всех с ума.
А в родниках хрустальная вода
Покрылась мутной, толстой жирной плёнкой.
Не слышали давно здесь смех ребёнка,
А меж столбов провисли провода.
Пришла беда, да с горем не одна.
С лицом циничным и душой двуличной.
Всё сумраком покрылось безразличным.
И жизнь уже не жизнь – так ерунда.
На стуле за двором сидит старик,
Он помнит май, Великую победу.
Как с фронта шли домой отцы и деды
И был народ один, и был велик.
Он твёрдо верит: «Время бед уйдёт»
И снова праздник в каждый дом придёт.

ЛИДИЯ ЖУРАВЛЕВА

ГУЛКАЯ ТИШИНА

Горное озеро располагается рядом с санаторием. К нему можно спуститься по выщербленной лестнице, сделав чуть более десятка шагов по её ступеням, исхоженным тысячами ног ещё до тебя. Говорят, что это озеро – рукотворное, но это не уменьшает его красоты. Представьте себе уютный уголок между высющимися рядом горами, поверхность которого представ -

ляет собой зеркало, а гладь его зависит от настроения погоды. В ясную погоду вода не шелохнётся, на ней не видно даже ряби: глядишь - и не знаешь, то ли небо и горы отражаются в озере, то ли наоборот. Если небо затянуто тучами и дует даже небольшой ветерок, поверхность озера недовольно морщится рябью, как будто обижаясь и жалуясь на что-то. Ты спускаешься к нему, задерживаешься, чтобы оглядеться перед прогулкой – и озеро словно начинает рассказывать тебе о своём житье-бытье. Так и идёт разговор: оно тебе – о своём, а ты ему – о своём.... И каждый при этом понимает друга.

В тихий солнечный день видно, как в воде мелькают стремительные стайки маленьких рыбок, словно узкими серебряными сабельками рассекая её толщу. Иногда рыбки, как в полёте, выпрыгивают вверх и делают несколько прыжков вперед метров на пять, как будто им надо сделать несколько вдохов горного воздуха перед тем, как снова уплыть на глубину. Можно долго стоять и только успевать поворачивать голову: то здесь, то там раздаются всплески, иногда настолько сильные, что приходится догадываться, насколько большой была та рыбина, что махнула хвостом. Когда я спросила местных рыбаков о том, какая рыба водится в озере, они отвечали уклончиво, словно отмахиваясь от бесполой беседы с её праздным интересом: да любая озёрная.... Но, судя по тому, что улова у них я до сих пор не видела, остается только позавидовать их упорству, с которым каждый из них, поставив пять-шесть удилец, способен часами высиживать в ожидании заветного улова.

В озере много лягушек. Время от времени их хор или выступление мокрого солиста взрывают тишину, укрывающую озеро плотным колпаком, и сопровождаются смачными всплесками, которые слышно даже на противоположном конце озера. Такая идеальная тишина, когда слышно то, о чем говорят люди, стоящие на берегу напротив, бывает поздно ночью и рано утром, в то время, пока дорожки вокруг не заполнили гуляющие, бегающие и без дела снующие курортники; пока добрый десяток своих мангалов не разожгли усатые шашлычники, пока прибрежные кафе не включили на полную мощность записи вездесущего Стаса Михайлова или очередного певца с восточным акцентом. Эту тишину можно слушать как музыку, в мелодию которой время от времени влетают свистящие взмахи крыльев птиц и их редкие гортанные переговоры о чём-то своём, птичьем.

Здесь, в горах работают не все сотовые телефоны привычных операторов. Вернее, они работают, но только в строго определенных точках. Курортный люд, изрядно побродив по берегу, находит заветные островки на лавочках или у оград, где может беззаботно общаться с родными и близкими. Видит Бог, я не хотела, но сегодня стала невольной свидетельницей разговора, который совсем не был предназначен для посторонних ушей. Говоривший ушёл далеко на лавочку на другом берегу озера, но он не учел того, что акустика в эту пору такая, что даже громкоговоритель не нужен

для того, что бы его слышала вся округа. Мою одинокую компанию невольных слушателей разбавил пожилой рыбак, который сменил за час три места, каждый раз устанавливая заново свои пять удочек и бормоча при этом что-то нечленораздельно-неприличное так тихо, что до меня долетали только жалобные остатки слов вроде «-ать...-ать...-ать...».

Наш удалившийся, как он думал, от свидетелей, герой звонил (предположительно) любимой женщине по имени Наташа. Разговаривал он довольно долго, как мне показалось, гораздо более пяти минут. Он, прежде всего, стал горячо уверять её в своих чувствах, не забыв при этом осторожно добавить, что специально уехал на три выходных дня, не предупредив, - для поправки своего здоровья в санатории и для того, чтобы сюрприз с его возвращением был более весомым. Чтобы его визави не переживала, он клятвенно обещал, что, когда вернётся, то она не успеет даже раздеться, как он обрушит на неё всю свою пылкую страсть.... Приятный баритон звучал то громче, то тише, а я чувствовала себя в это время преступницей, вскрывающей сейф с миллионом долларов народных средств перед тем, как быть пойманной с поличным.

Старик-рыбак открыл рот, позабыв о рыбе, потому что слушать нечаянный разговор ему было явно интереснее, тем более, что рыба и в этом месте не собиралась клевать на его наживку. Заверения в вечной любви, а вместе с ними и разговор подходили к концу. И только в эту минуту я заметила, что к закончившему говорить по телефону мужчине по дорожке, идущей мимо нас с рыбаком, направляется симпатичная молодая стройная женщина. Она шла, как замороженная, и смотрела на нашего героя так, будто они были одни на этом свете, и не существовало ни озера, ни рыбака с удочками, ни меня, случайной дамы, сидящей на скамейке у воды. Женщина подошла, села рядом с ним на скамейку, и я увидела, как в ярких лучах утреннего солнца две фигуры слились в одну в долгом поцелуе.

Старичок-рыбак громко закрыл открытый рот так, что было слышно, как его челюсти стукнули друг от друга. Я вздохнула – и побрела прочь с озера.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

МАРИИНСКИЙ ОБЕЛИСК

Здравствуй красавица Кия.
Здравствуй мой город-музей
Снова столбы верстовые
Встречу как старых друзей

Дома кружевными играя
Таят красоту прошлых лет

И нет на земле ближе края
Роднее земли в мире нет

Гремят на вокзале составы
Встречает гостей Мариинск
За рынок пройду к полю Славы
Чуть солнца поднимется диск

Тайфун бушевал в Подмосковье
Катился к Москве вал огня
Марии-заступницы воин
Стоял не жалея себя

Военной грозой заброшен
Судьбою такой непростой
Отец, шел с друзьями на площадь
Вставал перед памятью в строй

Вы бились за светлую Кию
За нашу тайгу и леса
И смотрят бойцы фронтовые
И смотрит отец мне в глаза

Встают отдыхая составы
Стоим полчаса Мариинск
Пройду не спеша к полю Славы
Чуть солнца поднимется диск

Шумит раскрасавица Кия
В заботах мой город-музей
Пусть же святая Мария
Проникнется болью моей

МОЙ НИЖНЕВАРТОВСК, ГОРОД МОЙ

Мой Нижневартовск, город мой
Моя юдоль, моя планета,
С восьмидесятых мы с тобой,
Все на двоих – зима и лето.

У нас с тобой одна судьба,
Один замысловатый вектор.
Ты помнишь, здесь была тропа,
Сейчас широкие проспекты.

Там у реки бродили мы,
Зарю, пьяные немного
Под тихий плеск речной волны
Одной на много лет, дорогой

А твой ответный поцелуй,
Как от души ты веселилась.
В потоке золотистых струй
Ты чайкой белою кружилась.

Мой Нижневартовск вновь в трудах
И я люблю его за это.
То в зелени, а то в снегах
Все на двоих: зима и лето.

КАКОЕ СЧАСТЬЕ ЖИТЬ НЕ В МОДЕ

Какое счастье жить не в моде
Ходить одевшись по погоде
Меняя лапти, сапоги
И валенки в разгар пурги

Фуфайку ватную носить
С коротким злым воротником
В порядке содержать свой дом
Ругаясь не искать слова

Колоть звенящие дрова
На коромысле носить солнце
С обледеневшего колодца
С молитвой завершать работу
И вместе париться в субботу!

ВЕСЕННИЙ АРОМАТ

Не спится, памяти рекой
Уносит вдаль неведомая сила,
И девушка, что больше всех любила,
Прощаясь, машет мне рукой.

На склоне небольшой горы,
Где отцвели медуницы,
Я целовал твои ресницы.
Манил нас хоровод игры.

Примята свежая трава,
Весне и солнцу песня спета.
Уже совсем чуть-чуть до лета,
Пьянит, и кружит голова.

Давно мы врозь, как острова,
Не долететь весенней птице,
Но, может, и тебе приснится
Та, прошлогодняя трава.

У жизни не отнять мгновений.
На склоне том, сцепивши руки,
Бегут с горы не наши внуки
В такой же аромат весенний.

ХОР ВЕТЕРАНОВ

Поле перешли, море переплыли,
Но глаза светлы, чувства не остыли.
Есть еще запал и задор немножко,
Лишь бы не устал баянист Сережка.

Город возвели, семьи сохранили,
За спиною дни, как у птицы крылья.
И лететь, лететь в даль, не уставая.
Можно песни петь - Алексей сыграет.

А пойдут плясать, поведут плечами,
Пареньки опять не заснут ночами.
Люди оживут, распахнут окошки,
В два баяна жгут Алексей с Сережкой.

Над большой рекой ранние рассветы,
В жизни фронтовой хор сильней ракеты.
Так танцуй и пой, мир засыпь цветами -
На передовой Хор-красавец с нами.

ЧТО НАМ ПЛАКАТЬ, ЧТО НАМ ГНУТЬСЯ?!

Что нам плакать, что нам гнуться,
Счастье попросту игра.
Счастье - в ранний час проснуться
И сказать: «Привет, Югра!».

Счастье - в праздник веселиться
И смотреть в глаза большие,
Лихо вниз с горы катиться
И кричать: «Виват, Россия!».

И вдвоем бродить лесами,
Где листва кружит, слетая.
Счастье - верить, что над нами
Есть заступница святая!

Счастье - желтый лист осины,
Танцем манит он сережку.
Счастье - яркий куст рябины,
Детство он вернет немножко.

Счастье - тихий голос мамы,
Счастье - выросшие дети.
Счастье то, что ты упрямо
Делишь всё со мной на свете.

Может большего не надо?!
Даже если мир расколот,
Есть одна на всех награда -
Обь, Югра и славный город!
Есть бесценная награда -
Обь, Югра, и славный город!!!

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА

МАСШТАБИРОВАНИЕ

Друзья встретились после выходных в зале с тренажерами.

- Кто в этот раз? – спросил конктин Бернёв и ударил друга Ллодина по плечу.
- Не поверишь, три раза только придётся в минус яму лезть!
- А маскировка долгая?
- Нет. Общение только необычно растянуто: триста доз-оборотов.
- Почему?
- Придётся неподвижный объект изображать: местные слишком слабы и подвижны. Долго до вывода наблюдать придётся.
- Что ж, «Конктины –

И закончили вместе с другом:

- ... выравнители и познаватели. Работа такая!»

Корабль исследователей отправится в путь нескоро. Сначала будет подготовка и проработка образов, удобных для наблюдения.

Если бы люди смогли увидеть Бернёва и Ллодина (их имена так слышны в нашем диапазоне звуков) без маскировки, то поразила бы схожесть их «рук» с булыжниками на силиконовых связках, а «головы» показались бы мелко искрящими чайниками. Но, в целом, очертания фигур походили на человеческие.

Контакт состоялся позже на несколько веков. На пришельцах было подобие деловых костюмов, принятых у дипломатов. Различия иногалактиане замаскировали до «лучших времён». Человечество должно привыкнуть к разным проявлениям разума.

Эффект масштабности выявили случайно. Исследователи космоса обнаружили, что переход из галактики (потом дали ей имя «Ноль масштабности») в домашнюю навсегда изменил их. Они стали меньше себя самих почти в три раза! Переход обозначили и закрыли на космических лонциях, начался поиск подобных феноменов. Эпоха открытий длилась сотни поколений. Сейчас в запасе было около десяти «ям» с эффектом в обе стороны «масштабной линейки». Оценить «Эффект масштабирования» смогли только после контакта с Галактикой минус пятидесятого масштаба. Разумные там были меньше разумных представителей вида Бернёва и Ллодина раз в 50. Первые контактёры-добровольцы в тройной минус переход проходили 15 раз. Но контакт близких по разуму состоялся соизмеримыми по размерам партнёрами.

Бернёв и Ллодин не рассуждали: «риск оправдан или нет?» Разумным свойственно любопытство и стремление к новому. Только бы не разрушить! Найти понимание! Создать взаимную заинтересованность. А то, что мы – разные и по виду, и по мышлению, и по масштабам – так интересней. Жить интересней.

СОБАКА

Её звали Злата. Породистый боксёр. Брыла. Слюни. Родословная. Всё, как и должно быть у приличной собаки. Кроме хозяев. Гулял с ней парнишка школьник, ученик младших классов. Выгуливала собака его очень резво. Побегает вокруг дома, по микрорайону, потом выходит хозяин и заводит гуляющих домой. Иногда с собакой гуляла вся семья. Хозяин, хозяйка, уже упомянутый сынок и девочка трёх лет. Папа всегда шёл, объявляя своим видом: «Я предупреждал, что связываться с этой псиной не стоит». Мама смотрела на своё семейство, улыбалась и периодически пыталась объяснить собаке команды типа «апорт», «барьер», «рядом». А собака была счастлива. Её семья, её стая вышла в мир.

Говорят, что если собака родилась в марте, то она может лечить тех, кто рядом с ней. Знала ли собака об этом? Маловероятно. Но сынок становится спортивнее, мама веселее, папа трезвее – когда гуляешь с собакой, нет времени посидеть с друзьями. А у маленькой дочки перестали болеть ушки и куда-то сбегала аллергия. Ушки заболели у собаки, но у боксёров после «купирования» ушей такое случается. В холода собаке одевали курточку, а под ней кожа травмируется. Всё объяснимо!

Всё можно объяснить, кроме любви, искренней и не требующей ничего взамен. Если собака оставалась дома одна, то подкоп под входную дверь каждый раз продолжал увеличиваться. Если хозяева сбежали в гости от годового стола, то выбитая дверь в зал гарантировала собаке отравление. Любопытство у собаки тоже присутствовало.

И что делать с этими хозяевами, которые совершенно не приспособлены к приличной собаке? Ни тебе удобного закуточка, где можно спрятать косточку, ни тебе воспитанных детей, быстро убирающих за собой горшок...

Но бывало весело: однажды дочка бросила бутылку с каким-то маслом, прыгнула на ней пару раз, бутылка треснула, и бегать по маслу, а потом по всей квартире было здорово. Маленькая подружка весело что-то кричала, собака лаяла, хозяйка тоже за всеми бегала и пыталась схватить. Жаль, такое бывало редко.

Ещё собака пела. Заиграет кто-нибудь на губной гармошке, да ещё неумело. Собака пытается остановить, объясняет, как надо играть правильно, а все вокруг говорят: «Надо же, поёт!»

Где сейчас эта собака? Я знаю, но не скажу. Очень это грустно. А доброе собачье сердце заслуживает светлых воспоминаний.

ИНТЕРЕСНО

Интересно, до чего может дойти человек, привыкший идти на сделки со своей совестью?

– Завтра будут сравнивать оценки за контрольные в параллелях девятых классов, – думала Наталья Ивановна. – Чем хороши старшекласники, их скоро выпускать из школы. Они уже определились с профессией. Моя физика редко кому нужна. Поставлю я «три», а не «два» Сидорову, ничего не изменится. А Сапронова – хорошая девочка. Не буду её обижать. Пусть будет «четыре с плюсом», а не «три с плюсом». Что ж, ей всё равно физику не сдавать... Анна Павловна со своей принципиальностью замучила детей! А я не такая, я справедливая. У меня и дети – лучше.

За окном мигнул свет от фар проезжающей машины. Наталья Ивановна закрыла глаза и спокойно задремала.

Если посмотреть на Наталью Ивановну через три года и послушать о

чём она думает, покажется, что мало что изменилось: – Катенька – хорошая девочка! Какие конфеты и полотенца подарила мне её мама на восьмое марта! Завтра будут сравнивать итоги по двум параллелям седьмых классов. Надо подтянуть оценки. Ей поставлю «четыре с плюсом». Может, подправить ей работу? Да, подправлю! А какой симпатичный этот пожарник, который приходил с проверкой! Ох, не разбудить бы муженька, Сашку! Размечталась...

Наталья Ивановна поплыла в сон. На губах её застыла нежная улыбка.

Ещё через пару лет милая Наталья Ивановна начала переживать от «застоя» в оплате её работы:

– Годы идут, у меня результаты всегда лучше, дети интереснее, а завуч как была стервой, так и продолжает шипеть на меня! Надо что-то делать! Ах, пожарник Коленька! Весел и внимателен всегда! А тогда...

Ну, не будем лезть к человеку в личную жизнь! Мы только совестью, незамутнённой переживаниями всякими, муками так называемыми, интересовались.

Ещё через пару лет нашу героиню колотило мелкой дрожью от мыслей:

– Завтра идти в семнадцатую школу. Кто будет со мной во время ЕГЭ дежурить? Если Инна Петровна, то всё в порядке. Мы своих детей не бросим. У наших будут лучшие результаты в городе.

И громко сказала:

– Николай! Я устала, не приставай. Всё будет завтра. Ладно, дорогой?

Смею заметить, что эта история с реальными людьми не связана никоим образом. Это, всего лишь, досужие размышления автора. Всего доброго, дорогой читатель.

Зарубежные участники Азербайджан





Барис Елчиев



Саида Мусаева



Фахраддин
Мейданлы

ВАРИС ЕЛЧИЕВ

СНЕЖНЫЕ ЛАВИНЫ НА ЮГЕ

Из дневника

Я люблю смотреть, как снежинки играют в воздухе. В тихую безветренную погоду они медленно, словно качаясь, спускаются с неба и ложатся на землю. Снежинки, которые падают в начале снегопада остаются внизу, те, что падают по прекращении снегопада, ложатся сверху, а остальные прячутся в середине.

Они напоминают мне людей: нижний слой, где не совсем комфортно, ассоциируется в моем понимании с престарелыми людьми, следующий – с людьми среднего возраста, дальше – с молодежью, а верхний слой, где комфортно, ассоциируется с детьми.

Давно мне не приходилось увидеть русский снег. Это какое-то изумительное зрелище. У нас на юге снег бывает обыкновенного белого цвета, а в России он не просто белый, а как бы с блеском.

Эту зиму мне посчастливилось вдоволь походить по скрипучему снегу в Ессентуках. В санатории «Нива», где я отдыхал за счет моего дяди Рахмана Ордуханова – преподавателя Бакинского университетского, не упустил возможности насладиться игрой в снежки с местными медсестрами, и еще тем, что подставлял свое лицо под падающие снежинки, от чего получал неопишное удовольствие.

Дядя уже сколько лет подряд ездит в Ессентуки со своим коллегой Джалал-муаллимом, чтобы подлечить свой хронический панкреатит. Но в связи с женитьбой сына Джалал-муаллим в этот раз не смог поехать, и поэтому сопровождать дядю пришлось мне. Когда дядя попросил меня о том, чтобы составить ему компанию, скажу честно, сперва меня это не обрадовало. Подумал, наверное, мне будет скучно с ним, я не смогу расслабиться в его присутствии из-за разницы в возрасте. К тому же у меня своих дел было уйма. Но отказывать было неудобно, и мне пришлось согласиться. Все же уважаемый родственник в кои-то веки просит меня сделать одолжение.

Если не соглашусь, то он везде будет говорить об этом.

Мы приехали и едва расположились, как я начал выражать недовольство, мол, в прошлом году мой друг Вусал приезжал со своей семьей в санаторий «Россия». Там намного лучше. Он очень расхваливал. А отец другого моего приятеля Эльшана каждый год отдыхает в санатории «Исток». Тоже классная лечебница. А ты меня куда привез? Это не санаторий, а черт знает что.

Я все жаловался, то на невкусное диетическое питание в местной столовой, то на отдаленность источника минеральной воды и грязевой лечебницы «Тамбукан», то на старший возраст пациентов, то на серую дискотеку. Он же, в свою очередь, не придавал значения на мой ропот и аккуратно выполнял все предписания врача. А в свободное время параллельно читал книги, которые привез с собой. Это «Маньчжурские правители Китая» В. Сидихменова и «Жизнь двенадцати цезарей» Светония. Читал и дремал.

А я прогуливался по парку, сидел на Интернете, ходил в торговый центр, наблюдал за людьми на центральной площади и на вокзале, посещал кафе и рестораны (в одном только грузинском ресторане «Не горюй!» побывал 10 раз). У скульптуры «Орел» в костюме джигита фотографировался, если не соврать, тоже раз 10. Неоднократно ходил к композиции «Нулевой километр любви», по которой водил ладонью, загадывая желания о любви.

А сколько беседовал с Володей – продавцом дисков у галереи минеральных вод о покойном Владимире Высоцком.

В один из вечеров, когда мы отправлялись в столовую, чтобы поужинать, дядя сказал, что здесь отдыхает офицер в отставке из Калуги по имени Прохор. Я буду сидеть с ним, так что извини.

Я спросил, почему?

Дядя ответил: - Во время 1-ой Карабахской войны этот человек в составе армянской армии воевал против наших. Я два дня пытаюсь объяснить ему, что он поступил неправильно, но не могу. Он усердно твердит, что армяне, во-первых, это наши братья по вере, то есть христиане, а во-вторых, Армения – союзник России. Если я помог им, то поступил правильно.

Я прекрасно знал, что мой дядя не является националистом. Он ни разу не принимал участия в митингах, когда началось национально-освободительное движение. Но, как он сказал, это никакой не национализм, а просто желание восстановить справедливость.

Я сидел за нашим столом №21. Свою порцию свекольного салата и омлета щедро предоставил своим сотрапезникам – тете Насте с дядей Кузьмой, а сам, наворачивая макароны с котлетой, одновременно следил за столом №16, за которым сидели мой дядя с тем самым Прохором – здоровым плотным мужиком.

Вечером после прогулки на Театральной площади зашел в ресторан «Театрал», где выпил 2 кружки пива, слушая джаз. На пути в санаторий я наслаждался мелкими снежинками, тихо падающими с неба. Когда зашел в

комнату, дядя Рахман сидел в кровати и недовольный стучал по телефону. «Ты почему телефон ломаешь?», спросил я его. «Интернет-дрянь то появляется, то пропадает», - ответил он.

Я спросил, чем кончился их разговор с Прохором. Не отрывая взгляда от телефона, он ответил:

- Я старался объяснить этому мужику, что в течение долгих лет мы с вами и с армянами, а также еще с 12-ю другими народами жили под одним знаменем. Мы все вместе составляли советский народ. Вторая Мировая война закончилась победой благодаря Бакинской нефти. Азербайджан, в отличие от других республик, ни у кого на шее не сидел и никогда не просил дотаций у Союзного Правительства. Вы – русские были нам, а также другим 14-ти республикам старшим братом. Сейчас проявить пристрастие и защищать армян – это значит подставить нас. Нехорошо так поступать. Наше дело правое. Я ему сказал: Какое отношение к армянам имеет Карабах, тогда как слова «кара» и «бах» чисто тюркские и переводятся как «Черный сад»? Но он никак не хотел понимать. Сказал, якобы есть такие вещи, которые нас сближают и роднят с армянами.

Я, вздохнув, сказал дяде: «Ты после этого не подходи к этому Прохору». Но он не дал мне договорить:

- Знаешь, тут есть одна деталь, которую я хочу уточнить. Мне сердце подсказывает, что так оно и есть.

Дядя меня заинтриговал. «Что ты имеешь в виду?» - спросил я и подсел к нему.

Он оторвал свой взгляд от телефона и направил на меня:

- Прохор как-то сказал такую вещь. У них в роду все военные. Его прадед в Первую Мировую был отличником кавалерии, дед во Вторую был удостоен медали «За отвагу». А отец в Афганистане был командиром взвода. Он рассказал об их воинском пути. И выяснилось, что его дед Петр погиб в боях за Керчь в 1942 году. Когда пришла похоронка, его боевой товарищ сказал бабушке, что взвод, в котором сражался Петр, попал в засаду, и их истребил 809-ый пехотный батальон. Правда, фамилия командира немецкая – Беккер. Но, если память мне не изменяет, с 808-го по 818-ый батальоны, это были армянские легионы, воюющие на стороне немецких фашистов.

Чаяние и уверенность... Когда ты теряешься в сомнениях, то опираешься на первое, если же чувствуешь в себе решительность, то примыкаешь ко второму. А чаще находишься между первым и вторым состоянием, то есть на перепутье.

Всю ночь так и не появился Интернет. Какое-то время я прослушал песни Владимира Высоцкого, которые записал на память моего мобильного Володя:

- Ах, война, что ж ты сделала, подлая.

Стали тихими наши дворы.

Наши мальчики головы подняли –

Повзрослели они до поры...

Мой дядя все то время, пока я ни заснул, сидел в кровати с телефоном в руке. Человек, который не привык нарушать режим сна, не сомкнул глаз. А когда утром я проснулся, он с завернутым полотенцем под мышкой спешил на грязевую процедуру. А мне поручил: «Племянничек, Интернета все нет, ты проверяй часто, как он появится, выбей на Google «809-ый пехотный батальон» и посмотри, не ошибаюсь ли я».

Старик ушел, а я умылся и нехотя спустился в столовую на завтрак.

Свою кашу и омлет я опять отдал своим сотрапезникам, а сам без аппетита начал есть яйца вкрутую. После направился по повседневному маршруту – в водную галерею в центре города.

Для питья минералки отдыхающие здесь покупают специальные кружки с носиком. Но я не люблю занимать руки и поэтому каждый раз пользуюсь одноразовым стаканом.

Дядя всегда заставляет меня пить воду из источника №4, но я делаю по-своему и в этот раз выпил теплой воды из источника №17.

Я вышел оттуда и по привычке поздоровался с фотографией на рекламном щите фотоателье, с которого смотрел на меня приветливое лицо моего земляка Бахрама Багирзаде – члена команды КВН «Парни из Баку» - чемпиона века.

У галереи шла бойкая торговля. Что только ни предлагали? И шерстяные шапки-ушанки, и всякие сувениры, и матрешки, а также мед и соленья. Все звали клиентов, но громче были слышны голоса продавцов билетов на концерт, в театр, на вечер танцев, а также на экскурсионные туры.

И вдруг мне послышался слово «Керчь». Когда обернулся, то увидел, что двое пожилых людей – мужчина и женщина беседуют между собой. Будто они догадались, что накануне мой дядя с Прохором говорили как раз об этом самом городе.

Мужчина пытался возражать своей собеседнице: «Ведь Керчь в Крыму, климат там мягкий, редко идет снег». Но она стояла на своем: «В тот год именно стояли сильные морозы. С горы Митридат шла снежная лавина. Нам всем грозила опасность».

Я сразу вспомнил о поручении дяди, быстро нажал на кнопку телефона и попытался войти в Интернет. Уголок «Сафари» засветил разноцветные шрифты «Google». Пробил в поиске слова «809-ый пехотный батальон». Когда вышла запись «Армянский легион», я, взволнованный, поспешил к старику на Тамбуканские ванны.

Мой родственник лежал на кушетке и утомленный теплой целебной грязью, нанесенной ему на тело, рассказывал медсестре средних лет свои армейские воспоминания. О том, как в 1976 году служил в стройбате в Калужской области, как влюбился в краснощекую девушку Машу, когда собирали овощи в колхозе, как частенько убегал на самоволку, чтобы встретиться с ней...

Дядя рассказывал, а медсестра с интересом слушала его...

Люди пожилые, и в самом деле, больше живут воспоминаниями. Я бы сказал даже, что воспоминания в их жизни это как костыли, на которые они опираются.

...Когда я сообщил ему о том, что нашел в инете сведения об армянском легионе, старик вскочил с места, да с такой ловкостью, что медсестра аж испугалась и вскрикнула. Я затрудняюсь описать, с какой скоростью он принял душ, оделся и вышел из кабины, а потом вырвал телефон из моих рук и принялся с жадностью зачитывать материал. Вскоре мы были уже в санатории. Дядя Рахман спросил у соседей по комнате, где сейчас может быть Прохор. Затем он отправился в минводгалерею в центре парка и нашел там своего русского приятеля.

Первым делом дядя спросил его: - «Самый главный человек в твоей жизни, у которого всегда брал пример, это твой дед. Правильно я понял?» «Да» - сразу ответил Прохор. Дядя начал неспеша рассказывать:

- Накануне Сталинградской битвы в 1942 году Гитлер распорядился о создании легионов из нерусского населения Советского Союза с целью, чтобы добиться раскола в рядах Советской Армии. В результате образовалось несколько легионов: татарский, грузинский, азербайджанский, армянский, украинский, белорусский... Однако лишь один из них, а именно, армянский добился успехов и служил фашистам до последнего. И твоего любимого деда вместе с его боевыми товарищами убили палачи из 809-го батальона, который входил в состав этого легиона. Официально он назывался так: «809-ый пехотный батальон армянского легиона Вермахта».

« - Этого не может быть», - возразил Прохор, но дядя представил его взору экран мобильного. У его русского приятеля руки сжались в кулак, он стал кусать себе губы. А дядя Рахман продолжал свой рассказ:

- В мае 1942-го года на территории Польши в лагере близ города Радом был сформирован 1-ый армянский стрелковый батальон. Солдаты этого батальона, который именовался как «Вартан Зоравар», то есть Полководец Вартан, носили прозвище «Вартананк». 20 июня на церемонии на Пулавской городской площади, где присутствовали также представители фашистского командования, армянские легионеры приняли военную присягу. Приняв стойку смиренно и приставив к виску указательный и средний пальцы, они отдавали честь, при этом произносили слова: «Я клянусь перед Богом и Адольфом Гитлером, что до последней капли крови буду преданным Немецкому государству, буду бороться против большевиков и империалистов и за дело национал-социализма». На флагштоке во время присяги рядом с немецко-фашистским знаменем развевался также и трехцветный флаг Армении.

- Эти сведения, случайно, не из ваших азербайджанских источников? - спросил Прохор, не долго думая. В качестве доказательства дядя показал снимок Интернет-страницы и сказал: «Нет, это из книги «Из истории ар

мянского легиона», автором которого является армянский историк Эдуард Абрамян».

На лице русского мужчины выражались гнев и, в то же время, досада. У него внутри смешались эти два чувства. А сам все повторял: «Почему же они так поступили?»

Мой дядя тем временем продолжал перечислять факты:

- 809-ый батальон, который лишил твоего деда жизни, также был сформирован в Польше в 1942-ом году и сразу же отправлен на переднюю линию и принимал участие в боях за Северный Кавказ: Нальчик, Моздок, Кубань, наконец, Крым – Керчь... Затем прошел боевой путь в Украине и Польше. В 1944 году армяне были переброшены в Бельгию и Нидерланды. Рейхстаг поручил им также оборону Атлантического вала с целью, чтобы препятствовать вторжению в континент англо-американо-французских союзников. Последние объединились, чтобы открыть второй фронт против фашистов. Армянские солдаты 809-го батальона проявляли в боях большое усердие и не скрывали своей преданности фашистам. За нанесение беспощадного и предательского удара Советской Армии на Кубани многие из них были удостоены памятного значка «Кубанский щит». А за успех в бою, который завершился гибелью твоего деда, генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст объявил батальону Благодарность. Бойцы были награждены Железным Крестом и Восточной медалью. Что же касается дальнейшей судьбы батальона, то известно, что он был разгромлен союзниками во время штурма под названием «Оверлорд» в боях, которые шли в Нормандии в августе 1944-го года.

Я не помню, сколько сигарет выкурил Прохор за это время, но сам признался, что все его лечение ушло коту под хвост.

Я был поражен отличной памятью своего дяди. Он с удивительной точностью описывал униформу армянских легионеров, сопоставляя с формой фашистских солдат, а также называл марки оружия, из которых они стреляли. (Оказывается, армяне носили обмундирование Германской армии старого образца 1939-го года. Знаки различия легионеров включали серые петлицы с серебряным галуном, погоны из сукна темно-зеленого цвета, кокарды в виде овала. Нарукавной знак легиона был разработан на основе армянского трехцветного флага и с вышивкой ARMENIAN).

Перед моими глазами словно оживала сцена из многочисленных кинофильмов про войну. Я представлял себе, как вооруженные и обмундированные по этому образцу армянские солдаты полчищем идут на наших родных Советских воинов.

Прохор скомкал и выбросил опустевший коробок из-под сигарет и попросил папироску у прохожего молодого человека.

В этот момент мне вспомнилось выражение «Табак, усыпляя горе, отправляет нас».

Дядя же мой не умолкал:

- Во время Второй Мировой войны армяне против советской армии воевали на переднем фронте в составе 11-ти батальонов, общая численность личного состава которых насчитывала 20 тысяч солдат. Кроме того, еще десятки тысяч армянских солдат служило фашистской армии в составе 22-х батальонов: строительном, железнодорожном, автотранспортном, связи, хозяйственном. Командовали этим легионом люди, отличающиеся особой жестокостью, такие, как Гарегин Нжде, Драстамат Канаян. Но это еще не все. Борьба живших в СССР армян против Советской Армии не ограничивалась только лишь участием их в армянском легионе. Сотни хаев, живших в Германии, а также в Европе, воевали в фашистской армии. В ее рядах даже были известные командиры в лице эсесовца Штандартенфюрера Вартана Саакяна, группенфюрера Размика Назаряна, капитана Мисака Торлакяна и других.

Возмущенный Прохор словно сам себя спрашивал:

- А почему мы – русские ничего не знаем обо всем этом, или те, кому известно это, не придают значения?

« - Я не могу понять, почему вы – русские не придаете этому значения и до сих пор проявляете симпатию к армянам. Хаи же вместо того, чтобы скрывать эти факты, еще гордятся ими. А у их президента Сержа Саркисяна еще хватило «смелости» взамен своих услуг просить у Ангелы Меркель – Германского канцлера поддержку в решении Карабахского конфликта», - сказал дядя, не скрывая иронии.

Дядя Рахман еще крепче укутался в пальто, шапку свою напялил до бровей, еще плотнее обмотал шарф вокруг шеи. Он понимал, что стоять в таком холоде после теплой грязевой процедуры может навредить его здоровью. Это понимал и я, но он был очень упрямым человеком, который если не выльет все, что накипело у него, то не успокоится.

Снова пошел снег, хотя с утра осадков не было. От рассказов дяди я, правда, расстроился не на шутку, но зрелище от снегопада было для меня словно бальзам на душу.

Потом мой родственник начал рассказывать о Драстамате Канаяне по прозвищу Дро. Вы только подумайте, в Баку в 1905 году от его рук в результате террора погиб генерал-губернатор царской России Накашидзе. В этом же городе во время армяно-азербайджанской резни он истребил сотни моих сограждан. Затем переправился в Турцию в 1907 году, маскируясь коммерсантом, где вооружал местных армян и убивал десятки турков в Баязите. А в 40-е годы вместе с фашистами лишил жизни тысячи советских людей, большую часть которых составляли русские. И самое удивительное: преступления этого человека, который умер в Бостоне в 1956 году, независимая Армения простила, более того, она объявила его национальным героем. Руководство страны привезло его останки в Армению и похоронила на кладбище Баш Апаран, рядом с комплексом «Герои войны».

Я тоже невольно вступил в беседу. «Потери в Советской Армии в Вели-

кую Отечественную войну были 17 миллионов человек, 17 миллионов», - сказал я с досадой.

Следующие 2 дня Прохора я не видел. Дядя же слег с высокой температурой. Были уже последние дни нашего пребывания в Ессентуках, и я решил, пользуясь моментом, поехать в Кисловодск. Прошелся по городу, посетил картинную галерею, посидел в ресторане «Храм воздуха», заглянул на ярмарку в городском парке, где купил карачаевские чулки для бабушки и шаль для мамы и, конечно же, взял банку тибердского горного меда.

Так завершились наши дни отдыха, и мы собрались покинуть самый уютный и простой, в то же время, самый полезный курортный город на земле.

В последний день я по-дружески попрощался со всеми, особенно с медсестрами, пригласил всех на мою солнечную родину. Дядя чувствовал себя неважно. Из-за простуды в последние дни лечение его назвать успешным было трудно. Но морально он был бодр. Это было видно по его лицу.

Я поправил железное ведро на голове снеговика, которого слепили у санатория, затолкнул глубже нос из морковки и снял селфи с ним.

Дядя Рахман ждал такси, которое мы заказали, а я за это время наслаждался снегом. Взял с земли горсть осадков и полюбовался его сверкающей белизной.

Вы знаете, что снежинки имеют шестигранную форму? Так же, как звезды Давида. Один мой друг-еврей даже сказал как-то в шутку, что снег служит сионизму.

Я старался разглядеть все ее грани. Но у меня не получилось. Слишком мелки они-снежинки.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что могло бы произойти, если бы человек мог бы видеть каждую мелочь. Тогда раскрылись бы все тайны мира. В мозг поступало бы гораздо больше информации, и от перегруженности он у человека мог бы просто-напросто вырубиться...

Когда мы собрались сесть в машину, я увидел, как бежит к нам Прохор, но это меня не удивило. Едва отдышавшись, он спросил: «На данный момент у вас перемирие, да?»

- Да, - ответил дядя.

Прохор, вздохнув, протянул какую-то бумагу: « - Это мой номер телефона. Если начнется война, ты дай мне знать. Я приеду искупить свою вину!»

Наш такси шел по гололеду. Я обернулся и на прощание посмотрел на белое как снег здание санатория, который так радушно приютил нас в течение 14 дней.

Оно становилось все меньше и меньше, наконец, и вовсе исчезло из виду.

Откуда-то доносился знакомый хриплый голос, удивительно прекрасное пение:

- Ах, война, что ж ты подлая сделала.

Вместо свадеб – разлуки и дым.

Наши девочки платица белые

Раздарили сестренкам своим.

Вдруг я вздрогнул. Слово меня завалило снежными лавинами...

САИДА МУСАЕВА

Я песню спеть хочу, мой милый,
Чтобы молчанье расколоть,
Прильнув к тебе в ночи, мой милый,
Да сохранит тебя Господь!
Хочу тебя лелеять, милый,
В шелк ласки, облекая плоть,
Чтоб стало нам теплее, милый,
Да сохранит тебя Господь!
Хочу тебе внимать, мой милый,
Единственному слову хоть!
Нет нужды пояснять, мой милый,
Да осенит тебя Господь!
Не тенью, не смятеньем, милый,-
Хочу я стать сияньем глаз,
Твоим сердцебиеньем, милый,
Господь да не разлучит нас!

НОЧЬ

Во мраке ночи, усталость глуша,
Под бременем дня опускаются веки.
Укутавшись тьмой, замирает душа,
В дремоте смыкаются очи.

Над телом, уставшим как в танце кружа,
В хоровод собираются силы,
И грезы как ангелы в небе паря,
В венец собирают все думы.

И в этой ночи уходящего дня,
Нам ангелы тушат все свечи,
Чтоб в час пробужденья грядущего дня,
Вернуть отдохнувшие силы!

СЧАСТЬЕ

Мой взор так радостно искрится
И от волнения душа,
Готова в жизнь опять влюбиться
И жить с любовью не спеша.

И счастьем сердце вдохновится
Душа проснется от-то сна,
Глава блаженно закружится
Как от янтарного вина.

Родник желаний снова биться
Из недр грез или страстей,
В реку мечтаний устремится
Мой помысел – король речей,

Мечтам не дам я усыпиться,
Пусть радости горит свеча,
Желаю чувствам сохраниться
На долгие мои года!

Блещет солнце, ярко блещет,
Блещет серебром луна,
Блещет золотом колечко,
Блещет бликами волна.
Блещут гладью пруд и речка,
Блещут юные снега,
Огоньком блистает свечка
И роса на лепестках.
Блещет звездочка на небе,
Молнией блеснёт гроза...
Но прекрасней всех на свете
Блещут радостью глаза!

ФАХРАДДИН МЕЙДАНЛЫ

С ПРИБЛИЖЕНИЕМ ВЕСНЫ

Когда весна близится
Влюблённые сливаются,
Клокочут реки горные,
Сердца объединяются.

Когда весна близится
Любви аромат пьянит,
Пестрят поля, цветут луга,
Головка ландыша дрожит.

Когда весна близится
Деревья зеленеют в миг,
Доносятся слова любви,
И слышен птичий крик.

Когда весна близится,
Уносятся печали прочь,
В глазах особый смысл и блеск,
И кажется короткой ночь.

Когда весна близится,
Мерцают звёзды с трепетом,
Трель соловьиная слышна,
Зовёт природа шёпотом.

Не налюбуюсь я тобой,
Весна, цветок души моей,
Дай руки, вместе их сплетём,
Светильник пламени огней!

ЛЮБОВЬ

С чашею весов схожа любовь,
Одна чаша твоя, другая - моя,
Расстроилось всё, нарушен баланс,
Одна чаша полна, другая - твоя.

Любовь – пламени жгучий огонь,
В душе рождающая сильную страсть,
Любовь- это сила, крушение, мощь,
Болезни душевной особая власть.

Любовь – не мода, обычай, обряд,
Любовь – это сердце, души естество,
Любовь – часть неба, светило, звезда,
Любовь – единенье, дар Божества!

У КАЖДОГО, ГОВОРЯТ...

У каждого, говорят, своя звезда,
А ты - звезда в моём светиле,
С тобою и зимой весна,
Вселяешь дух, давая силы.

По листопаду медленно ступаю,
Ветви голые плачут росой,
Белым цветом глядит алыча,
Дух вселяешь зимой и весной.

Белеют издали гор седых вершины,
Схож с белизной их любимой лик,
И этот зимний сад цветущий
Зелёный вихрь в душе поднял на миг.

ЭТО - ОТЕЦ МОЙ

Все драгоценности, сокровища мира,
Доблесть, богатство, слава великая,
Это - отец мой, возрадивший меня,
Заслуга родителя – неоценимая.

Дитя без отца - птица без крыльев,
Он тепло подарил, вдохнул в меня жизнь,
Каждый мой шаг, благородство моё,
Отца моего торжествующий гимн.

В горе и радости, рядом шагая,
Поучает, журит и хвалит порой.
Поддержит тебя и словом, и делом,
Все богатства земли - отец мой родной.

Любви в нём – море, души – океан,
Он мой единственный чистый родник,
Достоинством предан корням он своим,
К Родине чувствами, сердцем проник.

Тысячами нитей я связан с отцом,
Ношу его в сердце, благословляю,
Лишь потому на земле я живу,
Что рядом с отцом по жизни шагаю.

АХ, МАМА...

От рожденья обо мне с заботой,
От всех печалей и невзгод хранила,
Старалась утешать, когда мне плохо,
Непослушного, порой, слегка бранила.

Дала мне жизнь и первые шаги,
Растила бережно, тепло своё вложив,
Цветы прижав к груди, провожала молча,
Вдали от Родины я уезжал служить.

Сердце нежное, твой ласковый взгляд ,
Во мне неделимо будут жить всегда,
Мама, без тебя и цветы не цветут,
Не раскрывается, увы, душа лепестка.

Памятью о тебе живу я каждый миг,
Ты - Солнца луч, светящийся всё ярче,
В день тысяч раз я «мама» говорю,
Она пожелала мне навек удачи!

БАКУ

В наряд красивый, разодетый,
Стоит Баку родной, богатый,
В цветочных клумбах утопает,
От сказки этой всякий тает.

Нет горожан милей, добрее,
Счастливей, ласковей, нежнее
Какая чудная эпоха,
Прекраснейшая в жизни века!

Фонтаны в белом одеянии,
Деревья в трепетном волнении,
Цвети, расти родной мой город,
Твой каждый вздох мне мил и дорог.

Беларусь





АЛЕКСАНДР РАТКЕВИЧ

ВРЕМЯ

В который раз я совершаю круг,
как будто часовая стрелка
по циферблату радости и мук,
в одно мгновение сталкиваясь вдруг
с минутной, что шагает мелко.

И вздрог в мою врывается судьбу,
как кто-то яд в неё вливает,
как кто-то совершает ворожбу
над нею, не взирая на табу,
и цифры медленно срывает.

Неужто небо звёздное милей
земных тюльпанов и лилей?
Оно ли в черноглазой тишине
диктует эти строки мне?
И стоит ли всю жизнь и весь покой
отдать в залог за звёздный рой?..

И если так, то для чего сознание
моё не ищет в мирозданье
тот уголок, который, словно лоно,
вдали от смерти неуклонной
укрыл бы, нет, упрягал в колыбели
моё сознание? Неужели

не дорога моим глазам печаль
степных дорог, лесных тропинок,
озёр предутренних цветная шаль
и вихрей вольных поединок?
И что ж, мне очень будет жаль
себя упрягивать в суглинок?..
Я весь предощущением объят,
что жизнь и смерть – сестра и брат,
что нет небес, земли и вдохновенья,
а есть потоки дуновенья
цветов и звёзд, когда мой взгляд
преобразился в листопад.

Смерть не бывает наудачу.
Но и тогда, с землёй сроднясь,
поверь, я всё же не утрачу
с тобой таинственную связь.

Я не забуду сквозь потёмки
и сквозь небес жемчужных тишь
в твоей явиться комнатёнке,
в которой ты спокойно спишь.

Неощутимо, осторожно
проникну в твой глубокий сон,
чтоб с этой ночи непреложно
был на двоих единым он.

И уходя, но лишь на время,
в подземный мир в последний раз,
я унесу с собою бремя
разлуки, разделившей нас.

Порой мне кажется, что я тебя люблю,
и чую: мгла в лицо мне веет,
и ночь становится подобна фитилю,
что не горит, а только тлеет.

Но воск слезою не стекает на ладонь

и каплей не звенит горячей,
чтоб линию любви бесчувствию вдогонь
обжечь симпатией незрячей.

И пламя прячется меж пальцев, как фантом,
и, как змея со жгучим ядом,
сползает медленно к артерии, потом
в неё вонзаясь медным взглядом.

Но боли нет как нет. По телу брызжет ночь;
и серо-пепельная дрёма
сквозь искры памяти пытается помочь
мне избежать любви синдрома.

А мгла по-прежнему спокойна и чиста,
не разгорается, не тлеет,
и, словно с белого холодного листа,
в моё лицо молчаньем веет.

Дымчатое утро в конце сентября.
Вышел ли я из дому этой порой?
Что там на дороге валяется зря:
камни, листья или вчерашнего рой?

Было ли вчерашнее в дымке цветов,
в колокольном звоне нектара полей,
в этом мельтешении в поиске слов
пчёл неумолкаемых жизни моей?

Это не моё: и не я, и не ты.
Стелется на травы янтарный дымок.
Плачет паутина, смеются цветы,
что сентябрь зелёный до нитки промок.

Но не промокают вчерашние дни
ни в моих ладонях, в которых несу
для тебя, цветущей, метафор огни,
ни под той грозой, что дымится в лесу.

И не умолкает в медовом дыму
голос сладкозвонный непрожитых дней:
ты всегда спешил неизвестно к кому,
а ведь надо было спешить к ней.

НАТЮРМОРТ С ...

Сентябрьские сливы сочны и красивы,
и яблоч рубиновых свеж аромат,
и дыня почти позолочена, над
которой свисают, смешны и спесивы,
зелёною вазой вполне овладев,
пион с георгином; на скатерти белой
арбуз – чуть надрезан, заманчиво спелый,
и карие косточки, явно зардев,
слегка смущены бесполезностью полной;
рябинная гроздь у подножия вазы:
зелёное с красным – печальный мотив,
который, однако, не делает больно,
как делают это колючие фразы,
когда разговор наш – эмоций прилив;
и странны прожилки, что светятся вновь,
берёзовых листьев – в окошко влетели,
но это не к месту, как пух на постели,
как наша с багряным налётом любовь.
Как боязно яблоки, сливы и дыня
взирают на ненависть в наших очах,
как будто мы чужды, и жизни очаг
обыденно рушит гордыня.

Творец божественный смеётся надо мной,
когда вручает осознанье,
что всё наземное сотрёт своей рукой,
забыв и страх, и состраданье;

но он заботливо ещё внушает мне,
что если я в часы досуга,
в минуты адского труда или во сне
восславлю не себя, а друга;

что если я, преодолев в себе вражду
к насмешнику среди блаженных,
ещё для недруга сочувствие найду
в бокале уст несовершенных;

то он, могучий, не взирая ни на что,
всю тварь подлунную пригубит
и, чтобы славить милосердие, за то
лишь одного меня погубит.

СЕРЕБРИСТАЯ ОСЕНЬ

Серебристая осень в глаза мои смотрит,
приглашая меня в свой хмельной хоровод,
словно я этот лист, что сорвался с осины
и о землю удариться должен вот-вот.

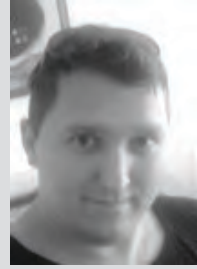
Но, следя за паденьем листвы, я подумал:
серебристая осень, не надо спешить –
мне ещё не по силам в твоём хороводе
затаённо, уверенно, вечно кружить.

Я не знаю ещё, серебристая осень,
сколько будут меня красотой исцелять
эти строгие линии ив наклонённых,
этих вод скоротечная вольная гладь.

Не насытился я светозарной грозью,
ароматом целебным былинных полей...
Но по-прежнему смотрит в глаза мои осень,
серебристая осень жизни моей.

Германия





ВИТАЛИЙ ВИНТЕР

ДЕД И ТЕРРИКОНЫ

Сегодня будет жарко. Это стало понятно уже утром, когда сквозь потрескавшиеся стекла, заклеенные неровными бумажными полосами, стал проникать в комнату сухой и пропитанный пряными запахами летней степи воздух. В голове пронеслось, что, наверняка, к обеду будет жарить похлеще, чем где-нибудь Мадриде.

Нужно было встать, хоть и не получилось нормально поспать. Всю ночь не прекращалась перестрелка. Одиночные выстрелы перекликались с короткими очередями и далекими разрывами мин. Лежишь и прислушиваешься всю ночь к какофонии ночного «перемирия». Местные же, которым мы с напарником привезли собранные в Ростове посылки и гуманитарку, беспечно храпели. Привыкли давно.

Наскоро выпив кофе, отправляемся через тихий поселок шахты 6/7 что под Горловкой на передовые позиции. Экскурсия для приезжих... И обычная жизнь для уставших от войны местных жителей.

Проехав с километр на завывающем задним мостом, попятнаном осколками, с уже замазанными шпаклевкой шрамами, узике. Быстро доехали. Остановились на тихой, запыленной и неживой улице. Дальше только пешком.

Повсюду брошенные дома с заколоченными окнами, а то и с торчащими, словно ребра, стропилами из развороченных балок крыши. Высокая трава пробилась изгрызенный, старый, асфальт, и тянулась к голубому небу.

Вчетвером, нагрузившись сумками, пошли к позициям сквозь безлюдный поселок.

Возле одного из перекрестков, словоохотливый прежде, но теперь молчаливо-сосредоточенный Леха,- загоревший до черна и худой как палка «ополчен» с лега четырнадцатого, ткнул пальцем в подобие мемориала у дороги. Пустая кассета от «урагана», с обнаженными ребрами пустых осколочных контейнеров была воткнута вертикально у самой дороги. Туда, куда и упала, а вокруг нее была насыпана маленькая горка, частью уже ржавых

осколков, самой причудливой формы. Леха поднял один, еще чистый от ржавчины, и ни к кому конкретно не обращаясь, пробубнил:

-От стодвадцатки. Свежий совсем...

Следы от этого «урагана» и прочего добра видно было на каждом доме.

-Кто памятник- то соорудил?

-Дед тут один, местный. Иваныч. Сейчас около его дома пройдем. Увидишь. Он один на всей улице живет. Кремень, а не дед.

Так и было. Дед сидел неподвижно на лавочке у своего двора, густо заросшего вишнями. Крыша в доме была заметно побита осколками.

-Добрый день.

-Утро доброе, ребята. – ответил, улыбаясь, Иваныч.

-Это вы памятник сделали на перекрестке? – пожмая его крепкую, рабочую, мозолистую руку спросил я.

-Да, я. Всем погибшим соседям и тем, кто больше не вернется сюда...

-А вы, почему не уедите?

-Я смотрю за животными. Своими и соседскими. Да вот ребятам помогаю, как могу.

-Вот как. – сказал я, не совсем понимая, как он тут один живет.

-А как по-другому? – удивленно пожал он плечами и зачем- то вытер об затертые рабочие штаны большие, рабочие руки, испятнанные синими пятнами от вьезшейся навсегда в царапины угольной пыли - А как животных бросишь?! Две козы и кошка. Курицы еще, от соседки достались.

Он перекрестился, и стало понятно, что случилось с соседкой.

-Вы тут один совсем? А семья? – спросил я его. Парни молча курили.

-Все разъехались, – дед устало махнул два раза рукой в сторону террикона, где были позиции, и еще раз на только взошедшее солнце. -Строят свою жизнь. Мне- то уже поздно. Да и незачем. Я там никого не знаю. А тут все родное.

-Здесь все же опасно. Нельзя оставаться, - сказал я – Может, вам помочь их найти?

-Они знают, где меня найти. Все хорошо. Не беспокойтесь.

Напоследок мы щедро угостили деда сигаретами, и неловко помолчав, заторопились в дорогу.

-Здоровья тебе, дед. И чтоб дети вернулись...

-Возвращайтесь, ребята...Возвращайтесь. –уже нам в спину тихо сказал де. И отчего-то наши рюкзаки внезапно стали еще тяжелее

Мы, молча и не торопясь, внимательно глядя под ноги, шли к позициям. Вдалеке показались три террикона шахты 6/7. Словно древние курганы, охраняющие покой степей. Плохо охранявшие....Даже тех, кто их создал...

Дед стоял возле заросшей травой дороги. У разбитого дома. Сам. Один. И смотрел нам вслед. Помочь ему было совершенно нечем. Только и того, что день обещал быть теплым и солнечным, - вот и все, что будет хорошего сегодня. Был пятый день сентября, и четвертый год войны.

ЧЕРНЫЙ КРЕСТ

Сегодня, я перед отъездом, проведал дядю на кладбище. Уже выезжая, вспомнил - тут же где-то похоронен друг детства Вася. Тезка дяди. Остановился возле самого выезда, у старого еще кладбища, хотел развернуться, да понял...

Где могилу искать?! Тут за последние годы столько новых появилось. Война кругом. Не найдешь. Ищи - не ищи... А сходить и найти его хотелось бы. Помянуть. Обычный парень был. Вечно веселый. Как и все мы с поселка - обожженные солнцем, и выросшие на краю степи возле террикона под бескрайними голубыми небесами.

Вышел из машины. Закурил.

Утреннее солнце еще не успело нагреть воздух. Пахло терпкой полынью, и свежескошенной травой. Птицы щебетали в посадке напротив. Мертвая идиллия.

Много тут, на поселковском, кладбище шахтерских могил. Рабочих, простых людей. Наверное, их нужно помнить в первую очередь для себя. В нашей памяти они живут дальше. Строя дальше с нами этот странный мир.

Вася погиб зимой четырнадцатого на шахте. Взрыв метана. Шахта, как часто бывает перед закрытием, забрала еще две жизни.

С ним погиб знакомый отца. Пытался его спасти. Пенсионер уже был...

Сложись жизнь немного иначе, кто знает, может и я, лежал бы тут тоже с отцом и дедом... Жизнь странная штука.

В зарослях старого кладбища надрывно пели птицы. И сквозь заросли кустов, напротив, из высокой, почти по пояс высотой травы, виднелся покосившийся, черный крест. Краска давно с него облупилась. Все вокруг него поросло травой и высокими, старыми березами. Давно на эту могилку никто не ходит. Кто знает, может дети и родня умерли - разъехались, а может просто не знают уже где искать... Как и я тут стою. Так, лет через пятьдесят, смотришь, и твою могилу закроет трава с деревьями и некому будет убрать ее.

Плохо это или хорошо? Жизненно, наверное. Нейтрально. Все проходит, и уходит, как и жизнь, а вместе с ней и память о ней.

За дубовой посадкой просыпался поселок, а за ним стоял уже брошенный шахтный террикон в окружении рыжих копров. Раньше вся жизнь тут крутилась вокруг шахты, а сейчас словно замерла... Ничего плохого в этом нет - хорошего, впрочем, тоже. Как и сейчас, когда внуки и правнуки тех, кто построил шахту, ищут себя, работу, да и смысл жизни за тысячи километров отсюда. Ищут то, что уже давно нашли их деды и отцы..

Наверное, у каждого поколения свой смысл жизни и свой крест....

Время вышло. Сигарета дотлела и погасла.

Нужно было ехать. Дела. Отдохнуть мы все и потом сможем - на том свете. Если он есть, конечно. Хотя лучше, чтоб память о нас жила на этом. Жила и делала его лучше. Хоть чуть-чуть.

А могилку его я все - таки найду...

Казахстан





БАХЫТ РУСТЕМОВ

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА!

Казахстан – страна великих возможностей. Астана – город великих возможностей. Казахстанцы – народ с великими возможностями. Зимний месяц 1997 года. В Алматы в Министерстве, где я работал, объявили день отъезда в Акмолу. Люди начали готовиться. В основном все поехали на поезде. Несколько человек решили ехать на своем транспорте. Мы присоединились к автоколонне министерства, груженной нашими компьютерами, документами и другим техническим оборудованием.

По мере приближения к Караганде усиливались ветер и сильный мороз. Дорога вся обледенела. Разогнаться больше 40-50 км в час было невозможно, а по некоторым участкам дороги пришлось ехать со скоростью 10-20 километров в час. Чуть неуклюжее движение, и можно было оказаться в глубоком кювете. И так, я на своем стареньком жигуленке, окруженный скромным домашним скарбом выехал в город Акмолу. Скромным, потому что в Алматы мы не имели своей квартиры. До переезда в Акмолу мы прожили там около трех лет. Обзавестись своим углом не успели. Не было возможности для приобретения жилья. Как сейчас вспоминаю, оказывается, мне легче вспомнить в каком районе Алматы я не жил с семьей, чем жил.

Аналогичная жизнь началась и в Астане. Несмотря на то, что был дислоцированным. Проработал в министерстве с декабря 1997 года по июль 1998 года. Очень многие коллеги получали квартиры. В том числе и одинокие-коллеги, молодые девушки. По понятным только “мне и руководству того времени причинам” выдача квартиры мне затягивалась, несмотря на то, что уже полгода живу в Акмоле с семьей, с двумя малолетними детьми - семи и четырех лет. За полгода пришлось пожить в трех разных местах Акмолы, и сыну также приходилось столько же раз менять учебу в школах, и дочке детский садик.

В декабре 1997 и первые месяцы 1998 года жили в общежитии финансового техникума на улице Монины, ныне называется Акжайк. Вспомнили свои студенческие годы. В общежитии жили дружно и весело. Молодежь

устроивала дискотеку. А мы, что постарше, ходили друг к другу в соседние комнаты в гости. По улицам Акмолы в тот год гуляла настоящая акмолинская метель, и зима была крепкой. Честно сказать, она мне сразу понравилась. У меня было ощущение, что я уже здесь жил.

Очень быстро знакомился с местными акмолинцами. Спасибо им. По многим житейским вопросам они всегда нам давали советы. Это люди прямолинейного склада. Не умеющие быть хитромудрыми. Спокойные и основательные. Приятно было видеть как горожане и люди близлежащих сел, находящихся вокруг Акмолы, активно включились в строительство и переустройство города. На первых порах основной силой по преобразованию города было местное население. Честь и хвала им, особенно рабочей силе. В сильные морозы – это они подавали пример стойкости и умение работать при любых экстремальных условиях людям, прибывавшим из других регионов страны.

В Астане наша семья познакомилась и приобрела новых замечательных знакомых и друзей. Да и вообще порядочных и хороших людей, общение с которыми всегда приносило приятное ощущение новизны, появление второго дыхания, как у спортсменов. Это люди, работающие в разных сферах жизнедеятельности нашей родной столицы Астаны – городе великих возможностей. Например: Алтай Шарбаков, Саргул Мустафаев и Тажигуль Садуабаева, Баян Шуашева, Гульшат Серикбаева, Болат Нурмуханов и Укутай Абилкасымова, Айнура Махажанова, Серик Исаев, Абай Шайжунусов, Еркен Рахметов, Габидулла Темирбулатов, Куляш и Асылбек Калмырзаевы, Ибрагим и Хадиша Махмудовы, Найман Байтасович и Флора Ганиевна Ауририны из города Степногорска, Нуржигит и Гульмира Ахметовы, Виктория Ауририна, Болат Жусупов, Ерлан Енсебаев, Серик Джандаев, Темиргали Кудасов, Айжан и Мадина Исмаилова, Серик Амиров, Ыклас Куттыбеков и Акмарал Аппасова, Марат Нурбаев и Ферюза Гафурова, Данияр и Шолпан Ускенбаевы.

Сегодня, по прошествии десяти лет, вспоминаю все и могу дать трезвую и взвешенную оценку тому, как не легко жилось всем, местным и вновь прибывшим людям. Но, объединившись, делали общее дело на благо процветания и развития столицы. Когда мы приехали, город назывался еще Акмолой. В тот год зимой на рынке покупал мясо лошади за 100 тенге (1 кг). Прошедший период времени высвечивает впечатляющие масштабы великой стройки и позволяет быть предельно объективным перед собственной совестью и той судьбоносной эпохой, в которой доводится безоглядно работать и жить. Сначала местные акмолинцы, затем приезжающие со всех концов страны люди активно включились в строительство новой столицы. Город строится умными теоретиками и крепкими рабочими руками. Все они достойны похвалы и благодарности от сегодняшних соотечественников и будущих поколений. И тем, и другим славным строителям новой столицы можно уже сегодня поставить один общий памятник. Особую признательность заслуживают как наши инвесторы, так и зарубежные.

Нурсултан Абишевич Назарбаев сумел в кратчайшие сроки (в историче

ском формате) мобилизовать население Казахстана на новый, уникальный путь развития, сочетающий все позитивные качества социализма и капитализма. Да мало ли коллег рядом с нами, беззаветно и бескорыстно работающих во благо страны и столицы Астаны. Большинство из них достойно несут звание государственного работника и решают вместе с Президентом как нашу судьбу, так и судьбу страны.

И так, в июле 1998 года меня пригласили на должность советника министра в одно из министерств. В те годы действовал еще старый закон «О госслужбе». Тогда еще государственные служащие не подразделялись на политических, и административных. Министр имел право набирать себе команду, начиная от своего заместителя до технических работников. Новый министр предложил работу в одном из дальних регионов страны – или увольняться. Пришлось выбирать второе. В те трудные для меня и моей семьи месяцы вспомнилась песня на стихи Касыма Аманжолова, где есть такие слова:

Бермесе; бермей-а; ;ой баспана;ды,
Б;рібір тастамаймын Астанамды!

Внезапная отставка с должности советника министра и последовавшая за ней безработица еще сильнее ударила по и так не богатому семейному бюджету. Попытки трудоустроиться на государственную работу были тщетны. Здоровье пошатнулось. Но отступать было некуда. Так как и в Алматы у нас не было жилья. Пришлось заняться частным извозом, чтобы прокормить семью. За несвоевременную неуплату за жилье выгоняли с очередной арендованной квартиры. К маю 2000 года с времени приезда в столицу мы вселялись в седьмую арендованную квартиру. Сын пятиклассник поменял пять школ, дочь второклассница – две школы.

Вся моя надежда и надежда моей семьи на достойную жизнь начала трескаться по швам. Я предстал перед супругой мужем-неудачником. Так как все коллеги, прибывшие в столицу, давно получили квартиры, а некоторые продали и уехали обратно в Алматы.

В 1999 году, заняв деньги у родственников, мы с разрешения райакимата возвели маленький временный торговый павильон, чтобы хоть как-то выживать во все дорожающей Астане. Как-то в 2000 году в гости приехала наша мама. Увидев наше трудное положение, пошла в горакимат, написала заявление на строительство торговой точки, где действовал наш торговый павильон. Мама пообещала найти деньги на строительство, взяв в долг для нас у других своих детей, которые мы должны были вернуть в течение двух-трех лет. В те годы земельные участки выдавалась без проблем.

После приобретения нами этого земельного участка, мама начала собирать необходимые документы для осуществления строительства. Но не тут то было. Новый руководитель гоархитектуры, не уведомляя маму, оформленный на нее участок, решением горакимата отдает другому человеку. Чиновником от архитектуры создается прецедент: второй человек начинает

угрожать первому, чтобы тот освободил земельный участок. Вся семья была в шоке и в депрессии, так как земля и торговая точка на ней были единственным источником выживания в столице. Я в то время возил товары из рынка на своем стареньком жигуленке, в оставшееся время таксовал, так как нужно было еще вовремя платить большую плату за аренду квартиры.

Мама обращается в прокуратуру. Прокуратура своим протестом отменяет незаконно вынесенное второе решение на один и тот же участок. Здесь выясняется, что действия мамы задели самолюбие чиновника от архитектуры. За ее спиной он сказал: откуда у этой старушки деньги на строительство торговой точки? Вместе с тем он предлагает непомерно дорогой эскиз здания по тем временам, когда маме собирались сделать эскиз в два раза дешевле. Благопристойно и не совсем голодающий как мы, уважаемый в городе чинуша принимает решение: любыми методами забрать земельный участок.

Главный архитектор города организывает подачу в суд на пожилую женщину. Районный суд выносит решение в пользу горархитектуры. Горсуд отменяет решение райсуда. И эта судебная тяжба длится несколько лет. Сколько было переживаний – словами не передать. Сколько было судебных заседаний, переписок, отписок. Это несколько томов. В конечном итоге представители горархитектуры – истцы, сами же не стали являться в суд. Однако и сейчас, делают все, теперь уже чужими руками, чтобы земельный участок отдать также другим людям, но уже это будет не бесплатно, как семь лет тому назад.

Мама не хочет сдаваться. Насколько хватит ее здоровья известно только одному Всевышнему и, наверное, тем людям, которым приглянулся кусок земли размером 10х7 метров. Этот кусок земли с работающим там торговым павильоном с 1999 года по сей день является единственным источником для существования моей семьи. В семье четверо несовершеннолетних детей. Старший сын школьник вынужден устраиваться на различные работы в строительные организации, чтобы быть мне и маме помощником в пополнении бюджета семьи, чтобы не лезли в долги. Все знают: в столице все дорого и жить здесь не легко. Благо сын оказался у меня трудолюбивым. Работает после уроков, несмотря на то, что мне это не нравится. Потому что он знает, что и я по сегодняшний день в свободное от работы время работаю "таксистом". Имеющаяся иномарка часто ломается. Запчасти дорогие.

Мама сорок лет преподавала в школах. Была учительницей немецкого языка. Отличник народного образования. Мать-героиня. Также обладательница знака «Алтын Алка». Родила и воспитала 12 детей. Двое из них круглые сироты, оставшиеся в раннем детстве без родителей. Мама обращалась в различные инстанции, прося поддержки, чтобы ее оградили от несправедливости, но никем услышана не была. В последствии организатор "борец" за кусок земли чиновник уволился. Понимает ли он, сколько горя принес нашей семье? «За что? Что мы плохого сделали этому главному архитектору? Неужели у него нет других, поважнее дел, чем судиться со мной?» – временами причитала седоголовая мама. Потерянное здоровье не восстановишь. Отец и мать от переживаний, да и я сам неоднократно попадали в больницу.

Из-за организованных различных проверок и судебных тяжб этим чиновником, магазинчик был на грани разорения. Торговля упала. Долги росли. Так как брали в долг деньги под проценты у родственников и знакомых. Такую жизнь не пожелаю даже заклятому врагу. Но и в те трудные годы не теряли надежду на лучшую жизнь. Хотя и сегодня похвастаться нечем. Решили на семейном собрании из сегодняшней квартиры сделать магазин. Как говорится в народе: “Маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы”. Дети растут, а значит, и расходы на них увеличиваются. Трое учатся в школах. Поборы в школах продолжают. В последние годы из-за малолетних детей супруга не работает. Некому оставить.

И все же, несмотря ни на что, с появлением новой столицы не только у нас, но и у большинства казахстанцев появилось второе дыхание. Мне вспоминаются годы великих строек прошедшей эпохи. И у той сегодня нами критикуемой системы было немало положительных примеров. Самым главным из которых была человечность, умение понимать коллегу, соседа, ценить и поддерживать старших товарищей, отдавших свое здоровье на развитие и благополучие страны, какая бы не была политическая система в стране. Кто сомневается в том, что сегодняшняя жизнь строилась на твердом фундаменте предшествующей жизни великой империи?!

В основном новую жизнь, наитруднейшие годы становления независимого Казахстана выпали на плечи трудолюбивых, добросовестных и закаленных людей из бывшего советского Казахстана. Тем, кому сегодня за 50 лет. Сегодняшние возмужавшие олигархи и молодые государственные деятели тогда только-только учились зарабатывать насущный хлеб и пытались встать на ноги. Им судьба подарила новую страну и политическую систему под названием независимый Казахстан. Они не выросли в голой безжизненной степи, они выросли среди нас, среди новой кипучей жизни. Их взрастило старшее поколение. Их долг сегодня быть благодарным судьбе и тому обществу, которое позволило им стать известными не только в своей стране, но и далеко за ее пределами. Теперь приходит их время защищать интересы и честно служить своему народу – казахстанцам на благо процветания как внутри страны, так и за ее пределами, также защищать интересы государства, активно включившись в процесс строительства нового независимого Казахстана.

Люди, вышедшие из советской эпохи, и сегодня придерживаются тех ценностей человеческого бытия, которые вечны в этой брэнной жизни. Взаимопонимание, терпимость сегодня необходимы нашему обществу, как никогда. Ведь в народе говорят: “Всех денег не соберешь, всех женщин – не перелюбишь!” Из-за богатства и должностей некоторые люди начали терять свое человеческое лицо. Конечно же, придет время, и они поймут бессмысленность того, что они творят сегодня. Но это уже тема для другого раза.

Молдова





ЕЛЕНА ГЕШКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мария остановилась под старой липой на перекрёстке улиц. Всё такое родное и знакомое с детства! Даже в густых сумерках она отчётливо различает очертания старого сельского клуба, сельсовета, а вон там в сторонке – старая церковь... До родительского дома ей осталось пройти совсем немного – вот этой утопающей в зелени улочкой вокруг старого клуба, где не раз танцевала до утра в свои счастливые годы безоблачной юности; да вот ещё там пройти немножко берегом тихой речушки...

Мысленно она уже видит родительский дом таким, каким оставила его четыре года назад: со свежей побелкой, аккуратными голубыми окошками, всматривающийся в повседневность, весь утопающий в цветении старого сада. Мама хлопнет в ладоши и со слезами бросится навстречу, отец... улыбнётся ли отец? Поднимется ли он ей навстречу с кровати? Больно закололо в груди. Мать говорила, что отец совсем плох... ещё не так стар, но всё же жизнь сломила его. Так и не смог он, когда-то главный агроном успешного колхоза, смириться и прижиться в современном устройстве жизни.

Тяжёлые девяностые проездил с братом на бусе, снабжая московские рынки яблоками и виноградом, которыми так богата Бессарабия. Но в последней поездке они попали в страшную аварию, его брат погиб, а сам Иван Петрович долго возвращался к жизни на больничной койке. Только благодаря Богу, врачам и силе духа ему удалось выжить.

Потом немного поработал у новоиспечённого фермера, но вместо зарплаты получал только продукцию, поэтому оставил эту работу. После работал сторожем, а сейчас вот – совсем заболел.

Мама ещё не так давно работала в родной школе уборщицей, где много лет подряд проработала учителем математики.

Её брат, Валентин, ещё во время Союза уехал в Москву. Там выучился, женился. И оставил жену с двумя сыновьями – погиб в Чечне.

Сын! Какой он сейчас? Когда она уезжала за границу, он учился в шестом классе. Высокий, худощавый, с красивыми голубыми глазами и непослушными соломенными волосами. Старался выглядеть старше и серьёзней, уверял мать, что будет помогать бабушке и дедушке. Очень волновался, но ничем не выдавал своих чувств. Только шрамик над губой предательски покраснел – что всегда было признаком его душевных переживаний. Понимал, что только за рубежом мать сможет заработать на его обучение в ВУЗе. Ведь на одну зарплату учителя (а Мария пошла по маминым стопам) им не прожить. А папа бросил их, когда Сашке было всего два годика – нашёл себе молодую жену в Одессе, где работал на стройке.

Как кадры из кинофильма, вся жизнь проплыла у Марии перед глазами. И вот она снова здесь, в родном селе. Измученная перелётом, длительным ожиданием автобуса и двумя часами езды разбитой дорогой до села. Вот ещё немножко, и она будет дома. Маме сказала, что едет, только не уточняла, когда именно. Ведь отец болеет, поэтому мать не сможет выйти её встретить. А Сашке чего ходить ночью? Дойдёт сама — сумок у неё не так много: вот одна на колёсиках, ещё одна в руках и маленькая через плечо с деньгами и документами.

Вот немножко отдохнёт, вдохнёт свежего воздуха после спёртого и загазованного в запылённом автобусе, и пойдёт дальше...

На мгновение прикрыла глаза и аж встрепенулась от неожиданности. Как из-под земли перед ней выросла фигура незнакомца:

— Огонька не будет?

— Не курю! — схватила сумки, чтобы идти дальше.

— Давай помогу, — незнакомец протянул руку к сумке.

— Спасибо, я сама. Мне тут недалеко.

— А что там есть хорошего? — молодой мужчина уже тянул к себе её сумку. Неизвестно откуда, из темноты возникли ещё несколько фигур.

Мария испугалась:

— Отпусти! Помогите!

Она бросилась между ними, уже оставив нападавшему большую сумку, тянула за собой сумку на колёсиках и прижимала к груди маленькую, самую ценную сумочку. Кто-то подставил ей подножку, кто-то толкнул. Падая, она со всей силы ударила по голове того, кто вцепился в её сумочку. Тут кто-то ударил её, и женщина упала без сознания.

Мария едва подняла тяжёлые веки. Очень болела голова, ныла спина, тянула руку. Первое, что она увидела — грязные, когда-то белые шершавые стены. Старая районная больница. Серое бельё, старые скрипящие кровати, разошедшие тумбочки и стулья...

Кто-то застонал рядом. С трудом повернула голову. Господи! На серой подушке такое знакомое и родное бледное лицо с предательски краснеющим шрамиком над губой, из-под бинтов непослушной копной торчат соломенные волосы...

МГНОВЕНИЕ

Яблочко в курчавых небесах
Райское, как чудное видение.
Жизнь моя – она в твоих руках,
Жизнь моя – одно прикосновение.

В рай иль в ад простелится наш путь
Я ведь знаю, это лишь забвение.
Все, что было – нам уж не вернуть,
Наша жизнь – то лишь одно мгновение.

Глянь, огонь пылает в небесах:
Наших рук, сердец прикосновение,
Грусть сверкает только лишь в глазах,
В мыслях, в душах – радости свечение.

Наших душ слияние вовек
Не разбить, любовь – не увлечение,
Милый мой, родимый человек,
Наша жизнь – она как приключение.

Радость под смеющейся звездой -
Все вокруг наполнено свечением.
Ты душою вечно молодой,
Наша жизнь – то лишь одно мгновение!

Тирасполь для меня – не дома и не улицы,
Не рынки, не маршрутки и не церквей башни,
А вы, люди, ваши светлые лица,
Все мысли, чувства и все дела ваши.

Я к вам обращаюсь со словом и просьбой:
Я боюсь взорванных маршруток и поднятого асфальта...
Не хочу больше услышать сирен свирепый вой!
Пусть своей чередой дни идут: не как омега-альфа!

Желаю лишь добра и радости вам,
Счастья, удачи и крепкого здоровья!
Я молюсь всем возможным богам
Чтоб не пылало больше Приднестровье!

НЕ ВОЗВРАЩАЮСЬ

Не возвращаюсь... никогда
Мне не вернуться вновь туда,
Где дни мои уже пропеты,
Где не дождусь зимою лета,
Где день и ночь в глуши глубокой,
Где снова буду одинокой...
Стремлюсь вперед и вверх, а там -
Как чайка морем по волнам -
Трепещу сердцем и душою
С тобой, любимый, лишь с тобой.
Не возвратись, не воротись -
Ты новую создай нам жизнь!

Украина





Мила Романова



Артур Томский

МИЛА РОМАНОВА

Нам отпущено в срок
Где-то встретиться, где-то расстаться.
Ты в пространстве свободен, твой путь независим и прям.
Можно плакать от радости. Или от боли смеяться.
Можно в жизни чужой поискать и ответ и изъясн.
Я не знаю, что делаю. Мыслей, эмоций лавина.
Я в пространстве свободна. Мой путь независим и чист.
В ожиданье душа, что найдется моя половина,
А зимой не погибнет весной родившийся лист.
Здесь у нас на земле все имеет конец и начало.
Там, на небе, едины, а здесь каждый связан судьбой.
А любовь, словно лодка, отчаянно ждет у причала
Той минуты, когда же все это поймем мы с тобой.
А любовь, словно ветер, который гуляет, как прежде,
Стаи туч собирая в веселый весны хоровод.
Прилетит он внезапно, откроет дорогу надежде,
Верой сердце наполнит и в рай за собой позовет.
... Ты в пространстве свободен. Мой путь независимый, ровный.
Все конечно, а значит придет расставанья пора.
Здесь у нас на земле все туманно, неясно, условно.
Лишь любовь, как гитара, отчаянно ждет у костра....

Ты принес мне цветы,
Но сказал, что окончена сказка.
За окном плыл сентябрь,
В желтых листьях купался закат.
Как прекрасно начало, но все же приходит развязка.
Так и эти цветы, что вторую неделю стоят.
Не завяли они. Будто с клумбы их только сорвали.
Так доверчиво нежны и так бесконечно чисты...
Осень шла за окном. В желтых листьях огни догорали...
В жизни был сентябрь и забытые всеми цветы.
Дождь о стекла звенит, словно горстка монеток в кармане.
В желтых листьях запутался холод пустынных аллей.
Ты ушел в никуда, растворился в осеннем тумане.
А цветы на столе, как осколки надежды моей...

Черный человек живет во мне.
Белый тоже там же обитает.
Черный – в мрачной тени на стене,
В складках штор, в задернутом окне
И в остатках снега, что не тают.
Белый человек живет в стихах,
В том, что я люблю на этом свете:
В добрых, теплых солнечных лучах,
В ярких брызгах, маминых руках
И в огромном розовом букете.
Белый – свету радуется, дню,
Он поет и песни сочиняет.
Соберет друзей моих к огню...
Только почему же я храню
Те остатки снега, что не тают?
Почему грущу, когда светло,
В сумерки я зажигаю свечи,
И когда на сердце тяжело,
Я смотрю в оконное стекло
И ищу там что-то каждый вечер?
Белый человек живет во мне,
Только он по-черному скучает.
Снова ставлю розы на окне
И смотрю в прозрачной тишине
На остатки снега, что не тают...

Город пахнет вкусной спелой дыней
И асфальт плывет под каблуками.
Под грибком со шляпкой темно-синей
Выпью колы, посижу с друзьями.
Быстрый взгляд, как острая рапира
Проколот толпу людскую плоско.
Целый вечер вновь поет Земфира
Из окна открытого киоска.
Сумерки спускаются неслышно,
Летней ночью звуки замолкают,
Суэта становится излишней.
Жесты и слова в потемках тают.
Только запах и прикосновенье,
Только чувств на сердце тонкий иней...
Пахнет ночь жасминовым цветеньем
И немножко теплой вкусной дыней.

Когда проходят годы... На исходе
Приходит осознание о том,
Как часто в жизни мы - не по погоде,

Любой ценой, достигнув компромисса,
Лукавим сердцу и, самим себе
И поддаваясь временным капризам,
«Дрова ломаем» в собственной судьбе.
Но завтра утром волшебство случится...
Ты только двери для него открой,
Поверь в мечту. И отпусти, как птицу...
Она, взлетев, вернется за тобой...
И, наслаждаясь жизнью и природой,
Познав души расслабленный покой,
Ну что ж, не угадали вдруг с погодой,
Зато, наверняка, пришли домой...

АРТУР ТОМСКИЙ

БЫТЬ СВОБОДНЫМ

Наверно сладостное чувство – быть свободным?
От кредиторов, карточных долгов,
ни жаждущим, ни сытым, ни голодным,
без обязательств, уз, знакомств, оков.

Наверно сладостное чувство – быть свободным!
Без страха потеряться, потерять.
Быть в меру современным, но не модным.
Держать фасон, и снова и опять...

...без сожалений, зыбких ожиданий,
надежд и поисков, ошибок, злости, грез,
со стоицизмом мертвых изваяний
и мягкостью едва расцветших роз...

Всегда уверенным,
но не на сто процентов,
без срока годности,
но вечным лишь на миг,
миллионером и с последним центом,
глупцом, который
все уже постиг.

Наверно сладостное чувство – быть свободным,
других ни ненавидя, ни любя...
Как лед прозрачным и как лед холодным,
но главное свободным
от себя...

ПРЕДВЕЧЕРНЕЕ

На часах ее стрелки куражатся - «не пришел!»,
хоть недавно еще рисковали – «а может быть...?»,
даже мелкая, сука, секундная, поубавив прыть,
пластилином горячим погнулась, стекла на пол.

На стеклянном столике письменном стынет чай,
нет, не стынет уже, весь покрылся шершавым льдом,
постоянные «завтра», всегда «не сейчас», «потом»,
подмывают, проснувшись однажды, махнуть с плеча.

А подружки, дуры, завидуют: «...классный мэн,
весь такой деловой и гламурный...», ядрёна вошь.
Им его бы она уступила за медный грош,
только зла ото зла не ищут и, в общем, лень.

Не завернут, на кухне маленькой, плачет кран,
кошка, маятником бродившая, спит в углу,
эх, бы снова, одетой лишь воздухом, на метлу,
только полно, грехи подальше, закрыть в чулан.

Вновь забыла купить четверку, дерет ментол,
не летается что-то сегодня, и ночь знобит,
на часах двадцать восемь мИнуло, пресный быт,
да еще и стрелки куражатся - «не пришел!».

Этот город, словно конвоир.
Фонари – прожектора на вышках.
Россыпью звонков расчерчен мир,
отблесками хищных фотовспышек.

По стенам – пробоины окон,
смотрят через стекла, как в прицелы,
визг покрышек, будто чей то стон.
От людей лиш тени, будто цели.

Вне пределов – как стена туман.
Вне запретов – зыбкость как трясина.
Лечь на дно. Хотя бы на диван.
«...умереть, уснуть...», но так, несильно.

А с утра
вдохнуть хмельной поток
новых мыслей,
постоять под душем
солнечных лучей,
проснулся,
смог
улыбнуться,
никого не слушать,
быть собой,
стремительно стареть,
распаляться новыми делами,
знать, что «крах», «небытие» и «смерть» –
лишь слова,
придуманнные нами...

Сюжеты.
Постоянство ожиданий.
Ни дать, ни взять –
вокзал, базар, кино.
Мелькание нарядов, рангов, званий.
Уже не грустно. Больше не смешно.

Теряюсь.
Переписываю снова.
Уже бумаги нет,
а я опять
пытаюсь сохранить в песчинках слова
какой-то смысл.
Театр - ни дать, ни взять.

Я зритель,
я актер,
сценарий дерзкий –
игра лишь только моего ума.
Как занавес, открою занавески -
и жжет меня юпитерами тьма.

Уходить надо раньше, а то
все сложнее оттолкнуться на взлете,
будешь думать, что годиков сто

отписал нам всевышний в заботе,
нет резона куда-то спешить,
покидая обласканный купол,
что неплохо и вовсе лишь быть,
быть как все, наподобие кукол.

Уходить надо раньше, а то
жизнь затянет и будет труднее
запахнуть поплотнее пальто,
добровольно повиснуть на рее,
переписывать с новой строки,
начинать с незнакомой дороги,
записаться опять в дураки,
вместо крыльев отращивать ноги.

Жизнь прогнила как старый балкон,
обломиться недолго,
и вроде,
без тебя полетит под уклон,
что не странно при местной погоде.
И тогда не узнает никто,
что посмел ты груздем называться...
Уходить надо раньше,
а то
ты поверишь,
что можно остаться...

ДИПТИХ ДНЕВНЫХ ВОРОН

1
Разнузданность вечерних площадей,
фальшивый свет витрин и трепет в лужах.
Не загоревшийся фонарь как бог простужен
и холоден как мертвый фарисей.

По клавишам брусчатки капель пляс
вдруг отразит мелодию террора,
на почерневших окнах блеск позора
заметен ясно в профиль и анфас,

и неизменностью поросший ход времен.
Так было, есть и очень долго будет,
пока рассвет мгновеньем не разбудит
дневных ворон.

2

Там за рассветом, час дневных ворон,
так, как для крыс – печальный час заката.
На все есть время. Ваш Пигмалион
не лучший отблеск тени Герострата.

Смятение поднимется с плеча.
Рубить не строить. Декаданс на пике.
Дневных ворон сообщество, крича,
Касандрою родится в этом крике.

И заведет разбитый патефон
обличием рабов чумного злата...
Пришел рассвет, и час дневных ворон.
Дай Бог понять их, не страшась заката.

Когда же крысы выйдут на Бродвей
и тени в лужах станут злей и гуще,
заснет рассвет меж куполов церквей,
чтоб завтра снова улыбнулся Сущий.

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА



ОБЗОР СОБЫТИЙ ФЕСТИВАЛЯ «ЛИФФТ -2019»

IV Всероссийский литературный фестиваль фестивалей — «ЛиФФТ» — проводился в Тюмени с 26 по 29 июля 2019 года. Со всей страны и из-за рубежа приехали более 200 прозаиков, поэтов, драматургов и литературных критиков.

Торжественное открытие литературного форума состоялось 26 июля в Музейном комплексе имени И. Я. Словцова. Заместитель директора департамента культуры Тюменской области Анна Кривоносова на торжественном открытии фестиваля отметила:

Наш край славится отнюдь не только мехами и нефтью, он славен удивительным сибирским характером и богатой душой. За тюменцами уже закрепился бренд «холодные снаружи — горячие внутри». Благодаря именно этим качествам наш поэт Николай Шамсутдинов стал победителем III Всероссийского фестиваля фестивалей ЛиФФт. Тюмень называют «Золотые ворота Сибири». Помимо Тюмени участникам предстоит посетить и Тобольск, нашу «красную горницу». В этом маленьком городе более 200 памятников под открытым небом. Я очень надеюсь, что каждого из вас Сибирь обязательно вдохновит, и очень скоро появятся новые стихи, новые произведения о людях, которые здесь живут, и о крае, который воспитывает этих людей.

В этом году фестиваль был посвящён Международному году языков коренных народов и 75-летию Тюменской области. Заместитель председателя Совета — председатель исполкома Ассамблеи народов России Назиржон Абдуганиев подчеркнул, что подобные мероприятия способствуют укреплению дружбы между народами России:

Ассамблея народов России вот уже более 20 лет несёт флаг дружбы народов, флаг единства нашей многонациональной России. Сегодня мы встретились, чтобы поговорить о нашей дальнейшей совместной творческой работе, чтобы укрепить многонациональное единство нашей страны. Спасибо администрации города Тюмени и правительству Тюменской области за столь радушный приём. Это сразу же настроило всех участников на нужный, дружный лад и продуктивную работу.



Основатель Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт», президент Фонда «ЛиФФт», председатель Комитета по литературе Ассамблеи народов России Маргарита Аль поздравила участников и гостей фестиваля с праздником Слова и выразила надежду, что работа участников «ЛиФФт-2019» объединит литераторов в крепкое дружное общество:

Вот уже четвёртый год мы собираемся с вами на разных площадках, но нас объединяет одно: мы любим Слово. Я надеюсь, что наша сегодняшняя работа станет подарком будущим, молодым литераторам, которые продолжат заложенное нами начало объединения литературного пространства и литераторов на основе дружбы, уважения и солидарности.

На церемонии торжественного открытия состоялась символическая передача флага фестиваля от победителя II Всероссийского конкурса «ЛиФФТ-2017» писателя Александра Вепрёва из города Сочи победителю III фестиваля «ЛиФФТ-2018», поэту, публицисту, сатирику и переводчику Николаю Шамсутдинову, который и привёз фестиваль в Тюмень.

Три дня длились выступления, творческие встречи, дискуссии, ярмарки, мастер-классы по стихосложению, переводам и редактированию текстов. Были организованы круглые столы: «Литературный социум: будущее и настоящее литературных объединений и литературных фестивалей на территории России и Евразии» (Модератор: Маргарита Аль — поэт, общественный деятель, президент Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФТ»); «Год языков коренных народов» (Модератор: Сергей Дмитренко — писатель, историк русской литературы и культуры, проректор по научной и творческой работе Литературного института им. А. М. Горького).

Мастер-классы провели современные мастера слова: Вера Хамидуллина — писатель и переводчик (Казань), Александр Карпенко — поэт, прозаик, и композитор (Москва), Нина Ягодинцева — поэт, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры (Челябинск), Марсель Салимов — писатель-сатирик (Башкортостан), Марина Карягина — поэт (Чувашия), Виктор Пеленягрэ — поэт, поэт-песенник (Москва), Надежда Колышкина — писатель и драматург (Москва), Варис Елчиев — писатель (Баку), Людмила Вязмитинова — поэт, литературный критик (Москва), Марина Кудимова — поэт, писатель, историк литературы (Москва), Алибала Магеррамзаде — писатель (Азербайджан), Валерий Модестов — профессор Литературного института им. А. М. Горького, зав. кафедрой художественного перевода) и другие.

27 июля, в день 433-летия Тюмени, на площади Солнца работала книжная ярмарка «Пикник книг» с презентацией книг участников IV Всероссийского литературного фестиваля фестивалей. Состоялись творческие встречи с писателями России и Евразии; торжественное открытие Дня языков коренных народов, поэтический концерт «Поэзия на языках коренных народов» и парад национальных костюмов. Ведущая поэтического концерта и куратор проекта в Тюменской области Екатерина Володина отметила, что проект имеет не только огромное культурное значение, но и помогает сделать ближе и дружнее представителей огромного количества народов и национальностей, и, несмотря на языковые барьеры, великая сила поэзии объединяет сердца и души людей.

Василий Белеков из Алтая прочитал стихотворение на алтайском языке о красоте Родины. Длина стихотворения — 100 строк, причём каждая начинается с буквы «К». Все свои произведения он сопровождает музыкой хомуса.

В Тюменской областной библиотеке им. Д. И. Менделеева работала выставка «Книга Поэта и Художника» (Модераторы: Анвар Альмухаметов, Любовь Маковская, Александр Вепрёв), которая завершилась презентацией



рукописной книги «Тюмень». Вечером 28 июля в ДК «Нефтяник» — торжественная церемония закрытия фестиваля фестивалей «ЛиФФт-2019» и, ставшая уже традиционной с сочинского фестиваля, красная дорожка.

10 серебряных и одна золотая медаль нашли творческих владельцев. В этом году Лауреатом Литературного Фестиваля Фестивалей «ЛиФФт-2019» стал московский поэт Виктор Пеленягрэ, автор известных произведений «Как упоительны в России вечера», «Шарманка» и других. Так же Виктор Иванович написал музыку и слова к песне «А в чистом поле» (припев песни содержит строки: А в чистом поле система «Град», за нами Путин и Сталинград!), в ряде случаев песня транслируется на мероприятиях сторонников Владимира Путина. Виктор Пеленягрэ знаменит еще тем, что во время учебы в Литературном институте он с друзьями Про куртуазный маньеризм и другое [Добавить](#)

29 июля состоялась поездка в культурную столицу Сибири — Тобольск: экскурсия и творческая встреча с читателями Тобольска.

Организаторы фестиваля «ЛИФФТ-2019» в Тюмени — Фонд содействия развитию культурных проектов народов Евразии «ЛиФФт» при поддержке Правительства Тюменской области, Администрация города Тюмени, Федеральное агентство по делам национальностей, Ассамблея народов Евразии, Ассамблея народов России, Союз российских писателей, Союз писателей России. Следующий V Всероссийский литературный фестиваль фестивалей «ЛиФФт-2020» состоится в Москве.

КНИГА ПОЭТА И ХУДОЖНИКА



Интересным и запоминающимся событием фестиваля стал Арт-проект «Книга Поэта и Художника». Модераторы: Анвар Альмухаметов, Любовь Маковская, Александр Вепрёв.

Организаторы фестиваля привезли книги прошлых лет – созданные в Крыму, Москве, Сочи. При создании «Книги Художника и Поэта» в Тюмени, как и в предшествующие годы, каждый участник фестиваля имел возможность выразить свой творческий порыв на бумаге не только словом, но и кистью. Непрерывно участники фестиваля вносили свой вклад в оформление книги, сменяя друг друга. Оформлена книга в этот раз была не только оригинально, но и с использованием нетрадиционного для художников средства – сырой нефти!

Любовь Маковская: ««Книга художника и поэта» - это нечто уникальное. И я счастлива, что у меня была возможность быть причастной к этому гениальному творению-синергии слова и образа».

Выставка «Книга Художника и Поэта» завершилась презентацией рукописной книги «Тюмень».



ТОБОЛЬСК. ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Когда я узнал из программы фестиваля ЛИФФТ, что у нас будет поездка в Тобольск, страшно обрадовался. Это старинный город, судьба которого неразрывно связана с судьбой царской династии Романовых. О Тобольске мне щедро рассказывала писательница Светлана Храмова, написавшая о нём роман «Колокольные дворяне». Приятно удивила уже дорога – Тобольский тракт. Она настолько ровная и качественная, что спокойно было можно заснуть и компенсировать, таким образом, утренний недосып, связанный с ранним отъездом из Тюмени. Конечно, мы провели в Тобольске не так много времени – от силы, полдня. Но главное в таких поездках – ощутить атмосферу города. Остальное – историю, географию – можно «достроить» в воображении из интернет-источников.

Тобольск встретил нас ярким солнцем и торжественностью, исходящей от древних храмов. Во многих старинных городах существует диспропорция между древним и новым городом. Один отторгается другим, делая гармонию между прошлым и настоящим невозможной. Жителям Тобольска удалось каким-то непостижимым образом правильно выстроить этот баланс. Я не ощутил «вражды» между старым и новым. Складывалось впечатление, что старый город словно бы «взял шефство» над молодым. Всё в Тобольске, с одной стороны, пронизано историей, а с другой, уровень оснащённости города современными удобствами приятно удивил. Есть, есть жизнь в России за пределами МКАДа!



Несмотря на то, что в школе по географии у меня было «пять», я почему-то был убеждён в том, что Тобольск находится где-то далеко на Востоке, поблизости от Омска и Томска. Как хорошо, что я ошибся! Я ходил по старинному городу, излучавшему свет. Появилось и не отпускало ощущение праздника, именин сердца. Всё это наше духовное богатство вышло невредимым из смутного времени, когда церкви и храмы уничтожались воинствующими атеистами. Несколько раз я настолько увлёкся созерцанием и фотографированием видов древнего города, что отбилсь от «своей» группы. Необратимая свобода переполнила сердце. Почувствовав прилив сил и энергии, я забрался было на огромную деревянную галеру, стоящую у входа в Тобольский кремль. И, похоже, не рассчитал свои силы, свалившись вниз головой. Хорошо, что меня подстраховал поэт из Сочи Александр Вепрёв, победитель одного из предыдущих фестивалей ЛИФФТ. В итоге я отделался лёгким испугом и царапинами.

Тобольск – не только духовный и исторический центр Сибири. Его жители чтят память людей, оставивших след в истории города. Запомнился памятник Фёдору Достоевскому. Писатель провёл в Тобольске 10 дней в пересыльной тюрьме. Обычно памятники деятелям культуры ставят «усреднённые», не привязываясь к тому или иному событию из их жизни. Достоевский с кандалами – очень нетривиальное решение. Конечно, город несколько не виноват в страданиях писателя. На мой взгляд, Николай I поступил с ним некрасиво. Прегрешение, если оно и было, вряд ли тянуло на несколько лет каторги. Скульптура напоминает нам о тяжёлых испытаниях, выпавших на долю этого незаурядного человека. Эшафот и каторга не только не сломили его, но и выковали дух, сделав сильнее. Памятник Достоевскому был установлен недалеко от столовой, где мы питались. Не подкачал и общепит. Пища была вкусной, а интерьер столовой – эстетически комфортным. Но я не стал засиживаться у еды, чтобы успеть пообщаться с великим писателем, пока мои товарищи вкушают трапезу. Потом до отъезда в Тюмень мы успели ещё выступить со стихами в местном Дворце Культуры. Тобольск надолго останется в наших сердцах.

Александр Карпенко

КРАЕВЕДЕНИЕ

ЛЮБОВЬ МАТВЕЕВА

СТЫЛАЯ ЖАРА «ЧЕЛОВЕКА ЭКСТРИМЫ»

отрывок из документальной повести «Спутницы менестрелей»



Балаклава начала 20 века

«Живут люди на Камчатке, живут в Сахаре, и в башкирских солончаках, и не только живут, но даже возвышаются до создания собственной поэзии. С этой точкой зрения, пожалуй, можно жить не только в Балаклаве, но и в аду. Кстати, с последним у нее много общего: адская жара и адская скука!».

Эту запись 20 августа 1908 года в «Балаклавском альбоме», который завела Елена Дмитриевна Левенсон для приезжих знаменитостей при городской библиотеке, оставил писатель Михаил Петрович Арцыбашев. Действительно, спорить с августовской жарой в Балаклаве трудно. Что же касается скуки в разгар сезона в модном по тем временам курорте – тут автор немного преувеличил. Сам он не раз становился объектом, эту скуку развевающим — устраивал скандалы в гостиницах и ресторанах. Учинял погромы в театре. Вызывал на дуэль царских особ. Острые на язык местные листригоны награждали его обидными прозвищами: «Гнусавый дуэлянт»,



«Бульварный писака», «Тугоухий скандалист»... В столицах же его удостоивали совсем другими титулами: «Человек экстримы», «Король порнографии», «Массон литературной элиты России»...

Немногие современные читатели знают сегодня творчество писателя. А ведь в начале прошлого столетия существовало целое направление в искусстве – «Арцыбашинщина». Русский кинематограф делал свои первые шаги с экранизации его произведений. В столичных и провинциальных театрах с аншлагом шли постановки запрещенных пьес. Во многих странах мира гремели судебные процессы над автором нашумевших романов. Авторские труды арестовывались, становясь потом классикой, книги изымались из продажи, а затем возводились в ранг бестселлеров. Эти ристалища сопровождали литератора всю жизнь. На время затихая, они вспыхивали вновь, как только в печати появлялся рассказ, повесть или роман. Произведения писателя, рожденные в долгих раздумьях, в смятении его хрупкой души, томящейся под панцирем незавидной внешности, спустя долгие годы, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Михаил Арцыбашев родился 24 октября (5 ноября) 1878г. на хуторе Доброславовка Ахтырского уезда Харьковской губернии, в семье начальника полиции. Рано лишился матери, польки по происхождению. В детстве после болезни оглох на одно ухо, в дальнейшем заболел туберкулезом. В 16 лет пытался покончить жизнь самоубийством. Однако выжил, но это был уже не прежний жизнерадостный и мечтательный паренек, а повзрослевший, замкнувшийся в себе человек. Его друг юности, Евгений Агафонов вспоминает: «Был он наружности оригинальной – длинные волосы, черная борода, мертвенно-зеленый цвет лица, худой и сутулый... Всю жизнь болел, часто лечился на юге, а его всегда тянуло в Доброславовку — милую, но сырую и малярийную...». Бросил гимназию после 5-го класса, увлекшись живописью, уехал учиться в Харьковскую школу рисования. В своей автобиографии Арцыбашев пишет: «В детстве желал быть охотником, но не прочь и офицером, потом очень долго мечтал быть художником, и вдруг неожиданно стал писателем. Произошло это потому, что я влюбился!».



Михаил Арцыбашев

В 20 лет он женился по страстной любви, на девушке из соседнего имения, но из-за несходства характеров через 3 года развелся. От этого брака остался сын Борис, ставший впоследствии известным художником в Америке. Оставив Харьковскую рисовальную школу перед самыми выпускными экзаменами, Арцыбашев уехал в Петербург. Не попав в Академию Художеств, остался совершенно без средств, зарабатывал на жизнь рисованием карикатур в петербургских газетах, публикуя там свои рассказы. В 1904г. был напечатан рассказ «Смерть Ланде», давший автору уже известность. В 1905г. он стал вдохновителем литературного «Кружка бьющих» (В. В. Муйжель, А.А. Вербицкая, А. С. Рославлев, А. П. Каменский). В 1907г. вышел в свет роман «Санин», принесший ему не только всемирную славу, но и всеобщую травлю.

Не просто складывалась личная жизнь писателя. По воспоминаниям современников, Михаил Петрович второй раз женился на женщине ничем не примечательной, намного старше его. Они прожили двенадцать лет. Он стал для нее любящим, верным и заботливым супругом, написал при ней „Санина“, прославился, разбогател, но как только перевел на ее имя большую часть своих денег, она тотчас же оставила его ради заурядного актера быкообразной наружности.



Елена Княжевич

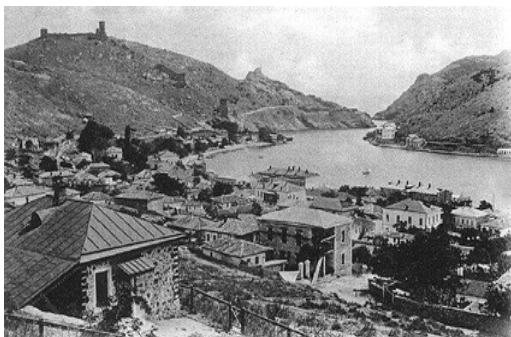
Главная писательская цитадель Петербурга располагалась в то время в ресторации «Вена». «Быть причастным к литературе и не побывать в «Вене» – все равно, что быть в Риме и не видеть Папы Римского» – шутили члены кружка. Пишущей братии там был объявлен кредит и скидка с прейскурантных цен. Вплоть до 3 часов утра в ресторане бурлила жизнь. Только усиленные просьбы владельца заведения – Ивана Сергеевича Соколова, заставляли писателей подниматься с насиженных мест. Арцыбашев часто бывал мрачен и молчалив. Наблюдая за пировавшими вокруг него собратями, сам не увлекался ни вином, ни обильной едой. Уходил в бильярдную, выигрывая там партию за партией. Именно в

«Вене» он впервые увидел ту, которая на многие годы станет его ангелом-хранителем. Однажды Анатолий Каменский – автор эротических бульварных романов, привел на заседание кружка свою гражданскую жену Елену Княжевич – актрису одного из петербургских театров. В свете говорили о ней разное: наследница богатых родителей, покинувшая отчий дом в поисках приключений и счастья, несколько раз неудачно пытавшаяся выйти за муж, авантюристка, «эмансипе»... Спустя неделю, в литературных кулуарах поползли слухи о романе Арцыбашева и Княжевич. Вскоре они вместе отправляются на юг.

Крым очень благотворно влиял на физическое состояние писателя, но практически ни одна его поездка туда не обходилась без нравственных мучений. Губернские газеты того времени писали: «В Ялте, во время обыска у знаменитого писателя Арцыбашева в гостинице «Джалита», два городских, просматривая рукопись пикантного романа «Санин», умерли от стыда. Арцыбашев привлекается к ответственности». В этих обстоятельствах Таврический губернатор запретил писателю поселиться в крупных крымских городах...».

Неподалеку от Алушты родственникам Елены Ивановны Княжевич принадлежало имение Кучук-Узень с прекрасным парком реликтовых

деревьев. Погостив там неделю и напрочь рассорившись с владельцами поместья, Арцыбашев со спутницей отправляется к Сергееву-Ценскому. Его скромная алуштинская дача всегда была открыта для писателей, поэтов, музыкантов. В ту весну там гостил Г.С. Скиталец и А.И. Куприн. На просторной веранде («Шагальне» – так называл ее хозяин дома) пили чай у самовара, обменивались мнениями о литературных новинках, читали, пели. Михаил Петрович, стесняясь своей глухоты, участия в общем веселье не принимал. Уединившись в уютном дворике, делал зарисовки живописной округи в свой альбом. Узнав от Марии Карловны Куприной о Балаклаве, загорелся идеей побывать там.



Дом Г.Ф. Арони

Оттуда открывался прекрасный вид на бухту и старинную крепость. Соседом оказался бывший узник Шлиссельбургской крепости, «Главный террорист России» (так называли его местные жандармы) народоволец М. Н. Тригопи. По воспоминаниям врача С. Никонова, по приезду в Крым настроение революционера было угнетенным, подавленным. Но скоро Ми-



С.Н. Сергеев-Ценский

С тех пор этот тихий городок прочно вошел в жизнь писателя. Хотя поначалу все складывалось не просто. После многочисленных скандалов с владельцами меблированных комнат и гостиниц, Арцыбашев поселился у Георгия Федоровича Арони. Его просторный дом с тенистым двориком располагался на одной из верхних улиц (ныне ул.9 Мая).

хаил Николаевич вполне восстановил душевное равновесие, был очень общителен со знакомыми, часто шутил и весело смеялся. Поражала его необычайная простота и прямота в отношениях с людьми, это был на редкость добрый, мягкий и приятный человек. От матери Ольги Михайловны – дочери адмирала Российского флота М. Н. Станюковича, досталась ему приличная сумма денег.



М.Н. Тригони

Купив домик в Балаклаве, начал обустриваться. Затеял строить пристройку, говоря, что после его смерти дом останется для бывших политзаключенных. Но стройка продвигалась медленно. Тригони каждый день покупал каменщикам и плотникам вино и закуску: « — Довольно! Пойдемте, закусим немного. Вы уже сегодня наработались...». Михаил Николаевич много читал и любил поговорить на современные политические темы. В лице Арцыбашева он нашел умного собеседника. Между обоими Михаилами возникла дружба, которая продолжалась несколько лет. Итогом долгих бесед о революции стала повесть «У последней черты», которую писатель начал писать в Балаклаве.

Вторым человеком, с которым Арцыбашев поддерживал дружеские отношения, был местный фельдшер Евсей Маркович Аспиз. Он следил за здоровьем писателя, сопровождал его на прогулках, знакомя с обычаями, достопримечательностями городка, и людьми, живущими здесь. Играя с Михаилом Петровичем в шахматы, подолгу беседовал о литературе, о политике, о жизни.

Елена Ивановна участия в разговорах не принимала. Ее, как актрису столичной труппы антрепризы К.Н. Незлобина, волновала сцена. Она мечтала сыграть в Балаклавском театре «Прогресс». Но актеры на сезон там уже были собраны, и свободных вакансий не оказалось. Именно с этим театром связан громкий скандал Арцыбашева. Впоследствии С.Н. Сергеев-Ценский вспоминал: «Решив пойти на премьеру, дабы угодить жене, и учитывая свою глухоту, заранее заказал два билета в первом ряду. Но когда пришел к началу спектакля, то кассирша сказала, что все билеты первого ряда, как и второго, и третьего, и четвертого, уже проданы, а есть места только в



Е.М. Аспиз

пятом ряду. Барышня эта сидела за своим столиком с билетами как раз над бухтой. И вот, писатель хватает столик за ножку и швыряет его в воду со

всей выручкой и с непроданными билетами. На шум собрался народ. Потом он спрашивает: « — Сколько стоит?» И когда ошеломленная плачущая кассирша лепечет: ” — Полтора ста рублей должен быть полный сбор”, он уплывает всю сумму и уходит”... ” — Всего только полтора ста рублей, а сколько написали и в скольких газетах! ” – совершенно непритворно ликовал Михаил Петрович. — “Ни об одном романе моем, даже о «Санине» так дружно не писали! Позже, администрация театра, узнав, что «дебошир» – известный писатель и драматург, пыталась замять конфликт, который возник по причине забывчивости кассирши. Ему предлагали бронировать места на ближайшие премьеры, но Арцыбашев отказался. К великому сожалению Елены Ивановны.

В ту пору особой популярностью в Крыму пользовался праздник «Белого Цветка». Юноши и девушки ходили по улицам Балаклавы с шестами, увитыми белыми цветами, и собирали пожертвования. Повсюду устраивались благотворительные базары, работали буфеты, шли концерты. Прейскуранта цен не было – давали, кто сколько может. Организаторы особенно подчеркивали то, что важен каждый пятак, собранный в помощь больным и малоимущим. Акции «Белого Цветка» проходили под патронатом царской семьи, в них принимали участие все слои населения.

Елену Княжевич пригласили выступить в благотворительном концерте. Билеты Матвеев Александровичу Апраксину, чья великолепная дача находилась на Западном берегу, вызвался отнести Арцыбашев. Граф, приходившийся кумом императору, не удостоил писателя аудиенции. Через лакея последовал ответ: «Хозяин-



Дача Апраксина

сам знает, где находится касса. И если ему будут нужны билеты, он их там купит!» Возмущенный писатель достал блокнот и написал записку, что сам он из дворян, и что отказом принять его, нанесено ему унизительное оскорбление. Он вызывает графа на дуэль, и будет ждать секундантов. Если же Апраксин откажется, то он будет считать его трусом и негодяем! Арцыбашев вернулся домой довольный и радостный, что вот так романтично закончится его жизнь. Секундантов он так и не дождался.

Елена Ивановна ушла на концерт одна. Но выступить ей не удалось. Ворвавшись в зал театра, Арцыбашев грубо схватив за руку жену и громко сквернословя, потащил ее к выходу, под возмущенными взглядами публики. Княжевич, пунцовая от стыда, едва сдерживая слезы, вынуждена была

подчиниться. На следующий день, через нарочного, граф М. А. Апраксин отправил градоначальнику Севастополя письмо с требованием о немедленной высылке Арцыбашева из Балаклавы. Но получил ответ с советом проигнорировать инцидент, так как высылка хулигана-писателя только добавит ему скандальной популярности.



Театр «Прогресс» (справа)

скую», подпоясанную красным поясом, и длинные бархатные брюки, поэтому обращал на себя всеобщее внимание. На ногах блстели (как луна) лаковые ботинки.

«Человек экстрима» имел уже довольно сильно поседевшую «львиную гриву». Добавить к этому очки с темными стеклами и необыкновенно гнусавый голос. Страстно играл в бильярд. Был в этой игре виртуозом. Любил также «ловить чертей на дне рюмки». Довольно часто, его жена, обойдя все значные места, и найдя супруга в каком-нибудь закоулке, присаживалась рядом. О чем-то тихо разговаривала, будто с ребенком, а потом, полу-обняв за сутулые плечи, вела его домой. Местные обыватели не переставали удивляться – что может связывать эту симпатичную молодую женщину с этим старым, больным гнусаво - тугоухим скандалистом?..»

Пробушевав несколько дней, буря чувств неожиданно затихала, чтобы в очередной раз вспыхнуть с новой силой. «Некоторые говорят, что я груб и злобен. Это неправда. Я не груб, а резок; я не злобен, а просто живой человек, который кричит от тоски и боли» – всякий раз повторял Михаил Петрович, польщенный легкостью своей победы над женой. И в знак примирения дарил ей свои рисунки – портреты, сделанные карандашом.

Он не столько любил ее, сколько ревновал, выстрадав пьесу „Ревность“.

Сцены ревности между супругами вспыхивали постоянно. Во время размовок, Арцыбашев по несколько дней не появлялся дома. Е.М. Аспиз вспоминал: «Типичный представитель столичной богемы, говорил со всеми тоном, не допускающим противоречия. Он всегда был одет в черную шелковую рубашку, так называемую, «толстов



*М.А. Арцыбашев.
Автопортрет*

Впрочем, Сергеев-Ценский утверждал, что львиную долю работы над сюжетом и диалогами, взяла на себя Елена Ивановна: «Ему часто предлагали театры написать что-нибудь для постановки на сцене, но он, по его же словам в разговоре со мной, никак не мог заставить своих действующих лиц выйти из-за стола, за которым они сидели, пили и говорили. “Говорят, черт их знает что, а с места ни за что не могут сойти!” Наконец, при помощи актрисы Княжевич он написал пьесу “Ревность”, имевшую большой успех. Эта работа дала ему в один сезон несколько десятков тысяч. Позже я слышал, что все свои деньги он проиграл в одну неделю в рулетку, в Монако, оправдав этим пословицу: что легко наживается, то еще легче проживается...»



Портрет Е.И. Княжевич



*М.П. Арцыбашев и
Л.Б. Яворская*

Драма, написанная в Балаклаве, прогремела на весь свет – ее ставили в столичных и провинциальных театрах Америки и Европы. В 1914 году, осторожный Александр Ханжонков экранизирует пьесу Арцыбашева. Это был мужественный шаг. На кон режиссер поставил своё реноме порядочного человека и авторитет уважаемой в мире кинофирмы. Риск был в съемке «проповеди сексуальной распущенности», накануне Первой мировой войны.

Но в театре и в синематографе блистали другие. Драматург, несмотря на появляющиеся иногда в театральной прессе положительные рецензий о спектаклях, где играла Княжевич, не очень высоко ценил актерское дарование жены, доверяя главные роли более профессиональным исполнительницам.

В нескольких его пьесах главные роли исполняла популярная актриса того времени Лидия Яворская. И все-таки Елене Ивановне однажды удалось блеснуть перед широкой публикой.

В годы войны культурная жизнь в Крыму не замирает. В Феодосии улицы пестрели афишами:

Летний сад. Городской театр. В понедельник 18 июля 1916 г.

Правление феодосийского округа Стоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны и Российское общество спасения на водах устраивает ВЕЧЕР при благосклонном участии Профессоров: Петроградской консерватории Н.Н. Кедрова, Харьковского музыкального Училища А.А. Борисяк,

поэтов М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама, В.Ф. Ходасевича; Артистов Императорских театров: Мариинского П.З. Андреева, Александрийского – Е.М. Манасеиной; Декораторов Императорских театров Князя А.К. Шервашидзе, и К.В. Кандаурова; Артистов Петр. Музыкальной драмы Л.К. Некрасовой. Московского Художественного театра Н.О. Моссалитинова; Студии Московского художественного театра О.В. Баклановой и Е.Ф. Краснопольской, Д.А. Зеланда и И.В. Васильева, Театра Незлобина Е.И. Арцыбашевой



Актриса

Е.И. Княжевич-Арцыбашева

- Княжевич; певиц: М.А. Зыряновой, Т.Б. Крыловой, А.К. Моисеенко, А.В. Павловой, и С.И. Семеновы; скрипача С.С. Дымека; пианистки Ю.Ф. Львовой и пианистов: Владимира Бунимовича и Н.В. Павлова; свободных художников – Р.И. Борисяк, Ю.Л. Оболенской и Н.И. Хрустачева; декоратора – художника С.М. Живова; администратора И.И. Портнова и других лиц.

Согласно отчёту в газете «Южные ведомости», Вечер принёс 1601 рубль сбора. Почти все участники вечера дружили с Максимилианом Волошиных. За курортный сезон 1916г. через гостеприимный дом Волошиных в Коктебеле прошло более шестидесяти человек. Чета Арцыбашевых гостила здесь и раньше. Однажды два знаменитых писателя – Арцыбашев и Волошин прогуливались в окрестностях знаменитого хребта Узун-Сырт, где проходит «Золотая параллель мира». Увлечшись беседой, Михаил Петрович сорвал с головы шляпу и бросил в сторону. Ветер подхватил ее и долго кружил в воздухе. Так были открыты удивительные воздушные потоки в этом районе. Через несколько недель здесь уже опробовали себя в полетах первые планеристы.

Арцыбашев резко не принял Октябрьский переворот 1917года. «Идеалы очень хороши, но и мыльные пузыри очень красивы», – заявлял он. В своих «Записках писателя» он пишет: ««Я ни единой минуты не служил большевикам; за все пять лет не получал от них никакого пайка, кроме той осьмушки хлеба, которую выдавали по карточке третьей категории всем и каждому; я не домогался охранных грамот и потому потерял все, что мог потерять; я не подчинялся советским декретам, поскольку они относились ко мне лично, и до самого конца пребывал в положении злостного дезертира, как военного, так и трудового; я не участвовал ни в каких



Иллюстрация Арцыбашева в книге «Записки писателя»

«культурных» учреждениях политпросвета и не дал ни одной строчки, ни в какую «Красную Ниву». На официальное предложение большевицкого «Госиздата» я ответил письменно, что до тех пор, пока нет в России свободы слова я им не писатель! Мне приходилось зарабатывать на хлеб собственными руками, но эти руки ни разу не протянулись к большевикам, и, да простят мне грубость, я предпочитал чистить ватерклозеты, в буквальном смысле этого слова, чем работать с большевиками, хотя бы и на предмет сохранения величайших культурных ценностей!».

За время, прошедшее с выхода первых публикаций литератора, его творчеству было посвящено 146 книг и крупных статей, не говоря уже о бесчисленном множестве информационно-обзорных упоминаний. После Октябрьской Революции в России он пришел к выводу, что уже не найдет на своей Родине ни читателей, любителей его творчества, ни достойного места для себя, как писателя. До лета 1923 года Арцыбашев жил в скромной квартире в Мамонтовском переулке в Москве, не участвуя в литературно-общественной жизни. Определившись с гражданством (по материнской линии он приходился правнуком польскому генералу Тадеушу Костюшко), эмигрировал в Польшу и поселился в Варшаве. Там он сблизился с Борисом Савинковым, стал активным сотрудником газеты «За свободу!».



М.П. Арцыбашев в редакции газеты «За Свободу!»



М.П. Арцыбашев в редакции газеты «За Свободу!»

Елена Ивановна тяжело переживает разрыв с родиной. На все ее уговоры вернуться, он отвечал: « — Я покинул Россию не для того, чтобы бороться за нее! Не для того, чтобы освободить русский народ от рабства, но, прежде всего — для того, чтобы самому не быть рабом!». Видя ее подавленное состояние, супруги Мережковские организовавшие Литературно-философское общество “Зеленая Лампа”, предложили ей создать театральную студию. Поначалу она загорелась этой идеей — носилась по городу, собирая актеров, подыскивала помещение и реквизит. Но тяжелая болезнь мужа помешала осуществить планы. 3 марта 1927 г. в четыре часа пополудни

Михаил Петрович Арцыбашев умер от менингита, осложненного туберкулезом. Он прожил в Варшаве всего три с половиною года. Ему шел 49-й год.



*Е.И. Княжевич у могилы мужа.
1931г.*

М. Бунин, А. Черный, Л. Елпатьевская, А. Амфитеатров, И. Северянин, А. Карташев, И. Шмелев, З. Гиппиус и Д. Мережковский. Из далекой Америки прислал вдове свои соболезнования знаменитый художник Борис Арцыбашев – сын писателя от первого брака. В России, в журнале «Огонек» скромная заметка в несколько строк, появилась лишь спустя месяц после похорон писателя: Посмертно, на средства Русской общины в Польше вышла книга «Черёмуха» (Варшава, 1927г.). В России, в журнале «Огонек» скромная заметка в несколько строк, появилась лишь спустя месяц после смерти писателя: В СССР произведения Арцыбашева до конца 1980-х гг. не переиздавались.

Елена Ивановна, ценой невероятных усилий, смогла собрать приличную сумму денег, на установку достойного памятника супругу. Ежегодно, в день годовщины смерти Арцыбашева, на протяжении ряда лет, его могила на Вольском православном кладбище в Варшаве становилась местом паломничества русских эмигрантов. Дата отмечалась собраниями, вечерами и траурными митингами.

Но шли годы. Оставшись в одиночестве на чужбине, не имея профессии, дающей стабильного заработка, жена писателя решила покинуть Польшу. Связавшись с родственниками, жившими в Румынии, в конце 1931г. переехала к ним. В одном из своих писем друзьям, поэт Игорь Северянин (Лотарев) пишет: «...Бухарест - элегантнейший из городов. Там же живет теперь у родственников и Елена Ивановна Арцыбашева – моя старая знакомая еще по Петербургу, вдова известного писателя...». О том, как в дальнейшем сложилась судьба Елены Ивановны Княжевич-Арцыбашевой, неизвестна.

Вместо послесловия:

В 2000г. главный режиссер Театра на Покровке в Москве Сергей Николаевич Арцибашев поставил пьесу своего почти однофамильца, написанную в 1913 г. в Балаклаве и пользовавшуюся большой популярностью на дореволюционной русской сцене. Судя по реакции зрительного зала, «Ревность» Михаила Арцыбашева и сегодня - беспроигрышный репертуарный ход.



КОЛОНКА КРИТИКА



Альфия
Галимуллина



Лидия
Филиппова

АЛЬФИЯ ГАЛИМУЛЛИНА

СОВРЕМЕННАЯ ТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ИГОРЯ ЕЛИСЕЕВА

Игорь Александрович Елисеев (1952 года рождения) — известный русский поэт и переводчик, живущий в Ростове-на-Дону, автор множества сборников стихов и поэм («Траектория памяти» (1987), «Преданность» (М., 1990), «Идущий путем заката» (1996), «Славянские руны» (1997), «Поднялся ветер» (2000), «Мыс Рока» (2005), «Меж небом и адом» (2009), «Избранное» (2012) и «Стихи сестре» (2013)) и переводов (переводы стихов югославского поэта «Хитрый Петр», сборника переводов стихов народного поэта Ингушетии Магомета Вышегурова).

Игорь Елисеев — член Союза писателей России и Союза писателей Москвы, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись», который распространяется в Америке, Европе, Азии, Африке и во многих регионах России.

Переводы Игоря Елисеева получили признание литературной общественности России и зарубежья. Так, например, в 2014 году переводчик был награждён почетным дипломом в связи с празднованием 200-летнего юбилея Бханубхакты Ачарьи и за активное участие в переводе непальских стихотворных форм и издание двуязычного сборника стихов «Мост Сваргадвари», посвященного юбилею поэта. В 2015 году литературная деятельность поэта и переводчика была высоко оценена памятной золотой медалью «200 лет М.Ю. Лермонтову». Кроме того, Игорь Елисеев переводит со многих языков мира, в его арсенале переводы стихов со многих славянских языков (польский, сербский), с английского.

В предлагаемой вниманию читателя подборке представлены стихи известных современных татарских поэтов в переводе Игоря Елисеева: Газинура Муратова, Ахмета Адила, Джаудата Дарзаманова, Ляиса Зилькарная, Рустема Сультеева и Эльмиры Шарифуллиной.

В поэзии Газинура Муратова переводчика привлекла глубокая лирика, драматизм в проявлении любовных переживаний «Решил тебя я больше не

любить», «Что ж не кинулась навстречу...», «Беда», «Вечное сожаление», а также присущая татарскому народу сдержанность во внешнем проявлении чувств в стихотворении «В поезде» о судьбе осиротевшего мальчика.

И. Елисеев перевел восходящие к философским обобщениям о судьбе человечества стихотворение Газинура Муратова «Чингачгук», утверждающее вечный путь человека в истории: «А впереди — / на много тысяч верст — / бесчетные пути / без путеводных звезд. // Вот кладбище / истории, она / была когда-то / здесь погребена. // ... По прерии / шагает человек / без лука, стрел, коня — / который век!» Этой же теме посвящена поэма Нура Ахмадиева «Снежный человек», к сожалению, журнальная подборка не позволяет опубликовать всю поэму, поэтому рассмотрим ее ведущие мотивы.

Поэму предваряет цитата из статьи в «Комсомольской правде» от 6 октября 1989 года о том, что в Саратовской области поймали йети. Это сообщение определяет лейтмотив поэмы — тему исторической памяти и судеб человечества: «Гиганты-стройки лезут напролом, / Их неостановимо наступление. / Ломали ноги о железный лом / в чащах даже лоси и олени. // А ты — всегда раздетый и босой. / К чему же людям новая обуза? / И как помочь? Все заняты собой. / Нет у тебя профкома, профсоюза». Горькие рассуждения татарского поэта о последствиях технического прогресса «Решившие засунуть атом в печь, / мы сделали теперь его рабами. / Нас никогда не перестанет жечь / в Чернобыле взметнувшееся пламя...», «Неужто угрожает нам прогресс? / На молоке обжегшись, дуй на воду...». Трогательное обращение лирического героя к йети завершает драматические размышления о судьбе человечества: «Тебя, как брата, йети-джан, любя, / я от людской хочу спасти интриги. / И думаю, как убережешь тебя, / которого нет даже в Красной книге. // Ты сказка, йети. Мы счастливей с ней...».

В переводах Игоря Елисеева современная татарская поэзия предстает в широком тематическом и жанровом диапазоне. В поэзии Ахмеда Адиля переводчика привлекли стихотворения с гражданской и патриотической тематикой: «Соотечественники», «Экологические стихи», «Тревога», «Страшный город», а также раскрывающие творческий процесс («На шоссе, исполненный покоя...»). Игорь Елисеев перевел и поэму Ахмеда Адиля «Отцовская песня», в которой утверждается идея преемственности поколений: «О ты, мой сын, мой человек родной! / Надежды луч, друг верный, неслучайный! / Наступит день, и станем мы одной / великой неразгаданной тайной. / Дням нашим продолженья в мире нет, / но вечно память, вечны поколенья. В моей душе живет, о сын, твой дед. / Я у него в тяжелые мгновенья / прошу совета. И ко мне с высот, / недостижимых для меня покуда, / невидимый, он сходит, и ведет / со мной беседы. Это ли не чудо!».

Эта же мыслью пронизаны стихотворения Рустема Султьеева «Перемена», «Домовой», «Судьба», «Тайна»: «Да, жизнь человека коротка... / Случилось что-то с этим миром, бабушка... / И бабочки летят, как облака, / Как облака, летят над нами бабочки...» («Перемена»). Современная татарская женская поэзия с ее тонкой лиричностью, задушевностью в переводах И. Елисеева представляет Эльмира Шарифуллина. Лирическая героиня ее поэзии любит и любима, ее душа не терпит фальши, очень ранима. В поэзии Э. Шарифуллиной неизменно присутствует тема детей и детства, которые требуют бережного к себе отношения: «Не из сказки ли ты появилось, дитя? / Вьется светлый мотив, за тобою летя. / Каждый шаг твой и каждый руки

твоей взмах / Вызывают восторг и в душе, и в глазах. / Не из сказки ли ты появилось, дитя?» («Танцующей девушке»).

В современной татарской литературе активно развивается поэзия, адресованная детям. Игорь Елисеев для переводов выбрал творчество одного из наших самых известных татарских детских поэтов — Джаудата Дарзаманова. В его стихах раскрывается разноцветный мир детства: со своими занятиями полив цветов («Наза ходит по саду»), рыбалка («Меня поймала рыба»), играми и считалками («Я считаю»), с угощениями («Слова моей бабушки»). Все стихи Д. Дарзаманова, адресованные детям, пронизывает добрый юмор в описании маленьких героев — Низы и Гульназ.

Как видим, переводы Игоря Елисеева охватывают творчество известных татарских поэтов и позволяют увидеть русскому читателю широкий тематический и жанровый диапазон современной татарской поэзии.

ЛИДИЯ ФИЛИПОВА

ПОПРОБУЕМ ВСЕ ЖЕ ПО-РУССКИ, ИЛИ ЧТО МЕШАЕТ РОССИЯНИНУ ИСПОЛЬЗОВАТЬ В РАЗГОВОРЕ РУССКИЕ СЛОВА?

Уж сколько раз твердили миру..... Хотя, может быть, эти слова не совсем в тему моим сегодняшним мыслям вслух, ведь они из басни «Ворона и Лисица» И.А. Крылова, где говорится о вреде, гнусности, лести, о том, что льстец, если пожелает, всегда отыщет уголок в сердце, но..... А ведь, если подумать, мы, пользуясь и перекидываясь в своей речи иностранными словечками, к примеру, гаджеты, аграрный, актуальный, аморальный, анкета, бизнес, бойфренд, брифинг, вариант, голкипер, дайвер, дайджест, дебаты и т.д. и т.п., также льстим. Льстим, грубо говоря, Западу и Европе? Что, у нас своих русских слов не хватает?

Особенно горько и плохо становится, когда не только в «желтых», но и государственных средствах массовой информации (даже в федеральных!) мелькают иностранные словечки. А ведь мы говорим, что СМИ – это основной способ распространения массовой культуры. В общем и целом, это явление можно понять и принять, если речь идет о независимой прессе, социальных сетях, хотя почему мы должны отделять их от общей прессы? Но даже если средства массовой информации будут независимы от государства, политических партий, финансовых групп, даже в этом фантастическом случае я бы не стала оправдывать всеобщее помешательство иностранными словами.

– Владеть иностранными языками полезно, – может возразить читатель Конечно. Я даже настаиваю на том, что языки (начиная с родного – в нашем случае это чувашский) надо учить, знать и умело пользоваться ими. Никто не отрицает, что владение несколькими языками существенно увеличивает уровень интеллекта человека. Никто, к примеру, не станет оспаривать необходимость знания иностранных языков в туристических поездках – на улице XXI век, открыт, можно сказать, весь земной шар. Вообще, мнение, что всякий образованный человек обязательно должен в той или иной степени владеть иностранным языком (в чебоксарских школах, к примеру, уже

полным темпом идет обучение китайскому языку), прочно вошло в нашу жизнь. Да что уж тут говорить и рассуждать, конечно же, владение, к примеру, 5-ю языками – это здорово, это даже в какой-то степени престижно!

Но когда авторитетные люди, иногда даже руководители разного ранга на мероприятиях начинают совсем не к месту использовать иностранные слова, так и хочется спросить: «В чем дело, вы хотите показать свою грамотность?.. Или безграмотность?..» Поверьте, языки – это богатство и гордость всего народа, представителей всех этносов, национальностей и т.д. Вслушайтесь, в частности, в чувашскую мелодику – это же журчание ручья! Русский тем более по праву считается одним из самых певучих и многогранных языков земного шара. Он чрезвычайно богат, гибок и живописен, как писал в свое время В. Белинский.

Давайте будем откровенными. Засилье иностранных слов в наших местных языках раздражает не только меня. «Одна моя подруга устроилась на работу в отдел маркетинга мерчендайзером. И если слово «маркетинг» мне было хотя бы немного понятно, то кем устроилась работать моя подруга, я не поняла и попросила объяснить. Она объяснила. Оказалось, она будет кладовщиком на складе. Так зачем было кладовщика называть каким-то иностранным словом?» – пишет в адрес редакции наша читательница. Радует, что среди наших земляков еще преобладает здравомыслие, а не пособнические, льстивые настроения. Пусть даже в вопросе языковой культуры.

...Иногда, на сон грядущий, прогуливаемся по ночному городу – по главному проспекту Ленина столицы Чувашии - Чебоксар, смотрим на рекламные щиты и магазинные вывески – все красиво, блестит и сверкает. Половина написана по-русски, половина – на иностранном. «Гараж» (ну, явно не автомобильный), «Борода» (это, оказывается, кафешка, а не парикмахерская), пабы, бутики (о-о-о, кошмар)... А почему бы сразу четко на русском не написать, что в них продают? Продукты или одежду? Для взрослых или детей? Хозтовары или мебель? Или какую услугу оказывают? Я не знаю, как вам, но в непонятный магазин мне заходить не хочется. Да и магазин ли это? Может, вообще какой-то ночной клуб? А вот и рекламный щит: на нем фото двух улыбающихся девушек в шапочках, шарфах и пальто, и... два иностранных слова. Вот и догадайся, что тут рекламируют, шапочки, шарфы, пальто, девушек, или зубную пасту для белозубой улыбки? Ладно, продвинутая молодежь поймет. А бабушки-дедушки?.. В глаза особенно бросается название одного банка – «Тимер». Обрадовались даже в первый раз, подумали, на чувашском... А вот и названия кафешек «Хуняма» (Свекровь), «Хавал» (Сила) - увы, как выяснилось, ничего чувашского здесь нет. В общем, рано обрадовались...

К чему эти мысли вслух, думаю, читатели уже поняли. Просто обидно за русский язык, да и за наш – чувашский, потому как «не отстают» в этом плане и мои земляки.

«Много стран на разных континентах... Море диалектов вокруг нас. Только воздвигаю монументы РУССКОМУ прекрасному сейчас!» Не помню автора, но какие прекрасные строки, не так ли? Даже если мы говорим, что в нашей любимой Чувашии проживают представители более 128 национальностей, ну никак нельзя забывать, что все мы – россияне, значит, должны с пониманием относиться к будущему русского языка.

ФОТО- ВЕРНИСАЖ



Виктория Красюк



Татьяна Зоммер

ВИКТОРИЯ КРАСЮК

ФОТОВЕРНИСАЖ ЛИФФТ — 2019

Виктория Красюк – член клуба РОСФОТО, работающая в таких направлениях как: travel – фотография, портретная и репортажная съемка. Участница выставки «Грани Путешествий» в Ялutorовском музейном комплексе, 2019 г.

Фотографии Виктории Красюк участвовали в создании поэтических сборников «Счастье все мое в тебе одном» и «Акварели Поднебесья».



Творчество автора связано с изучением культуры разных стран, поисками и находками интересных ракурсов, неповторимых ощущений при взгляде на удивительные уголки природы. Щелчок затвора, и фотоаппарат запечатлевает кадр из жизни, который больше не повторится, но теперь со



хранится навсегда. Уникальные изображения, сделанные Викторией, отражают мгновения жизни стран, разных по духу, ощущению времени, культуре и истории, но объединенных любовью автора к путешествиям и открытиям.



ТАТЬЯНА ЗОММЕР

Поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, автор 7 книг поэзии и прозы, главный редактор журнала «Тело Поэзии на Мегалите», журналист, газетный и телевизионный редактор, автор телепередач, ведущий редактор книжного издательства, преподаватель журналистики и технических дисциплин, инженер-конструктор, художник-график, фотохудожник, коллажист, редактор серии книг по изобразительному искусству. Член Союза писателей России, Союза московских писателей, литературно-философского объединения ДООС. Стихи, проза, критика, статьи, фотографии и графика публиковались в журналах, антологиях и газетах: «Знамя», «Литературная Россия», НГ-Ех Libris», «АиФ», «Московская правда», «Дети Ра», «Зинзивер», «Другое полушарие», «Журнал ПОэтов», «Антология ПО», «ЛиФФт», «Тело Поэзии», «Вещество», «Поэтоград», «45 Параллель», «Меценат и Мир» и др.

Персональные и коллективные художественные выставки фотографий и авторской графики проходили в Москве, Кустанае (Казахстан), Медыни (Калужская область), Миассе (Челябинская область).







**КПЦ
«ЭМВИКО»**



- ◇ **ПЕЧАТЬ от А4 до А0+**
ДОКУМЕНТОВ, ЧЕРТЕЖЕЙ, ПЛАКАТОВ, КНИГ,
ЛИСТОВОК, ВИЗИТОК, БРОШЮР, ОТКРЫТОК,
ГРАМОТ, ДИПЛОМОВ, ЖУРНАЛОВ И МН. ДР.
- ◇ **КОПИРОВАНИЕ**
- ◇ **СКАНИРОВАНИЕ**
- ◇ **ЛАМИНИРОВАНИЕ**
- ◇ **ПЕРЕПЛЕТ**
(МЯГКИЙ, ЖЕСТКИЙ, ЖУРНАЛЬНЫЙ, КНИЖНЫЙ)
- ◇ **ИЗГОТОВЛЕНИЕ
СУВЕНИРНОЙ ПРОДУКЦИИ**
ФУТБОЛКИ, КРУЖКИ, КАЛЕНДАРИ, МАГНИТЫ,
ДИСКИ, ПОДУШКИ, ПАЗЛЫ, ХОЛСТЫ И МН. ДР.

www.750750.ru

Г. ТЮМЕНЬ, УЛ. РЕСПУБЛИКИ, 61

+7(3452) 500-750, 54-64-74
emvico72@yandex.ru



Тираж 600 экземпляров

Печать по заказу
копировально-полиграфического центра «Эмвико»
Тюменская область, г. Тюмень, ул. Республики, 61
Тел.: 8 (3452) 500-750; 54-64-74
сайт: 750750.ru





**IV Всероссийский Литературный
Фестиваль Фестивалей «ЛиФФт-2019»
26-29 июля**

РФ, Тюменская область, г. Тюмень

**V Всероссийский Литературный
Фестиваль Фестивалей «ЛиФФт-2020»
РФ, Москва**

ISBN 978-5-6042198-6-7



9 785604 219867